

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

ВАН ТЯНЬЦЗЯО

**МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР
В ЯЗЫКОВОМ ВОПЛОЩЕНИИ
ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ «ДОБРО» И «ЗЛО»
В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Радбиль Т.Б.

Нижегород — 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
-----------------------	---

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МОДЕЛЕЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ	13
--	----

1.1. <i>Концепт в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии</i>	13
1.1.1. Языковая концептуализация мира и языковая категоризация мира как теоретические понятия	13
1.1.2. Объем и содержание понятия «концепт» в современной лингвистике.....	18
1.1.3. Специфика языкового воплощения концептов в фразеологии и паремиологии.....	24
1.1.4. Методы концептуального анализа.....	27
1.2. <i>Теория концептуальной метафоры в современном гуманитарном знании</i>	33
1.2.1. Теоретические принципы описания метафоры: история и современность.....	33
1.2.2. Концептуальная метафора в современной российской и зарубежной когнитивной лингвистике	37
1.2.3. Механизмы когнитивного моделирования в стратегиях когниции: метафора и метонимия	42
1.2.4. Особенности когнитивного моделирования в русской фразеологии и паремиологии.....	44
1.3. <i>Проблемы лингвокогнитивного описания этических концептов</i>	49
1.3.1. «Языки этики» в истории науки о языке («аналитическая философия» Дж. Э. Мура и пр.).....	49
1.3.2. Проблемы национальной и культурной специфики этических концептов в современной лингвокультурологии.....	53
1.3.3. Фразеология и паремиология как область языковой объективации этических концептов	57
1.3.4. Отражение национальной специфики языковой картины мира в фразеологии и паремиологии: сопоставительный аспект	60
<i>Выводы по содержанию первой главы</i>	66

Глава II. ЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ «ДОБРО» И «ЗЛО» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ	69
---	----

2.1. <i>Когнитивное моделирование этического концепта «добро» в русской языковой картине мира</i>	70
2.1.1. Модели концептуальных метафор концепта «добро» в русской фразеологии.....	70

2.1.2. Модели концептуальных метафор концепта «добро» в русской паремиологии.....	91
2.2. <i>Когнитивное моделирование этического концепта «зло» в русской языковой картине мира</i>	115
2.2.1. Модели концептуальных метафор концепта «зло» в русской фразеологии.....	115
2.2.2. Модели концептуальных метафор концепта «зло» в русской паремиологии.....	131
<i>Выводы по содержанию второй главы</i>	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	160

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено лингвокогнитивному анализу моделей концептуальной метафоризации этических концептов «добро» и «зло» в русской фразеологии и паремиологии.

Тот общепризнанный факт, что в области социальных и гуманитарных наук центр исследовательского внимания уже давно перемещается с описательного подхода к анализу фактов языка на антропоцентризм, позволяет нам изучать язык в связи с национальной ментальностью, исследовать когнитивные стратегии (способы, методы, механизмы), используемые человеком для познания окружающей среды и самого себя. В центре современных исследовательских стратегий находится изучение концептов как сложных лингвокультурных феноменов, отражающих не только культурные представления народа, но и специфику его мировосприятия и мировоззрения, функционирования психологических единиц, принимающих участие в разных видах ментальной деятельности и конструирующих понятийную (концептуальную) систему человека. В этой связи изучение базовых этических концептов «добро» и «зло», важнейших для понимания особенностей русской национальной культуры, воплощенных в русских фразеологизмах и поговорках, занимает особое место в лингвокультурологических исследованиях.

Несомненно, что концепты «добро» и «зло», наряду с другими концептами подобного типа, входят в русскую языковую картину мира этноса, являясь ее необходимой составляющей. Эти понятия во многом обуславливают специфику русского народа, его нравственно-ценностную оценочную систему и ментальность.

Поэтому изучение моделей концептуальных метафор добра и зла в большой степени помогает людям, особенно носителям других языков, понять специфику русской «наивной этики», особенности отражения представлений о добре и зле в языковом сознании русского народа. Важно увидеть

также особенности функционирования представлений о добре и зле именно в русской фразеологии и паремиологии, где отражаются приметы повседневной жизни народа, его ценности и когнитивные механизмы осмысления действительности. В связи с этим не вызывает никакого сомнения необходимость исследования моделей концептуальных метафор для концептов «добро» и «зло» в русских фразеологизмах и поговорках.

Актуальность исследования обусловливается особой научной и культурной значимостью этических концептов «добро» и «зло» в русской языковой картине мира этноса, которые являются прототипическими концептами в числе многообразных представлений о нюансах человеческих отношений, в рамках антропоцентрического и когнитивно-ориентированного подхода, востребованного в современной науке о языке.

Объектом исследования является этическое сознание русского народа в его языковом воплощении. **Предметом исследования** служат модели концептуальных метафор фразеологической и паремиологической репрезентации этических концептов «добро» и «зло» в русской языковой картине мира.

Цель исследования — лингвокогнитивное описание моделей концептуальных метафор этических концептов «добро» и «зло», отраженных в русских фразеологизмах и поговорках с компонентами «добро» и «зло» и с другими компонентами соответствующей семантики, через призму познания национальной и культурной специфики нравственной составляющей русской языковой картины мира.

Вышеуказанная цель предполагает решение следующих **задач исследования**:

- 1) Охарактеризовать научное понятие «концепт» в историко-научном и теоретическом освещении, выработать его определение и выявить особенности его классификации, устройства и функционирования;
- 2) Раскрыть теоретические принципы описания концептуальной метафоры в современной парадигме лингвистического когнитивизма; осветить

метафорические и метонимические механизмы когнитивного моделирования в стратегиях когниции;

3) Рассмотреть особенности когнитивного моделирования в фразеологии и паремиологии;

4) Дать теоретическое освещение проблематики описания «языков этики» в истории науки о языке и в современной лингвокультурологии;

5) Выявить специфику фразеологического и паремиологического представления этической составляющей русской языковой картины мира;

6) Проанализировать модели концептуальных метафор и метонимий в языковом представлении концепта «добро» в русских фразеологизмах и поговорках;

7) Проанализировать модели концептуальных метафор и метонимий в языковом представлении концепта «зло» в русских фразеологизмах и поговорках.

Материалом для исследования послужили языковые данные фразеологических и паремиологических словарей русского языка. В качестве текстового иллюстративного материала по речевой реализации когнитивных моделей, воплощенных в фразеологизмах и поговорках, используются контексты, извлеченные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка.

Объем обследования материала. В работе проанализировано около 180 вариантов и вариаций фразеологизмов, пословиц и поговорок с семантикой добра или зла в пределах 50 репрезентативных контекстов употребления, полученных методом сплошной выборки из иллюстративного материала к словарям и других источников.

Степень изученности вопроса. Понятия «добро» и «зло» как ключевые концепты этического характера имеют значительную традицию исследования в разных сферах науки и культуры — в философском, религиозном, художественном, публицистическом дискурсах, в разных направлениях гуманитарного знания (психологии, культурологии, литературоведении, линг-

вистике и пр.) на протяжении более чем тысячи лет. Назовем таких философов, как Платон, Аристотель, Дж. Локк, Б. Спиноза, Д. Юм, И. Кант, Дж. Мур, И. Бентам, Дж. Милль, Г. Сиджуик, Р. Хэар, Б. Рассел, А. А. Ивин, Г. Ч. Гусейнов и др.

Однако собственно лингвистическое изучение этических концептов типа *добро* и *зло* началось сравнительно недавно, в первой половине XX в., прежде всего в рамках аналитической философии — в трудах Дж. Э. Мура [Мур, 1984; 1993; 1999]. В наше время в рамках проблемной группы «Логический анализ языка» выработано целое направление изучения языков этики [Арутюнова, 2000]. Этической оценке посвящена научная работа Т. В. Писановой [Писанова, 1997], и научная работа Л. И. Ермоленкиной [Ермоленкина, 2002]. Что касается конкретного этического концепта «добро», то проблема его эволюции в языковой картине мира русского народа занимается У Мэн [У Мэн, 2017], также отметим фрагмент исследований в рамках ключевых идей русской языковой картины мира — о внимании к нюансам человеческих отношений [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005].

В современной лингвистике, в том числе и в когнитивной лингвистике востребованным является когнитивный подход к исследованию фразеологизмов (и паремий), который применяется в трудах А.П. Бабушкина [Бабушкин, 1996], В. И. Карасика [Карасик, 2002], О. Г. Хабаровой [Хабаров, 2004], Е. Г. Беляевской [Беляевская, 2005], А. М. Мелерович [Мелерович, 2008], Л. Г. Золотых [Золотых, 2008], С. В. Буренкова [Буренков, 2009], С. Г. Воркачев [Воркачев, 2010] и др.

Здесь стоит отметить, что фразеологизмы как материал для исследования в теории концептуальной метафоры рассматривали Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff, Johnson, 1980], В. Н. Телия [Телия, 1988], М. Блэйк [Blake, 1990], С. Глюксберг [Glucksberg, 1993, 2001], М. Леворато [Levorato, 1993], Z. Kovecses, P. Szabco [Kovecses, Szabco, 1996], G. Horn [Horn, 2003], Г. Н. Складаревская [Складаревская, 2004], М. Свенсон [Svensson, 2008] и др.

В целом отметим, что по предлагаемой нами исследовательской программе лингвокогнитивного описания этических концептов модели концептуальных метафор для концептов «добро» и «зло» в русских фразеологизмах и поговорках еще не исследовались в отечественных и зарубежных научных работах.

Таким образом, *научная новизна исследования* состоит во введении в научный оборот нового предмета и материала для научного анализа, а именно — рассмотрения традиционного арсенала нравственных понятий в фразеологии и паремиологии русского языка в аспекте когнитивно ориентированной теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что работа вносит значимый вклад в уточнение теоретического понимания особенностей фразеологической и паремиологической репрезентации, а также основных принципов методики концептуального анализа базовых русских культурно значимых этических концептов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в вузовских курсах преподавания лексикологии и фразеологии современного русского языка, в преподавании русского языка как иностранного, в спецкурсах и спецсеминарах по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, а также в составлении словарей нового типа – словарей концептов и лингвокультурных тезаурусов.

Методологической основой исследования выступают идеи и положения когнитивно ориентированной теории языковой концептуализации мира, заложенные в работах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова, В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, И. А. Стернина, З. Д. Поповой, А. Н. Бабушкина, Т. Б. Радбиля и др., базовые научные технологии лингвокультурологического исследования, представленные в трудах С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачева, В. В. Воробьева, В. И. Карасика, С. Г. Воркачева, В. Н. Телия, В. А. Масловой, и пр., принципы когнитивно-метафорического моделирования

концептов в трудах Дж. Лакоффа, М. Джонсона, З. Ковезе, Р. Гиббса, Ван Янь и др.

Методы и методики исследования. В работе использован метод традиционного лингвистического описания и методика концептуального анализа метафорических когнитивных моделей. Также используются методы этимологического анализа, методы компонентного анализа лексики (для выявления лексико-семантических инвариантов и семантических компонентов значения), методы фразеологического анализа для обнаружения специфики функционирования этических концептов в фразеологических и паремиологических единицах.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Максимально полное описание форматов знания, стоящих за языковым воплощением русских этических концептов ДОБРО и ЗЛО в фразеологии и паремиологии, необходимо осуществить с использованием научного инструментария теории концептуальных метафор и научной технологии когнитивно-метафорического моделирования.

2. Понятие концептуально-метафорической модели и соответствующая ему методика лингвокогнитивного анализа может быть успешно применена к анализу специфики фразеологической и паремиологической репрезентации русских этических концептов ДОБРО и ЗЛО. Модели концептуальной метафоризации и метонимизации этических концептов «добро» и «зло», воплощенные в русских фразеологизмах и поговорках с моральной семантикой добра и зла, являются важными лингвокогнитивными механизмами отображения в порождаемых высказываниях той или иной концептуальной схемы, или когнитивной ситуации.

3. В русских фразеологизмах и поговорках, включающих этические концепты *добро* и *зло*, отражаются определенные форматы знания о мире, модели языковой ментальности, способы видения абстрактных понятий через конкретно-чувственный опыт их переосмысления.

4. Для фразеологической и паремиологической репрезентации русского этического концепта ДОБРО характерны метафорические модели овеществленного представления добра как реального конкретного предмета (объекта, вещи, сущности, вещества), в том числе и специфицированного со своими признаками (характеристиками, функциями, атрибутами): драгоценных веществ, имущества, денег, мозоли, горы, товаров, продуктов духовного творчества и предметов с особым запахом, одушевленного представления добра как живого существа: растения, человека, матери, пространственно-ориентированного представления добра как правильного направления, пространственного представления добра как предела, конкретизированного представления добра как реальных действий «распростертое объятье» и «отдать последнюю рубашку», представления добра как дружбы и долга, и одушевленного представления добра как божества: Ангела-хранителя и Бога, а также метонимические модели, в которых концепт «добро» представлен в виде качественного атрибута *добрый*, в виде большого сердца и в которых самый концепт «добро» обозначен через призму его составляющих: доброго духа, доброй воли, доброго человека, доброго дела, добрых слов, добрых чувств, доброго характера и пр.

5. Для фразеологической и паремиологической репрезентации русского этического концепта ЗЛО характерны метафорические модели овеществленного представления зла как реального конкретного предмета (объекта, вещи, сущности, существа), в том числе и специфицированного предмета с конкретной характеристикой (функцией, признаком, свойством): плода (испорченного яблока), испорченной еды, контейнера, товара, неценного предмета, острого предмета, денег, представления зла как горячей жидкости (воды), пространственно-ориентированного представления зла как неправильного направления (движения), дурного места и гладкой поверхности (льда), и одушевленного представления зла как живого существа: зверя, волка, собаки, медведя, змеи, проигравшего, растения (дурных плодов) и пр., мифологического представления зла как сверхъестественных существ: дьявола и Сатаны,

и даже конкретизированного представления зла как образа физического действия. Также выявлены метонимические модели, в которых самый концепт «зло» обозначен через призму его составляющих: злого человека, злой воли и злого дела.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены в ряде научных статей, докладов и тезисов. Работа прошла апробацию на следующих международных конференциях: Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Нижний Новгород, 2019 г.); XIV Конгресс МАПРЯЛ «Русское слово в многоязычном мире» (Нур-Султан, 2019 г.); Международная научная конференция «Китайская лингвистика и синология» (Москва, 2019 г.); XLVIII Международная филологическая научная конференция (Санкт-Петербург, 2019 г.); Международная научная конференция «Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития» (Ереван, 2019 г.); II международная научно-практическая конференция «Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе» (Нижний Новгород, 2019 г.); V всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Языковые единицы в свете современных научных парадигм» (Уфа, 2020 г.); Международная научно-практическая конференция «Innovative processes in humanities and education (IPHE – 2020)» (Москва, 2020 г.); Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы современной гуманитаристики: педагогика, методика преподавания, филология» (Андижан, 2020 г.); Международная научно-практическая конференция «Язык – как основа духовно-исторической общности, единства и идентичности российской нации» (Красноярск, 2020 г.). Исследование обсуждалось на кафедре современного русского языка и общего языкознания ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка. Общий объем исследования составил 180 с.

Во **введении** определяются актуальность, объект, предмет и материал исследования, цель и задачи работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, вынесенные на защиту.

В **первой главе** описываются теоретические основы лингвокогнитивного описания этических концептов через призму моделей концептуальной метафоры и метонимии.

Во **второй главе** анализируются когнитивные модели концептуальных метафор этических концептов «добро» и «зло» в русской фразеологии и паремиологии и особенности реализации этих моделей в русской речи.

В **заключении** содержатся основные результаты, выводы и перспективы исследования.

Библиографический список состоит из двух частей: научная и научно-методическая литература (229 наименований, из которых — 104 на иностранных языках), фразеологические и паремиологические словари (12 источников).

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МОДЕЛЕЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

1.1. Концепт в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии

В первой главе последовательно рассматриваются теоретические проблемы изучения концепта в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, концептуальной метафоры в современном гуманитарном знании и лингвокогнитивного описания этических концептов (соответственно, разделы 1.1, 1.2 и 1.3 настоящей главы).

1.1.1. Языковая концептуализация мира и языковая категоризация мира как теоретические понятия

В центре внимания современной когнитивной лингвистики находится проблема, какие механизмы участвуют в осмыслении действительности индивидом, как знания о мире представлены в концептуальной системе человека [Osherson 1995: xi]. Все это находит свое выражение в понятии *когниция* – процесс и результаты деятельности сознания по ментальному представлению объектов окружающей действительности и их связей, включающие аспекты ‘эмоциональной интерпретации’ и ‘рациональной интерпретации’ и осуществляемые на бессознательном уровне [Johnson, Lakoff 1999: 73] по-

средством мыслительных способностей познающего субъекта [桂诗春 1991: 3; 田运 1996: 93].

В результате происходит «конструирование» модели мира в сознании человека посредством определенных когнитивных стратегий, с помощью которых данные об объективном мире, полученные посредством органов чувств, структурируются в определенные ментальные образования разной степени абстракции. В качестве базовых ментальных репрезентаций как раз и выступают концепты, представляющие собой конечный результат определенной когнитивной деятельности — концептуализации.

Концептуализация понимается современными учеными по-разному. Концептуализация — это понятийная классификация, осуществляемая по типичным признакам классифицируемых предметов [Кликс 1983: 97]; это один из важнейших процессов когнитивной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека [КСКТ 1996: 93]; это живой процесс порождения новых смыслов, отражающий механизмы того, как образуются новые знания и как можно объяснить способность человека постоянно пополнять фонд знаний о мире и т.д. [Радбиль 2013: 166]. В зарубежной лингвистике представлено более широкое понимание концептуализации, которое включает в себя не только результаты работы мысли, но и кинестетические и эмоциональные переживания [Langacker 2002: 2].

Итак, концептуализация — это основной процесс когнитивной деятельности, который происходит на ментальном уровне во взаимодействии людей с внешним и внутренним мирами и продуктами которого являются концепты в понятийной системе. Это и пополнение знаний об уже сформированных концептах, и образование новых концептов для осмысления нового опыта во взаимодействии с внешним миром.

В научной парадигме когнитивистики концептуализация также тесно связана с семантикой: значения языковых выражений тоже понимаются как

концептуализация. Образование значения представляет собой динамический процесс, при котором лингвистические единицы служат идентификаторами массива концептуальных операций и сопровождающих их фоновых знаний [Evans, Green 2006:162]. Значение фиксирует информацию, принадлежащую миру «Идеальное» и закрепляемую за определенным звукорядом и даже служащую оязыковленной памятью, которая хранит знание об объекте из мира «Действительное» и о категориях и формах из мира «Язык», способных восстанавливаться в том или ином объеме, когда языковая единица вовлечена в знаковую ситуацию, т.е. в процесс организации речевых сообщений [Телия 1996: 99].

Связь между языком и концептуализацией воспринимается как нечто само собой разумеющееся [Carrión 2012: 1-29]. Это можно объяснить тем, что языковая компетенция способствует формированию событий в наших мозгах с чрезвычайной точностью [Pinker 1995: 15], что акцент в когнитивной лингвистике делается на разъяснение интимной взаимосвязи между языками и когнитивными способностями [Keil, Wilson 2001: 134], и что интеграция семантических репрезентаций, ассоциированных с лингвистическими формами, контекстуальными сигналами и энциклопедическими знаниями, побуждает к построению комплексной концептуализации, созданной в процессе неосознанных представлений [Evans, Tyler 2003: 57].

Таким образом, мы можем говорить о языковой концептуализации мира, которая понимается как некоторая совокупность знаний о мире, представляющая собой обобщенные результаты коллективного опыта общения с миром носителей данного языка, незаметно для них отложившиеся в по-своему стройную и строгую систему языковых значений [Радбиль 2018: 126]. В этом отношении можно считать, что носители языка познают внешний и внутренний мир в основном через призму конкретных языковых единиц, за которыми стоят результаты концептуализации (концепты).

В современной концептологии наиболее активны три направления изучения концептов: 1) изучение концепта, его внутренней структуры и его роли

в процессе организации познания и становления лексической системы языка; 2) изучение процесса структурирования информации и взаимодействия разных типов концептов как различных структур представления знания; 3) изучение этнокультурной специфики формирования концепта как основы национальной языковой картины мира [Шейна 2011: 5-6].

Если концептуализация служит когнитивным инструментом для образования концептов, то категоризация является мыслительной операцией для упорядочения и классификации полученных при концептуализации концептов. Процесс категоризации — это ментальный процесс классификации [Schmid, Ungerer, 2001: 2]. Можно сказать, что процесс концептуализации сам по себе уже содержит процесс категоризации [李福印 2008: 80]. Однако они, хотя и являются взаимосвязанными, различаются по целям и результатам [Токарев 2003: 16].

Если речь идет о категоризации, то необходимо указать, что она не только касается человеческих переживаний и воображения в целом [Lakoff 1987: 25], но и включает в себя восприятие некоторой индивидуальной сущности или некоторого особого переживания как примера чего-то более абстрактного [Croft, Cruse 2004: 74], а ее результатами являются категории, выраженные прежде всего в языках.

Теснейшая связь категорий с языковыми единицами заключается в том, что лексемы, морфемы, синтаксические структуры и пр. не только составляют категории, но и также обозначают категории другого вида [Taylor 1995:19]. Так, например, в качестве лингвистических категорий лексемы *добро* и *зло* представляют собой как абстрактные единицы языка, в которые объединяются разные парадигматические формы (словоформы) одного слова, так и языковое воплощение категорий «добро» и «зло», находящихся в нравственно-ценностной шкале и являющихся необходимой составляющей совокупного духовного мира личности и этноса.

Традиционно в классической теории *категория* рассматривается как понятие, которое имеет определенные и точные границы и внутри которого все

члены имеют идентичный статус и одинаковые категориальные признаки. К тому же в этой теории еще выделяется заключенная репрезентация и вложенность определяемых признаков концепта в его подмножества [Medin, Smith 1981: 25]. Однако в научной парадигме когнитивистики категория определяется как понятие, границы которого являются размытыми и члены которого не имеют идентичного (равновесного) статуса. Так, например, слово *добро* как языковая объективация этического концепта «добро» еще имеет значение «имущество», которое рассматривается как периферийный член категории «добро» – с одной стороны, с другой – вполне возможно включение его в категорию «богатство» как прототипа.

Вернемся к языковой категоризации мира. Одним из важнейших когнитивных инструментов языковой категоризации мира являются прототипы [Langacker 1987: 371], понимание которых основано на теории «семейных сходств» [Wittgenstein 2001: 48-55]. В когнитивной лингвистике прототипами считаются те образцовые члены категории, которым приписываются самые общие признаки в ряду остальных членов этой категории: они представляют эту категорию в целом по принципу метонимии (замещения).

Еще одним инструментом категоризации мира в науке о языке является членение уровней категоризации на *категории базового уровня, категории вышестоящего уровня и категории нижестоящего уровня*, среди которых категории базового уровня (срединные категории) не только обладают первичностью, но и лежат в основе остальных категорий. Иными словами, из результатов трех уровней обобщения в восприятии одного и того же объекта «собака»: животное, собака, терьер, базовым будет средний — собака [Schmid, Ungerer 2001: 66-67]. Так, например, понятия «добро» и «зло» рассматриваются как категории базового уровня в нравственно-ценностной шкале.

Категории вышестоящего уровня обладают абстрактностью, всеобщностью, совокупностью и обобщенностью, поэтому все категориальные члены этого уровня не имеют общей целостной формы. При этом характеристики и

признаки, которыми обладают категории базового уровня и категории нижестоящего уровня, необходимо включать в категории вышестоящего уровня. Так, например, понятие «этика» как категория вышестоящего уровня включает в себя категории базового уровня «добро» и «зло». Базовые категории «добро» и «зло», в свою очередь, включают в себя нижестоящие категории. Так, например, понятие «добродетель» можно рассматривать как категорию нижестоящего уровня, относящуюся к категории базового уровня «добро». Поскольку, во-первых, лексема *добродетель* как языковая репрезентация концепта «добродетель» является родственной к лексеме *добро* как языковым воплощением концепта «добро»; во-вторых, категория «добродетель» представляет собой конкретное представление в определенном смысле категории «добро», — это душевное качество человека, которое выражается в нежном, заботливом отношении к другим людям, в стремлении сделать что-то хорошее, помочь им [Дмитриев 2003: 283].

Таким образом, концептуализация и категоризация теснейшим образом взаимосвязаны друг с другом и играют немаловажную роль в образовании конкретных когнитивных инструментов типа метафор и метонимий.

1.1.2. Объем и содержание понятия «концепт» в современной лингвистике

Когнитивная лингвистика рассматривается как совершенно новое направление науки о языке, опирающееся на эмпирический опыт человека, полученный им из взаимодействия с окружающей средой и самим собой, пытающееся не только дать универсальное объяснение естественных языков посредством когнитивных стратегий, но и разобраться в языковых значениях как концептуальных структурах, и стремящееся к обнаружению когнитивных механизмов, стоящих за языковыми фактами [Wang Yin 2007: 11].

Целью когнитивной лингвистики является выявление форматов знаний о мире, главным из которых является концепт. Концепты представляют собой не только необходимые составляющие концептуальной системы человека [Johnson, Lakoff 1999: 11], но и основу языковой семантики [Sweetser 1990: 5]. При этом можно сказать, что все когнитивные исследования вряд ли возможны без обращения к уточнению сути понятия «концепт», потому что в современной лингвистике изучению природы концепта уделяется первостепенное значение [Худяков, дата обращения: 18.02.2019].

Итак, концепты являются результатами концептуализации мира [Gardenfors 1999: 21; Langacker 1987, 1991, 1999, 2000]. В этом отношении можно сказать, что концепт имеет тесную связь со значением. Так, например, в концепте «добро» содержатся признаки значения слова *добро*. Однако значение не может быть отождествлено с концептом [Langacker 2008: 30]. Скорее, мы можем сказать, что значение слова есть план выражения по отношению к концепту как плану содержания [Кубрякова 1991: 4-21]. Во-первых, «концепт» и «значение» принадлежат разным сферам: концепты — единицы сознания, а значения — единицы языка. Во-вторых, концепт есть мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода [Аскольдов 1997: 267-279], поэтому он не может употребляться в письменной и устной речи, а существует на ментальном уровне.

Иначе говоря, значение является указателем концепта и показывает лишь главные, оязыковленные когнитивные признаки концепта, но не охватывает весь объем его содержания полностью. Так, например, слово *добро* имеет значение ‘нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное злу’, указывающее только на типичные и базовые характеристики этического концепта «добро», без которых его существование вообще не может быть реализовано в ментальном и психологическом плане. Концепт «добро» обладает еще другими когнитивными признаками: ‘оказание помощи другим’, ‘принесение другим материального и/или психологического удовольствия’,

‘адресант (отправитель добра)’, ‘адресат (получатель добра)’, которые не входят в лексическое значение соответствующего слова.

Здесь нельзя не отметить, что (языковое) значение является просто одним когнитивным атрибутом концепта, который еще совместно с другими атрибутами подобного типа составляет объем и содержание концепта. Так, например, концепт есть мысленное образование как понятие (ментальная единица, идеальная сущность); не только языковое представление концепта, но и его ментальная и психологическая репрезентация должна быть в наличии; концепт обладает культурными ценностями [Хуа Ли 2007: 9]. Здесь следует отметить, что не все концепты могут быть репрезентированы в языковом воплощении, потому что в сознании человека существует много концептов, которые не имеют устойчивого названия, но их концептуальный статус не вызывает сомнения [Попова, Стернин 2007: 35].

Любая попытка определить содержание и объем концепта связана с уточнением его связи с категорией. Всю когницию можно рассматривать как развивающее умение ориентироваться в мире, с которым еще сопряжено отождествление и различие предметов: концепты возникают для обеспечения операции этого рода [Маслова 2004: 30]. Но на наш взгляд, обеспечением такой операции служат не столько концепты, сколько категории.

Понимание концепта как категории характерно для многих лингвокогнитивных исследований английского и китайского языков [王寅 2005, 2006, 2007, 2010; 束定芳 2008; 赵艳芳 2000; 张敏 1998; Gibbs 2005; Langacker 1987, 2000; Neisser 1987]. Хотя концепт и категория во многом пересекаются, их нельзя отождествлять полностью. Так, например, концептами нельзя назвать категории, обозначенные субстантивированным прилагательным среднего рода: *общее — частное — единичное, абстрактное — конкретное, прекрасное — безобразное, нравственное, искусственное — естественное, живое — неживое* и пр.

Категория как особая психологическая единица, образованная на основе имидж-схемы (image-schema) и состоящая из взаимосвязанных между со-

бой объектов, входящих в одно множество [Reed 1973: 200], в любом случае не может в себе содержать все детали как обозначенного ей объекта, так и национально-культурной информации, стоящей за обозначающей ее номинативной единицей в языковом плане. Концепт же как раз формируется совокупностью всех признаков обозначенного им объекта (состояние, действия, признаки, свойства и пр.) и даже коннотаций. Так, например, в концепты «добро» и «зло» входят осуждение зла (злых поступков и мотивов) и невольная любовь к добру (добрых поступков и мотивов) [Даль 1882: 263], что обычно не включается в категории «добро» и «зло».

Несмотря на различие между концептом и категорией, необходимо указать, что эффекты категоризации также можно включать в описание объема и содержания концепта. Так, например, если этические концепты «добро» и «зло» исследуются с точки зрения когнитивной категории, то вполне возможно отнесение их к концепту «этика» вышестоящего категориального уровня.

Рассмотрение концепта как совокупности знаний о мире еще заключается в том, что концепт сам по себе является форматом (квантом, единицей) энциклопедических знаний о действительности, поэтому концепты считаются сгустками национальной культуры в сознании носителей языка [Степанов 2004: 42]. В этом отношении концепт как погруженное в культуру понятие обладает эмотивностью, коннотациями, аксиологичен по своей природе, и имеет «имя» / «имена» в языке [Маслова 2004: 39]. Так, например, этическим концептам «добро» и «зло» приписаны разные национальные культурные признаки, самым очевидным из которых выступает религиозный признак, отображенный во фразеологизме *дерево познания добра и зла*. Для концептов с такой культурной коннотацией довольно трудно найти соответствие в других языковых картинах мира, где христианство не является основной религией и даже вообще нет такой религии: например, в китайской языковой картине мира этические концепты «добро» и «зло» обладают коннотативными признаками, связанными непосредственно с религиями «буддизм» и «дао-

сизм». Здесь нелишне будет указать, что изучению культурных коннотаций концептов уже уделяется большое внимание отечественными исследователями, как В. А. Маслова, В. Н. Телия, Н. Д. Арутюнова, Т. Б. Радбиль, Ю. С. Степанов и пр.

Выше уже было показано, что вполне возможно применение имидж-схемы (топологической структуры) категории к описанию структуры концепта. Вообще говоря, в научной парадигме когнитивистики есть четыре модели топологической структуры: модель ключевой валидности, алгоритм близости, модель среднего расстояния, модель прототипов [Reed 1972: 382-407]. Последняя модель связана с теорией семейных сходств и теорией категорий базового уровня. Именно они будут применяться в нашем исследовании.

Под фамильными (семейными) сходствами обычно подразумевается сеть совпадающих сходств [Umgerer, Schmid 2001: 25], через призму которой все члены одной и той же категории соединяются и образуются. Говоря другими словами, любой член категории имеет, как минимум, один или несколько признаков, которые одновременно имеются у другого и/или других членов данной категории. К тому же есть мало признаков, приписанные всем членам этой категории, и даже, по крайней мере, вообще нет никакого общего признака [Rosch, Mervis 1975: 575]. Доказательством последнего служат категории вышестоящего уровня, в нашем случае — категория «этика».

Под прототипами понимаются самые типичные члены (наилучшие примеры) категории, которые не только обладают наибольшим количеством категориальных признаков, но и реализуют в системе языка ключевые (ядерные) значения языкового воплощения этой категории. Вокруг прототипов располагаются остальные члены категории, имеющие меньшую степень сходства с «ключевыми значениями» [Rosch 1973: 112].

В теории прототипов любой концепт состоит из ядра, в качестве которого обычно выступает словарное значение той или иной лексемы, являющейся языковой вербализацией этого концепта, и периферии, в состав кото-

рой входит субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексем, коннотации и ассоциации [Маслова 2004: 45]. Иначе говоря, изучение объема и содержания концепта никак не может обойтись без обращения к словарному толкованию языкового воплощения данного концепта и коннотативным значениям, приписанным именно этому языковому воплощению. Так, например, для этического концепта «добро» ядром служит словарное значение ‘благо, что честно и полезно, все чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина’ [Даль 1880: 455]. Семантические признаки ‘благо’, ‘честность’, ‘полезность’ и ‘долг’, таким образом, входят в состав его ядра. Аналогично, для этического концепта «зло» ядром является словарное значение ‘худо и лихо, желать и причинять зло другим, вредный, нагубный, противоположный добру’ [Даль 1880: 706], из которой нетрудно видеть, что слова *худо* и *лихо* совместно со словом *зло* выступают в качестве языковой вербализации ядра этого концепта, тогда как в периферию попадают, например, признаки типа ‘вред’, ‘ущерб’ и пр.

В целях установления объема и содержания концепта нужно не только определить референтную (обозначенную) ситуацию использования слов — репрезентантов концепта, но и обратиться к этимологии (происхождению) слов, являющихся языковым воплощением этого концепта, а также учитывать контексты, где эти слова употребляются [Маслова 2004: 45-46]. Так, например, для создания моделей концептуальных метафор и метонимий концепта «добро» мы выбрали слово *добро* и его родственные слова.

В конце этого подраздела еще нужно сказать несколько слов о соотношении между понятием и концептом [Красавский 2001]. На наш взгляд, концепт в филологических науках представляет собой не только и даже не столько мыслительное образование, сколько наивное понятие, основывающееся именно на эмпирическом опыте человека и обладающее при этом энциклопедическими знаниями, которые воплощают национальные особенности этнической культуры. В этой связи можно сказать, что то, что есть у понятия, входит в содержание концепта, в которое добавляется еще и этнокуль-

турная специфика. Тем самым концепт является не кратковременной конструкцией в оперативной памяти индивидуума [Gibbs 2005: 86], а минимальной ментальной единицей долгосрочной памяти носителей этнокультуры.

1.1.3. Специфика языкового воплощения концептов в фразеологии и паремиологии

Каждый, кто имеет дело с фразеологическими исследованиями, очень хорошо знает, что фразеологизмы в научно-гуманитарной парадигме представляют собой один из довольно популярных предметов исследования, потому что в фразеологизмах отражена национальная специфика языка [Войнова, Жуков, Молотков, Федоров 1968: 5]. Фразеологизмы рассматриваются как носители культурных смыслов нации: единицы фразеологии содержат информацию о культурно-национальной рефлексии субъекта, соотносящего образное содержание фразеологизма с эталонами и стереотипами культурно-национального мировидения и миропонимания [Телия 1996: 6]. Также в фразеологизмах отражены особенности национальной языковой картины мира, ментальности этноса.

Фразеологический оборот определяется как воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, постоянная по своему значению, составу и структуре [Алефиренко, Семенов 2009: 10]. Устойчивые образные выражения именуются по-разному: и фразеологическими единицами, и фразеологическими оборотами, и фразеологизмами, и фраземами, и идиомами [Melcuk 2005: 167]. Разница здесь заключается лишь в том, что устойчивые языковые обороты именуются в терминах идиом в англосаксонских традициях, и в терминах фразем в романогерманских традициях [Espinal, Mateu 2019: 1].

Не менее важная для изучения национальной специфики представлений о мире в языке и сфера паремиологии — фонд пословиц и поговорок языка. Пословицы и поговорки — это явления языка, устойчивые сочетания, сходные во многом с фразеологическими оборотами; это мыслительные единицы, выражающие то или иное суждение; это художественные миниатюры, в яркой и чеканной форме обобщающие факты самой действительности [Пермяков 1988: 11-14]. Хотя пословицы и поговорки в большой мере связаны друг с другом, они не являются эквивалентными и отличаются по степени синтаксической завершенности (полноты): поговорка — это незамкнутое и относительно простое предложение, пополняемое из речевого контекста, пословица — это замкнутое предложение, состоящее из одних постоянных членов [Пермяков 1988: 18; Телия 1996: 74].

Синтаксическая особенность пословицы дает нам возможность говорить о специфике языкового воплощения концептов в паремиях, потому что их смыслы включают в себя многовековую историю масс с большим стандартизированным опытом, и ее характеристики генезиса, связанного с различным пониманием человека и его места в мире, с историческим развитием познания мира [Бочина 2015: 27]. Иначе говоря, пословицы имеют назидательный смысл и являются логически законченной сентенцией или минитекстами с нравоучительским, философским и бытовым содержанием [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 10], поговорки лишь оценивают называемые ими явления, дают им емкую, образную характеристику. При этом все паремии (и пословицы, и поговорки) являются сгустками народной исторической образности и новейшего языкового остроумия, самым точным и ярким способом оценки окружающей среды и самого человека [Мокиенко, Никитина 2007: 3]. Стоит также отметить, что поговорки в узком смысле рассматриваются как фразеологизмы [Мокиенко 2007, 2010, 2015], потому что поговорки являются устойчивыми оборотами с образной экспрессивностью.

Итак, с одной стороны, фразеологизмы обладают общепризнанностью, общеизвестностью и стабильностью. С другой стороны, фразеологизмы в не-

которых языковых картинах мира обладают определенной лингвистической формой. Так, например, в китайской языковой картине мира фразеологизмы в абсолютном большинстве случаев состоят из 4 иероглифов (слов, слогов).

Мы знаем, что в исследованиях, посвященных изучению семантического представления фразеологизмов и паремий, вполне невозможно проведение анализа без обращения к 3 важным факторам: актуальное значение, внутренняя форма и образ. Под актуальным значением понимается часть значения, реализованная в конкретных дискурсах и лишенная образа фразеологизмов и паремий, а под внутренней формой подразумевается именно тот образный компонент плана содержания, который часто проявляется в нестандартных употреблениях [Баранов, Добровольский 2009: 21-34].

Отметим, что актуальное значение, являющееся указателем концептов, выраженных в фразеологизмах, в большинстве случаев существует в сознании носителей как универсальное и общепризнанное знание об обозначенных ими конкретных денотатов, внутренняя форма по крайней мере отсутствует вообще. Кстати говоря, для описания последнего типа фразеологизмов в работе В. В. Виноградова использован термин 'фразеологическое сращение'.

При этом в фразеологизмах и паремиях отсутствие кажущейся внутренней формы, по сущности, не оказывает влияние на описание когнитивного фрейма, построенного посредством соединения значений компонентов и дающего нам возможный путь к пониманию актуального значения.

Выше уже было отмечена особая роль образа в изучении фразеологизмов и паремий, потому что образ, связанный с внутренней формой и выводимый из соединения значений компонентов [Баранов, Добровольский 2008: 115], помогает нам в схватывании смысла (концепта), обозначенного этими же языковыми единицами и закрепленного в них.

Именно внутренняя форма отражает познавательные модели, воплощенные в фразеологии и паремиологии. Кроме этого, смысл (концепт) фразеологизмов и паремий со всей очевидностью выделен их семантически клю-

чевым словом, которое обычно выступает в своем «свободном» значении (первичном или вторичном) [Телия 1996: 65].

Так, например, в пословице *от добра добра не ищут* слово *добро* фактически указывает на тему этой поговорки, поскольку вокруг ее создан именно следующее когнитивное событие: ‘делать добро (добрые поступки) другому человеку и не ожидать ответного шага с его стороны’. На самом деле, в соответствии с внутренней формой этой поговорки можно создать еще 2 когнитивных модели: ‘если человек получил в своей жизни что-то даром, нечто, что сделало его богаче, счастливее, лучше или удачливее, он не должен требовать большего добра’; ‘представляется добро как место, где собрано достаточно много богатства, которое может обеспечить человеку достойную жизнь’. Из этого примера очень хорошо видно, что все составляющие фразеологизмов и поговорок играют немаловажную роль в формировании когнитивных моделей, выраженных и зафиксированных в них.

В целом в фразеологизмах и поговорках особым образом запечатлена народная мудрость, выражены ценностные ориентиры этноса, его представления о мире, об организации жизни, его система ценностей [Третьякова 2014: 192-197].

1.1.4. Методы концептуального анализа

В современной лингвокультурологии акцентируется внимание на изучении национальных концептов [Маслова 2001: 1], которые представляют собой формы организации знаний о мире [Jackendoff 1992: 7] и воплощают этнически обусловленные представления о мире и культурные реалии, стоящие за языковыми выражениями. Подобные исследования во многом опираются на научный инструментарий когнитивной лингвистики, который ориентирован на интерпретацию языков посредством когнитивных стратегий, кон-

цептуальных структур и энциклопедических знаний, стоящих за языковыми моделями и фактами [Wang Yin 2007: 11].

Если речь о научном инструментарии, использованном в разных когнитивных науках, то необходимо указать, что концептуальный анализ в целом не может быть каким-то зафиксированным методом экспликации концептов [Фрумкина 1992: 1-7]. Другими словами, в научной парадигме когнитивистики предложены много подходов к изучению концептов, которые оказываются весьма различными [Серова 2007: 15-22]. Это объясняется тем, что концепты являются довольно сложными мыслительными сущностями, для объяснения которых необходим многосторонний комплексный подход.

Поэтому можно говорить о концепте как о «слоистом» мыслительном образовании: этимологический слой (буквальный смысл, внутренняя форма), пассивный (исторический) слой, наиболее актуальный (активный) слой [Степанов 2004: 49, 53, 57]. Так, например, слово *добро́*, в котором представлены концепты «добро» и «имущество», толкуется в современном русском языке как 1) 'все хорошее, положительное, направленное за благо (противоп.: зло); все, что приносит счастье, благополучие, пользу'; 2) 'личное имущество; вещи, пожитки (обычно с оттенком пренебрежительности)' [Большой толковый словарь русского языка 2000: 262]. Это в высшей степени характерно для третьего слоя – актуального (активного) смысла. Что касается первого слоя, то необходимо обратиться к этимологическому происхождению слова *добро́*, которое было подробно описано в «Этимологическом словаре современного русского языка» [Этимологический словарь современного русского языка 2010: 231-232]. Из этого мы знаем, что в древнерусском языке слово *добро́* имело значение *дебель, доба, добъ, добль*, т.е. 'вещество', которое сохраняется и до сих пор как потенциал смысла и не имеет отношения к моральной оценке. Во втором слое как раз и отражена семантика фразеологизмов и паремий — образные экспрессивные представления о добре, значимые для народного языкового сознания. Именно этот слой «отвечает» за когнитивные

метафорические модели, с помощью которых воплощаются представления о добре в русской культуре.

Первым методом концептуального анализа, использованным в настоящей работе, служит анализ концептов базового уровня [Rosch 1978: 27-48]. В нравственно-ценностной составляющей совокупного духовного мира личности и этноса концепты «добро» и «зло» находятся на базовом уровне категоризации. Они не только относятся к такой ключевой идее русской языковой картины мира, как ‘внимание к нюансам человеческих отношений’ [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005: 11], но и выступают как ключевые «мировоззренческие понятия в метаязыке культуры» [Арутюнова 1991: 3], существующие в любом языке и являющиеся актуальными для каждого человека. Поэтому они, как ключевые этноспецифичные концепты, во многом обуславливают национально-культурную специфику языковой картины мира этноса [Апресян 2005: 3-30]. Также в качестве концептов базового уровня они являются прототипами (типичными членами) вышестоящей метакатегории «совесть» [Даль 1882: 262-263].

Рассмотрение добра и зла как концептов, находящихся на базовом, «срединном», уровне, справедливо еще и потому, что они соответствуют критериям концептов базового уровня категоризации: 1) целостность в чувственном опыте; 2) легкая выделяемость на психологическом уровне; 3) приоритетность среди подобных категорий; 4) типичная реакция носителей языка на стимулы, заданные этими словами; 5) частая употребляемость в речевом общении; 6) ключевая значимость [Croft 2003: 164; Бочкарев 2015: 249-254]; 7) ведущая роль в организации знаний и опыта [Wang Yin 2005: 129-130].

Следующим методом концептуального анализа является анализ прототипических эффектов, под которыми принято понимать значимые признаки образцовых членов категорий — прототипов [Dahlman, Sarwar, Baath, Wahlberg, Sikstrom 2016: 163-180]. Объясняется это тем, что в мыслительной деятельности отнесение вещества к какой-либо категории в целом осуществля-

ется по характеристикам ее прототипов в силу того, что они выступают как ориентиры для категории.

Так, например, в лексико-семантическом плане довольно легко рассмотреть 'благо' как прототипический эффект для категории «добро». Хотя благо является важным компонентом добра, но нельзя их отождествлять: так, И. Б. Левотина, сопоставляя концепты «добро» и «благо», справедливо указывает, что добро признается таковым по сути своей, а не относительно того или другого человека, благо же, напротив, всегда кому-то «адресовано» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 353-354]. С другой стороны, одно из значений слова *добро* в древнерусском языке, сохранившееся и сейчас в ряде диалектов, — это значение 'имущество' также претендует на роль прототипического эффекта.

При полевом методе анализа концепта его составляющие принято разделять на 3 части: ядерная зона, промежуточная зона и периферийная зона [Попова, Стернин 2007]. В ядерной зоне находятся прототипические признаки, рассматриваемые ориентирами для концепта, в промежуточной зоне — признаки, воплощающие его производные значения, в периферийной зоне — признаки потенциальные, ассоциативные. В качестве примера служит концепт «зло», который находится на базовом уровне категоризации и в периферийную зону которого в норме можно включить концепты «грех» и «преступление» (идея греха связана прежде всего с нарушением нормы и с ошибкой, идея преступления — с нарушением юридических или нравственных законов, сознательным или неосознанным).

Еще один используемый нами метод концептуального анализа основан на теории имидж-схемы (*image-schema*). Имидж-схема — динамичная форма организации нашего перцептивного переживания в сенсомоторной системе, придающая согласованность и структуру бытовому опыту восприятия каких-либо явлений или вещей [Johnson 1987: xiv], в которую еще включаются знания о самом человеке (его эмоциях, чувствах, отношениях и пр. к объекту

восприятия) и к окружающей среде в синхроническом и диахроническом аспектах [Rohrer 2005: 173].

Имидж-схемы делятся на *имидж-схемы «пространство»*, *имидж-схемы «ориентация»*, *имидж-схемы «действие»*, *имидж-схемы «движение»* [Hampe 2005: 2-3], находящиеся на вышестоящем уровне категоризации, в себя еще включают относящиеся к ним конкретные имидж-схемы, находящиеся на базовом уровне категоризации. Так, например, имидж-схема «ориентация» представлена имидж-схемами «слева-направо / справа-налево», «сзади-вперед / спереди-назад», «снизу-вверх / сверху-вниз» и пр., что отображается в разных единицах языка, в том числе и в фразеологизмах и паремиях. Так, в паремиях *от добра добра не ищут* посредством пространственного предлога ОТ реализована имидж-схема «с одной стороны в другую», являющаяся конкретным варьированием имидж-схемы вышестоящего уровня «ориентация» и выступающая как механизм создания когнитивных моделей концептуальных метафор и метонимий.

Если речь идет о понимании абстрактных концептов в терминах конкретных концептов, то необходимо указание на точные способы, через призму которых имидж-схему (топологическую структуру) конкретных концептов можно проецировать на имидж-схему абстрактных концептов.

Первым таким способом является концептуальная метафора. В традициях метафора — это использование слова по отношению к новому внеязыковому объекту, сходному со старым денотатом этого слова на разных уровнях. В теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980, 2003] метафора понимается как формат знания о мире [Попова, Стернин 2007: 7-8], как элемент мышления человека, воплощающий базовые когнитивные процессы, которые связаны с получением новой информации о мире [Кубрякова и др. 1996: 55] и со способами представления этого нового знания в сознании [Скребцова 2011: 34], суть которых заключается в осмыслении одного концепта в терминах другого концепта, более сложного явления — в терминах более простого, уже известного в опыте [Kovecses 2010: 7].

Вторым способом служит концептуальная метонимия. Традиционно метонимия — это использование слова по отношению к новому экстралингвистическому предмету, смежному со старым означающим во времени и в пространстве или вовлеченному с ним в одну ситуацию. Однако и метонимия в когнитивной лингвистике рассматривается как мощное когнитивное средство, которое необходимо для познания человеком окружающей среды и самого себя и изучение которого играет немаловажную роль в общей семантике, в дискурс-анализе, в лингвопрагматике и даже в когнитивной грамматике [Panther, Thornburg 2007: 236]. Проще говоря, метонимии, не являясь ни произвольными языковым феноменом, ни риторическим средством, обладают референциальной и перцептивной функциями [Johnson, Lakoff 2003: 30-31]. В отличие от метафоры когнитивная метонимия определяется следующими факторами: 1) концепты А и Б ассоциируются в одной и той же модели или в одной матрице моделей; 2) любое соответствие между концептами А и Б представляет собой явление случайное; 3) между концептами А и Б вообще нет никакой интеграции [Croft, Cruse 2004: 216].

Третьим способом является концептуальный блендинг (концептуальная интеграция) [Будаев, Чудинов 2007: 10-22], под которой понимается конструирование частичного соответствия между 2 и/или больше исходными доменами и проецирование структурных и содержательных признаков, выбранных из этих исходных доменов, на новое 'интеграционное' ментальное пространство в целях разработки возникающей структуры, являющейся по сути своей целостным концептуальным гештальтом [Fauconnier, Turner 2002: 47-49; Schmid 2011: 219]. В отличие от упомянутых выше способов данный способ еще можно использовать для понимания мыслительной деятельности другого типа, как, например, логического рассуждения, умозаключения, сопоставления и пр.

Последним методом концептуального анализа является когнитивное моделирование. Под когнитивной моделью понимается целостный квант знаний, организованный посредством эмпирического опыта, полученного чело-

веком из оперирования со схожими явлениями (объектами, действиями и событиями) [Andreassen 2000: 1]. Концептуальная модель представлена такими разновидностями: пропозициональная структура, имидж-схематическая структура, метафорические и метонимические проекции (переносы) [Lakoff 1987: 68]. Так, например, в когнитивной модели «добро есть конкретная вещь», отображенная в фразеологизмах и поговорках с компонентом ‘добро’ типа *делать добро, от добра добра не ищут, добро добро покрывает*, добро метафорически представлено как чувственно воспринимаемое вещество.

1.2. Теория концептуальной метафоры в современном гуманитарном знании

В данном разделе описываются базовые теоретические принципы концепции анализа когнитивной метафоры в современном лингвистическом когнитивизме.

1.2.1. Теоретические принципы описания метафоры: история и современность

В наши дни, как никогда прежде, возрос интерес к метафоре — к научному понятию, известному в науке вот уже две с половиной тысячи лет [Панкратова 2009: 88-99]. В этой традиции метафора рассматривается либо как литературный феномен в риторическом плане — троп [Ungerer, Schmid 2001: 114], либо как лингвистический феномен в лексико-семантическом плане — словесное обозначение [Петров 1990: 135-146], либо как концептуальный феномен в ментальном и психологическом плане — когнитивная стратегия. Короче говоря, метафора интенсивно исследуется с различных

сторон в разных научных парадигмах. В связи с этим для начала необходимо разобраться в теоретических принципах описания метафоры с диахронической точки зрения.

По мнению Аристотеля, суть метафоры составляет перенесение не-обычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии [Аристотель 2000: 170], в соответствии с чем метафора, обладающая в высокой степени ясностью, приятностью и прелестью новизны, играет немаловажную роль в украшении стиля прозаической речи [Аристотель 2000: 83]. Поэтому в языковом плане слово используется для описания того, чего оно в буквальном смысле не обозначает [McGlone 2007: 109-126]. Так, например, слово *слепой* употребляется обычно для описания живого существа без зрения, но его в языке можно сочетать с неодушевленным предметом типа добра в фразеологизме *слепая доброта*, что дает неожиданный риторический эффект.

Аристотелевское понимание метафоры можно назвать как сравнительно-сопоставительный подход к метафоре, при котором метафорическая формула «X есть Y» чаще всего интерпретируется как сравнительная (аналогическая) формула, т.е. как «X похож на Y по какой-либо аналогии».

Для описания устройства метафоры Ричардс предложил термины *vehicle* (образная оболочка) и *tenor/topic* (содержание/тема) [Richards 1936: 96], первый из которых обозначает языковую единицу, использованную метафорически в лексико-семантическом плане, а последнее — языковую единицу, к которой применяется данное метафорическое выражение. Одним словом, в метафорической формуле «X есть Y» Y есть образная оболочка, X — тема.

Аристотелевское понимание метафоры не дает нам возможность говорить о метафоре как об особом типе сравнения. Объясняется это тем, что метафора является лингвистическим феноменом в лексико-семантическом плане, основанным на использовании языка, а сравнение — когнитивным феноменом в ментальном плане, воплощающим соответствующий психоло-

гический процесс [Ortony 1993: 344]. Это, кстати говоря, полностью соответствует нашему пониманию метафоры с когнитивной точки зрения.

Здесь нельзя не отметить, что при сравнительно-сопоставительном подходе предложен принцип метафоризации — одностороннее движение (направление) метафорического проецирования. Метафорическое проецирование в лингвистических метафорических выражениях всегда осуществляется в направлении от образной оболочки до темы в целях выделения некоторых признаков последнего через призму показания специфических характеристик первого.

В сравнительно-сопоставительном подходе метафора рассматривается как вариант аналогии, тем самым ее употребление и интерпретация в принципе основываются на перцепции схожести [McGlone 2003: 1481]. Это оставляет изучение метафоры в пределах стилистики художественной литературы или поэтики. На самом же деле в создании метафоры принимают участие два фактора: когнитивный (психологический) и лингвистический, причем первый характеризуется пассивностью, подсознательностью и даже бессознательностью, а второй — сознательностью и активностью, установкой на осознанное использования риторического тропа [Gertrude 1899: 2]. Метафору, основывающуюся на действии первого фактора, можно назвать радикальной метафорой, а метафору, основывающуюся на действии второго фактора, — поэтической метафорой [束定芳 2000: 23-33].

В данном случае метафоры можно разделять на радикальные метафоры, новые метафоры и сравнение. Радикальная метафора используется в случае, когда люди принимают во внимание только сходство между образной оболочкой и темой. Новая метафора употребляется в случае, когда люди относительно хорошо знают различие между ними. Сравнение используется только в том случае, когда люди в полной мере знают сходство и различие между ними.

Перейдем к лингвистическим метафорам. При когнитивном подходе лингвистические метафорические выражения трактуют как языковую репре-

зентацию концептуальных метафор [何宏华 2017: 440-448]. Более того, ввиду разных условий бытования каждый естественный язык воплощает в себе различные языковые картины мира этноса, рассматриваемые как наивные модели мира, в которых отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка [Апресян 1986: 5-33], и фиксирующий в себе уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей [Маслова 2001: 47], формирующийся системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 10; Радбиль 2016: 174]. Короче говоря, уникальные особенности языковой картины мира этноса могут отражать в том числе и языковые метафоры.

Широко известен субститутивный подход (substitution view of metaphor) к описанию метафоры, при котором слово в качестве образной оболочки может быть метафорически использовано для передачи значения другого слова на основе сходства денотатов. Подобные метафорические выражения постепенно фиксируются в языках и превращаются в мертвые метафоры (dead metaphors) как особый тип метафоры, которые используются подсознательно и даже бессознательно в обыденной жизни и не считаются по крайней мере метафорами. Так, например, в русском языке чаще используется словосочетание *ножка для стола* вместо более точного выражения *опора для стола*, так как человек является естественным мериллом, источником всех мыслительных операций аналогии и сравнения [Weller 1966: 49].

Также в науке о языке имеется интеграционный подход к метафоре (the interaction view of metaphors) [Black 1962], который состоит в следующих принципах:

1) у метафорического выражения есть два уникальных объекта, один из которых идентифицирован как первичный объект, а другой — как вторичный объект;

2) данный вторичный объект рассматривается как образ, а не как индивидуальная сущность;

3) метафорическое высказывание работает путем проецирования набора «ассоциативных импликаций» на первичный объект, которые могут быть предсказаны через призму вторичного объекта;

4) создатель метафорического высказывания выбирает, подчеркивает, подавляет и организует признаки первичного объекта посредством применения к его высказываниям изоморфных членов имплицитивного комплекса вторичного объекта;

5) в контексте, где используется специфическое метафорическое выражение, первичный и вторичный объекты интегрируются между собой следующим образом: присутствие первичного объекта (а) побуждает слушателя выбрать некоторые свойства вторичного объекта, (б) предлагает ему построить параллельный имплицитивный комплекс, соответствующий первичному объекту, (в) взаимно индуцирует параллельные изменения во вторичном объекте [Black 1962: 44-45; 1993: 27-28].

При интеграционном подходе тенденция исследования метафоры уже отошла от воззрений на нее как на риторическую фигуру или стилистический троп, как на лексико-семантическое средство в качестве словесного обозначения. Указанные принципы в целом соответствуют механизму действия метафоры с когнитивной точки зрения. Поэтому интеграционный подход дает основание для перехода к теории концептуальной метафоры.

1.2.2. Концептуальная метафора в современной российской и зарубежной когнитивной лингвистике

Итак, сегодня когнитивная лингвистика рассматривается как новая отрасль лингвистики, исследующая роль языка в организации человеческого опыта взаимодействия с миром, в концептуализации и категоризации мира и его членении, в фиксации информации, ее хранении, извлечении из памяти и

т.п. [Кубрякова, дата обращения: 23.06.2019] При этом метафоризация как самая фундаментальная когнитивная способность человека уподоблять в опыте познания мира неизвестное известному, объяснять для себя неизвестное через известное играет немаловажную роль в познавательной деятельности человека. В когнитивной лингвистике концепты и категории анализируются в качестве единиц концептуальной системы через призму метафоризации [Tendahl 2009: 114].

Современный когнитивный подход прежде всего отражается в теории концептуальной метафоры [Johnson, Lakoff 2003], в задачи которой входит разработка когнитивных моделей, стоящих за языковыми выражениями, и выявление когнитивных механизмов их действия.

В научной парадигме когнитивистики мы видим, что метафора понимается уже не как явление «лингвистического дефицита» [Tendahl 2009:114] или «интерпретируемой аномалии» [Арутюнова 1999: 346]. Метафора интерпретируется как обязательный, необходимый инструмент мышления человека, воплощающий базовые когнитивные процессы, которые связаны с получением новой информации о мире [Кубрякова и др., 1996: 55] и со способами представления этого нового знания в сознании [Скребцова 2011: 34].

Здесь еще есть большая необходимость в уточнении взаимосвязи между концептуальными метафорами и языковыми метафорическими выражениями. В теории когнитивной метафоры вполне возможно рассмотрение метафоры как проецирования пересекающихся доменов в концептуальной системе [Lakoff 1993: 203]. Иначе говоря, метафора представляет собой особое ментальное проецирование и специфическую нейронную коактивацию [Johnson, Lakoff 1999; Lakoff 2008]. Языковые метафорические выражения можно рассматривать как внешнюю реализацию этого проецирования пересекающихся доменов в языковом воплощении [Lakoff 1993: 203]. При этом можно сказать, что все исследования, посвященные анализу концептуальной метафоры, со всей очевидностью, не могут обойтись без обращения к изучению языковых метафорических выражений.

Несмотря на взаимосвязь между концептуальными метафорами и языковыми метафорическими выражениями, необходимо указать, что они в любом случае не могут быть отождествленными друг с другом. Объясняется это тем, что одно и то же языковое метафорическое выражение, на самом деле, способно выступать в качестве языкового воплощения разных концептуальных метафор, а одна и та же концептуальная метафора может являться ментальным воплощением различных языковых метафорических выражений, которые, на первый взгляд, оказались бы вполне не связанными друг с другом. Так, например, модель концептуальной метафоры «добро и зло одушевлены как конкретное живое существо» можно найти в фразеологизмах *слепая доброта* и *волк в овечьей шкуре*, и за этими языковыми единицами отображены совершенно разные и даже антонимические концепты «добро» и «зло» на этическом уровне.

Суть концептуальной метафоризации заключается в осмыслении или переосмыслении одной сущности в терминах другой сущности, и в этом плане метафора однонаправлена — от источника к цели. Человеческое знание о явлении, находящемся в концептуальном (сигнификативном) слое лексического значения, которое обозначает явление-источник в языковом плане, метафорически проецируются на концептуальный (сигнификативный) слой лексического значения, которое обозначает целевое явление. Но глубокое понимание и узнавание этого проецирования вызывает необходимость в обращении особого внимания на следующие вопросы, например, какие свойства исходного домена проецированы на целевой домен? Какие фреймовые отношения приписываются целевому домену?

Для того чтобы решить эти проблемы, в научной парадигме когнитивной лингвистики была предложена Идея Инвариантности, под которой принято подразумевать ту часть структуры исходного домена, которая проецируется на целевой домен и сохраняет когнитивную топологию имидж-схемы, определяющую инференционные модели метафоризации [Lakoff 1990: 39-74]. Помимо этого, Лакофф еще подчеркнул согласование всего проецирова-

ния с наследственной структурой целевого домена [Lakoff 1993: 215]. Из этого нетрудно видеть, что концептуальное соответствие между двумя доменами, на самом деле, было ограничено, потому что не все признаки исходного домена могут быть проецированы на целевой домен.

При этом ограничение количества концептуальных признаков исходного домена, проецированного на целевой домен, еще опирается на тот факт, что один и тот же целевой домен в концептуальной системе понимается, познается и конструируется чаще всего в терминах нескольких разных исходных доменов. Так, например, этический концепт «добро» может и овеществляется как конкретный предмет, и одушевляется как живое вещество.

Таким образом, Идея Инвариантности дает нам возможность говорить о системности концептуальной метафоры как о некоторой произвольности (non-arbitrariness) метафорического соответствия, позволяющей нам сделать умозаключение и выводы в абстрактном и сложном виде в терминах самых конвенциональных имидж-схем, которым уже есть соответствие и в деятельности, и в сознании человека [Tendahl 2009:118]. Тем более, эта идея еще в неявном виде указывает на признаки, проецированные на целевой домен, — это базовые, необходимые и прототипические признаки исходного домена. Что касается остальных признаков, то необходимо отметить, что их проецирование на целевой домен вряд ли возможно без учета закрепляемых в когнитивной системе моделей концептуальных метафор. Это в теории концептуальной метафоры именуется «метафорическое продление» как способ образования новой метафоры (novel metaphor) на базе одной и той же когнитивной модели. Так, например, на базе овеществления этического концепта «добро» как конкретного реального предмета в модели концептуальной метафоризации «добро есть вещь», отображенной в идиоме *добром не кончится*, мы исходим из того, что слово *добро*, выступающее еще в качестве языковой объективации концепта «имущество», дает нам возможность не только говорить о добре этического типа как о драгоценной вещи, которую можно продавать и подарить, но и проецировать эти нетипичные признаки на целе-

вой домен «добро». Поэтому можно сказать, что Идея Инвариантности противостоит идее «бедности проецирования» (poverty of mappings) [Joseph, Taub, Morgan 1996: 177-188].

Выше уже было показано, что в Идее Инвариантности только прототипические признаки, без которых существование исходного домена даже не может быть реализовано в когнитивной системе человека, имеют возможность приписываться к составлению топологической структуры целевого домена и его пониманию через призму метафорического проецирования. В основе этого лежит идея *Процесса отбора признаков* [Iraide Ibarretxe-Atunano 1999: 29-46].

Эти идеи, на фоне других идей: Идея Несогласованности характерных признаков [Ortony 1979: 162], Идея Интеграции доменов [Sternberg, Tourangeau 1978: 1-52], Идея Структурного проецирования [Gentner 1983: 155-170], Идея утверждений включения в класс (class-inclusion assertions) [Glucksberg, Keysar 1990: 3-18], все же нам представляются наиболее пригодными для целей нашего исследования.

В теории концептуальной метафоры имеются следующие классификации метафоры: эксплицитная метафора (т.е. сравнение) и имплицитная метафора, радикальная метафора (метафорическая тематика, базовая метафора) и деривативная метафора, основанная на схожести метафора и базированная на создании схожести метафора [東定芳 2000: 51], компьютерная (вычислительная) метафора и транспортированная метафора [Cormac, Earl 1990: 9, 50], ориентационная метафора, онтологическая метафора и структурная метафора [Jonhson, Lakoff 2003: 16, 23, 48], генеративная метафора [Donald 1993: 137], кондуитная метафора [Reddy 1993: 164], новые метафора без контекста [Fraser 1993: 329] и др.

В целом надо заключить, что теория концептуальной метафоры предоставляет нам самые богатые возможности для анализа специфики фразеологической и паремиологической репрезентации русских этических концептов типа добра и зла.

1.2.3. Механизмы когнитивного моделирования в стратегиях когниции: метафора и метонимия

Итак, в числе базовых стратегий когниции в когнитивной лингвистике выделяются метафора и метонимия, поскольку они часто лежат в основе формирования остальных когнитивных стратегий.

В плане языкового представления метафора и метонимия представляют собой разные тропы или фигуры: метафора базируется на субституции и сходстве, а метонимия основывается на предикации, сочетаемости и смежности [Roman 1971: 90-96]. Однако в когнитивных исследованиях они рассматриваются не как противопоставленные языковые явления, а как взаимосвязанные когнитивные стратегии, которые дополняют друг друга.

Про метафору много говорилось ранее. Теперь необходимо подробнее рассмотреть метонимию. Под метонимией подразумевается не просто использование одного и того же слова по отношению к новому внеязыковому объекту, смежному со старым денотатом во времени и в пространстве или вовлеченному с ним в одну ситуацию, но и метонимическое обозначение одной части через призму другой, связанной теснейшим образом с предыдущей частью [Lakoff, Johnson 1980: 36], поскольку они находятся и принадлежат к одному и тому же концепту и даже одной и той же когнитивной модели события. С когнитивной точки зрения метонимический перенос представляет собой относительно сложный и многоаспектный ментальный процесс, который заключается в том, что часть одного концепта способна обозначать, точнее, замещать его другую часть и также целый концепт в сознании человека. Кстати говоря, последний тип метонимического переноса в традиционной риторике называется синекдохой, т.е. наименование целого по части.

Если при метафорическом переносе один объект объясняется через другой, то при метонимическом переносе какой-то аспект одного объекта объясняется через другой аспект того же объекта. Иначе говоря, метонимия – это такой тип когнитивного моделирования, при котором одна концептуальная сущность (исходная часть) предлагает ментальный путь к другой концептуальной сущности (целевой части) одного и того же домена [Kovecses 2010: 173]. Имеется 3 типа метонимического переноса: *часть концепта вместо его другой части*, *часть концепта вместо целого концепта* и *целый концепт вместо его части*. На основе этих типов еще можно выделить более конкретные и точные подтипы: сущность-и-часть ИКМ, конституция ИКМ, комплексное событие ИКМ, категория-и-член ИКМ, категория-и-свойство ИКМ, действие ИКМ, причинность ИКМ, продукция ИКМ, управление ИКМ, овладение ИКМ, включенность ИКМ и др. [Kovecses 2010: 178-179]. Здесь нелишне будет указать, что еще можно разделить метонимические переносы на линейную метонимию, конъюнктивную метонимию и включенную метонимию [Dirven 1993: 1-28].

Теперь снова коснемся вопроса о соотношении метафоры и метонимии. На первый взгляд, они представляют собой разные когнитивные средства для конструирования ментального пространства [Warren 1999: 121-135; 2009: 113-130]. Напомним, что выделяются следующие когнитивные домены: исходный домен и исходная часть домена, целевой домен и целевая часть домена. Таким образом, метафорический перенос происходит в двух независимых доменах, а метонимическое перенос — в одном и том же домене.

Еще одно отличие метафоры от метонимии — это направление метафорического и метонимического переноса. Для метафорического переноса характерна однонаправленность, потому что целевой домен чаще всего понимается в терминах исходного домена, а не наоборот. В случае если концепт А, являющийся исходным доменом в одной метафоре, понимается в терминах другого концепта Б, являющегося целевым доменом в той же метафоре, то можно с уверенностью сказать, что посредством концептов А и Б

построена совсем новая модель концептуальной метафоры, в которой концепт А рассматривается как целевой домен, а концепт Б — исходный модель (см. метафоры «хирург есть мясник» и «мясник есть хирург»). Для метонимического переноса однонаправленность в принципе ситуативна, т.е. в одной ситуации может быть направление переноса, например, от части к целому, а в другой ситуации — от целого к части: это зависит от цели говорящего и прагматической ситуации.

Наконец, метафора и метонимия отличаются по функции. Основной функцией метафоры в когнитивном процессе является осмысление одного концепта в терминах другого, а ведущей функцией метонимии — обозначение одной части концепта через призму его другой части.

Таким образом, рассмотрение когнитивной модели как метафоры или метонимии в значительной степени зависит от того, к одному и тому же ли домену принадлежит исходная сущность когнитивной модели, или к другому домену, к которому не относится целевая сущность.

1.2.4. Особенности когнитивного моделирования в русской фразеологии и паремиологии

Тот факт, что главной тенденцией начала XXI в. в изучении метафоры считается постепенный отход от воззрений на нее как второстепенную по своей роли риторическую фигуру, своего рода «продукт» субъективного восприятия и отражения мира творческой личностью [Панкратова 2008: 164-173], позволяет нам сказать, что метафоры и метонимии не только используются в концептуализации и категоризации мира, но и выражаются в разного рода языковых единицах, особенно в фразеологизмах и поговорках.

Если речь идет о взаимной связи между метафорой и фразеологизмом, то необходимо указать, что мы не можем согласиться с тем, что метафора и

метонимия со всей очевидностью являются особым типом идиом [Martin 1982-1983: 67-85.]. На наш взгляд, они находятся в двух совсем разных сферах: метафора по своей сути является когнитивной стратегией или, по словам С. А. Панкратовой [Панкратова 2008, 2009], мыслительным механизмом метафорического выбора, а фразеологизм — определенным языковым выражением, где отражены результаты мыслительной деятельности.

В фразеологии в обилии представлены самые разные стилистические фигуры и тропы. Так, например, литота в *‘утопить кого-л. в ложке воды’* и оксюморон *‘волк в овечьей шкуре’* [Пестова 2010: 128-137], перифраз в *‘оставляет желать лучшего’* и *‘за здорово живешь’* [Кравцова 2013: 236-239] и пр. Здесь нелишне выделить особый вид риторической фигуры — фразеологический каламбур, который имеют как буквальное значение, так и фразеологическое значение в употребляемом их контексте. Причина этого заключается в том, что возможность трансформаций фразеологизма вытекает из сохранения у ФЕ внутренней формы и относительно устойчивости [Фесенко 2008: 114-118] – с одной стороны, с другой – фразеологизмы и поговорки рассматриваются не только и даже не столько языковыми единицами, сколько полными микротекстами [Телия 1996: 8] для сохранения информации о мире и описания ее процесса концептуализации. Проще говоря, они включают в себя систему устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталоны, свойственные как определенному языку, так и носителям данного языка [Пименова 2003: 208-217].

Выше уже было показано, что фразеологизмы и поговорки как единицы постоянного контекста [Азимова 2015: 154-159] конструированы именно мотивированными знаками, которые не только организованы по соответствующим лексическо-грамматическим правилам, но и связаны с возможными когнитивными моделями в этих языковых единицах. При этом можно полагать, что фразеологическое и поговорочное значение, насыщенное подробностями (деталюми) [Телия 1996: 85], является идеализированной когнитивной моделью.

Для того чтобы доказать предложенное выше положение, обратимся к конкретному примеру. Мы знаем, что значение пословицы *от добра добра не ищут* выглядит следующим образом: 1) '(для получателя, потребителя добра) получив нечто даром, не следует ожидать или требовать большего добра'; 2) '(для владеющего добром) надо довольствоваться тем хорошим, что есть, и не искать лучшего'; 3) '(для субъекта передачи добра) доброе дело, поступок совершается бескорыстно, от чистого сердца, без ожидания отдачи, выгоды' [Ожегов, Шведова 2006: 455]. Из этого совершенно очевидно, что значение паремии *от добра добра не ищут* варьируется с разных позиций. Это дает нам возможность рассмотреть каждое ее значение как отдельную когнитивную модель, относящуюся к одной и той же ИКМ: *довольствуется тем, что получено и подарено, нет желания менять и ожидать большего добра*.

Из принципов конструирования ИКМ следует отметить, что сущность описания особенностей когнитивного моделирования в фразеологии и паремнологии составляет изучение пропозициональной структуры, имидж-схематической структуры, метафорического переноса и метонимического переноса. Доказательством этого служат разновидности значения пословицы *от добра добра не ищут*.

В первой КМ отражается моральное сознание, которое возникает лишь у адресата (получателя добра) и при котором он должен довольствоваться полученным добром в прямом и переносном (добро = имущество) смысле этого слова, независимо от того, имел ли он аналогичные предметы до момента получения.

Во второй КМ отражается моральное сознание, которое возникает лишь у владельца и при котором он должен довольствоваться тем добром, которое уже есть у него. Надо сразу же заметить, что в данной когнитивной модели слово *добро* также понимается как в первичном, так и во вторичном значении (добро = имущество).

В третьей КМ отражается моральное сознание, которое возникает лишь у адресанта (отправителя добра) и при котором он должен довольствоваться

тем добром, которое уже подарено другим людям от чистого желания помогать им, в то же время ему нельзя ожидать ответного добра как в первичном, так и во вторичном значении (добро = имущество).

Таким образом, мы видим, как варианты КМ порождаются из инварианта когнитивных моделей, который не всегда эксплицирован в семантике фразеологизма и который требует анализа конкретных КМ, формирующих его состав.

Второй особенностью когнитивного моделирования, составляющего сущность образности ИКМ, — это имидж-схематическая структура, в которой отражен не образ, положенный в основу номинации, а ситуация. Рассмотрим ту же поговорку *от добра добра не ищут*.

В ее первой КМ воспроизводится ситуация с позиции адресата, где употребляется слово *добро* и указывается им обозначаемый денотат. В этой ситуации адресат, получивший добро от адресанта по разным каналам и ничего не потративший на получение, должен довольствоваться этим добром и его беречь, в то же время адресату необходимо отблагодарить адресанта и от него больше добра нельзя ожидать или даже требовать в любом случае. Коротче говоря, в этой ситуации мы можем сразу знать: кто участвует в каком событии, что там происходит, какие причины и цели есть у участников и пр.

Во второй КМ воспроизводится одна ситуация с позиции владельца, где слово *добро* употребляется как в первичном, так и во вторичном значении (добро = имущество), и обозначаемый им денотат при этом тоже указывается. В этой ситуации обладающий чем-то хорошим, должен довольствоваться этим добром, в то же время ему нельзя ожидать и даже требовать добра, не принадлежащего ему, от других людей. В этой ситуации представлено знание о том, у кого возникает какое состояние, по каким моральным нормам осуществляется его действие и пр.

В третьей КМ воспроизводится ситуация с позиции адресанта, где употребляется слово *добро* и указывается им обозначаемый денотат. В этой ситуации адресант, делающий добро окружающим людям, даже совсем незна-

комым, должен довольствоваться самим фактом и не ждать ответного доброго действия от кого-либо. В этой ситуации представлено знание о том, кто принимает участие в каком событии по каким моральным критериям, что там происходит, какие причины и цели есть для участников и пр.

Третьей особенностью когнитивного моделирования выступает непосредственно метафорический перенос. Так, в ИКМ пословицы *от добра добра не ищут* можно видеть отражение модели когнитивной метафоризации «добро есть конкретная вещь», которой люди могут оперировать и которую воспринимают посредством сенсомоторных органов. Здесь следует отметить, что на основе этой генеральной концептуальной метафоры можно найти более конкретные модели концептуальных метафор. Так, например, этический концепт «добро» в пословице *от добра добра не ищут* может представлен как конкретная вещь со специфическими функциями типа материального имущества.

Четвертой особенностью когнитивного моделирования является метонимический перенос. Модель концептуальной метафоризации «добро есть конкретная вещь со специфическими функциями типа материального имущества» опирается на языковое значение слова *добро*: в древнерусском языке в слове *добро* уже было изначальное значение ‘материальная вещь, имущество’, и даже до сих пор это значение еще сохраняется в нем. При этом представление добра как материальной сущности или имущества является в этом случае результатом именно когнитивной метонимизации «концепт А вместо концепта Б» [Kovecses 1998: 37-77]. Здесь следует отметить, что концепт А и концепт Б выражаются в одном и том же слове А. Так, например, слово *добро*, являясь языковым знаком одноименного этического концепта «добро», еще служит в качестве языкового знака концепта «материальное имущество». Это объясняется тем, что слова имеют способность обозначать концепты, выраженные в них [Lakoff, Turner 1989: 108]. Здесь нелишне будет указать, что причина метонимического обозначения концепта «зло» этического характера через призму концепта «имущество» еще заключается в том, что в

паремии *от добра добра не ищут* отражено представление о том, что добра может быть много, мало, достаточно.

1.3. Проблемы лингвокогнитивного описания этических концептов

В этом разделе осуществляется теоретическое освещение такой разновидности концептов культуры, как *этические концепты*, которые, по сути дела, являются языковым воплощением «наивной этики» как фрагмента, как нравственной составляющей совокупной языковой картины мира.

1.3.1. «Языки этики» в истории науке о языке («аналитическая философия» Дж. Э. Мура и пр.)

Этика как часть философии — философия морали — в первой половине XX в., благодаря «аналитической философии» Дж. Э. Мура и его последователей, приобретает явное лингвоцентрическое измерение. Иначе говоря, философы с целью объяснить базовые понятия морали (добро, благо, зло, порок и пр.) обращаются к исследованию того, как эти понятия отражены в естественном языке. Это и получило в истории гуманитарного знания несколько нетерминологических обозначений «языки этики».

Этика как моральная философия определяется как *теория морали* [Есикова 2007: 4], как *наука о сущности, законах возникновения и историческом развитии морали, о ее специфических функциях, моральных нормах и ценностях*.

Итак, **мораль**, как и ее синоним **нравственность**, во-первых, выступает как одна из форм общественного сознания, наряду с правом, политикой,

эстетикой и др.; во-вторых, она является регулятором поведения человека, совокупностью поведенческих норм, принципов и правил; в-третьих, мораль есть особый духовно-практический способ освоения человеком действительности [Родионов 2009: 42-49]. Нравственность как научное понятие, по сути, является синонимичным по отношению к морали и также рассматривается как совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу [Пашков 2013: 298-302]. «Мораль» понимается как оценочно-императивное отношение к миру с точки зрения добра и зла [Родионов 2009: 42-49], как и понятие «нравственность», которое ориентирует каждого человека на выбор добра и на избавление от зла [Пашков 2013: 298-302].

С когнитивной точки зрения, мораль (нравственность), по сути дела, есть категория вышестоящего уровня по отношению к категориям «добро» и «зло», которые являются категориями срединного, базового уровня, а также прототипами — наилучшими образцами своего класса.

Впервые лингвоцентрический подход к анализу категорий морали был предложен в рамках аналитической философии Дж. Э. Муром, который поставил вопросы о том, *что такое хорошесть и плохость, правильность и ошибочность, добродетель и злость* и пр. не в философскую, а в семантическую плоскость [Horgan, Timmons 2006: 1]. Именно поэтому мы сегодня можем говорить о добре и зле как о концептах.

Аналитическая философия Мура направлена на интерпретацию значения моральных концептов через анализ этических рассуждений, т.е. особенности дискурса на тему этики [Moore 2005: ix]. Для Мура этические концепты «добро» и «зло» являются объективно существующими в виде некоторых уникальных, простых, не имеющих «частей» качеств [Максимов 2000: 18], которое вообще не зависят от субъектов. С точки зрения Мура все философы, пытающиеся дать точное определение понятий «добро» и «зло», совершают натуралистическую ошибку. Их нельзя определить в виде логической дефиниции через отнесение к виду в пределах рода. Их можно только задать аксиоматически, анализируя высказывания людей о добре и зле (что люди в сво-

ем языке считают добром и злом, то, в сущности, и есть добро и зло). Иными словами, добро и зло — это культурные конвенции, возникающие в коммуникации людей, говорящих на одном языке в пределах одного культурного сообщества.

В этике Мура сущность добра и зла проявляются в особенностях поведения людей и рассматриваются в трех планах: в первом плане нужно определять, какую конкретную и индивидуальную вещь можно рассмотреть как добро или зло; во втором плане надо решить, какие вещи в целом можно рассмотреть как добро или зло; в третьем плане необходимо узнать, до какой степени это добро или зло [Moore 2002: 54-57]. Однако постулат, что понятие «добро» (и «зло»), на взгляд Мура, является простым, неразложимым, и не состоящим из мелких частей, указывает, что все вещи (индивидуальные и общие вещи), которые можно рассмотреть как добро или зло, не имеют общего признака, по которому мы могли бы дать дефиницию добра или зла.

В представление о добре входит также понятие «добродетель». Это характеристика дела, которой дело обладает в том случае, если делается то, что считается добром [Макеева 2013: 170-172]. Аналогично в представление о зле входит понятие «порок». Порок — это ‘все, что противно истине и добру и склонно к худу (злу)’ [Даль 1882: 329-330], а зло, в свою очередь, выступает ‘как некая «золотая середина» порока’ [Назаров 2015: 5-13].

Также представление о добре соотносится с понятием «благо». Соотношение блага и добра отличается от соотношений добродетели и добра тем, что добро признается таковым по сути своей, а не относительно того или другого человека, благо же, напротив, всегда кому-то «адресовано» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 353-354]. Также благо, в отличие от добра, может быть в большей или меньшей степени, т.е. выступает как параметрическое свойство (*большое благо*, но нельзя **большое добро*).

Членом вышестоящей категории по отношению к добру и злу является «совесть». Под совестью понимается внутреннее нравственное осознание добра и зла, способность распознавать моральные последствия поступка по

шкале этических ценностей, нравственное чувство, побуждающее к добру и отвращающее от зла, в том числе, и невольная любовь к добру [Даль 1882: 262-263]. Следует отметить, что в чисто философской концепции понятие «совесть» рассматривается как осознанная нравственная внутренняя самооценка действий, как основа духовно-нравственного становления человека и общества в целом [Тарамова 2019: 85-87].

Правильность или ошибочность поведения человека в концепции Мура целиком и полностью зависят от добра и зла, и именно это приводит нас к следующему положению: в этике категория «долг» особым образом связана с категорией «добро». Это можно объяснить тем, что в этической логике те действия, которые считаются правильными по моральным нормам, мы должны сделать и также совершить, а от тех действий, которые считаются ошибочными по моральным нормам, мы должны избегать. И к тому же, исполнение долга есть первейшая обязанность человека и важнейшая добродетель [Земляная 2011: 133-142].

Прежде чем перейти к рассмотрению сущности концептов «добро» и «зло» нам надо разобраться в их языковой объективации. Понятия «добро» и «зло» не рассматриваются как языковая объективация искусственных мета-языковых образований 'хорошесть' и 'плохость', т.е. 'good' и 'badness', они выступают как естественное психологическое представление именно языковых выражений 'добро' и 'зло', т.е. 'goodness' и 'evilness'. Это подтверждает и Н. Д. Арутюнова, в работе которой добро было отождествлено с благом [Арутюнова 1999: 187], являющимся эквивалентным языковым воплощением 'good' [Aristotle 2009: 3] и подразделяющимся на три вида: так называемые внешние блага, блага, относящиеся к душе и блага, относящиеся к телу [Аристотель 1983: 66]. Здесь в основе отсутствия универсального перевода 'good' на русский язык лежит неспецифичная лексико-семантическая интерпретация данного понятия. В английской языковой картине мира концепт «good» в основном ориентируется на *хорошесть* и / или *благо*, а концепт «goodness» – на *добро*, а в русской языковой картине мира все несколько иначе.

Перейдем сейчас к возможно-принятому пониманию добра и зла, основанному в целом на этических концепциях Мура и Витгенштейна. На наш взгляд, общий когнитивный «знаменатель», объединяющий все разные аспекты понимания добра и зла, заключается в следующем:

(1) «добро» — это некий инвариант, возникающий в коллективном языковом сознании носителей языка в рамках ключевой идеи русской ЯКМ ‘нюансы человеческих отношений’; это субъективное нравственное представление, имеющее своим источником совесть; это крайний положительный член в ценностной шкале «хорошо — плохо», отражающий именно моральный тип ценностей: то, что приносит другому благо, либо материальное, либо психологическое, а себе — духовное удовлетворение;

(2) «зло» — это также некий инвариант, возникающий в коллективном языковом сознании носителей языка в рамках ключевой идеи русской ЯКМ ‘нюансы человеческих отношений’; это субъективное нравственное представление, имеющее своим источником совесть, но с отрицательным знаком (то, что не принимается совестью); это крайний отрицательный член в ценностной шкале «хорошо — плохо», отражающий также моральный тип ценностей: то, что приносит другому вред, ущерб, либо материальный, либо психологический, а себе — духовный дискомфорт.

1.3.2. Проблемы национальной и культурной специфики этических концептов в современной лингвокультурологии

Современная лингвокультурология, возникшая в России в конце 1980-х — начале 1990-х гг., выступает как комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, которая стремится как к изучению взаимосвязи и взаимодействию культуры и языка в его функционировании, так и к отражению этого процесса как целостной системы единиц в единстве их языкового и вне-

языкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей) [Воробьев 2006: 36-37]. Это междисциплинарное научное направление сформировалось на стыке лингвистики и культурологии и во многом опирается на принципы когнитивной лингвистики [Маслова 2001: 1].

Одним из самых общепринятых предметов изучения в лингвокультурологии являются культурные концепты этноса. Культура состоит из глубинных норм и ценностей, верований и ориентаций, которые обладают имплицитной стабильностью и упорядоченностью и для которых речевые единицы и действия выступают языковыми выражениями [Wuthnow 2003: 1]. Поэтому ряд ключевых единиц естественного языка естественным образом являются языковым воплощением базовых культурных смыслов этноса [Wierzbicka 1997: 5].

Поскольку одной из задач лингвокультурологии является изучение механизмов воплощения и межпоколенной трансляции стереотипов национального мироведения в обычном сознании, поэтапная реконструкция культурных установок и характерологических черт менталитета народа [Воробьев 2015: 217-226], изучение концептов национальной культуры как раз и служит решению этой задачи.

Концепты можно выделять по разным основаниям, в том числе — и по сфере их бытования. Одной из таких значимых сфер является этика. Базовыми этическими концептами выступают концепты «добро» и «зло». Категория «добро и зло» рассматривается как внутренне антиномическая категория синтезирующего типа, лежащая в основе других с ней связанных категорий в этической иерархии [Печагина 2011: 99-101].

Нет сомнения, что антонимическая пара «добро и зло» как прототипический этический концепт прежде всего отражена в соответствующих лексических единицах русского языка, в том числе в фразеологии и паремиологии.

Итак, лексическая единица *добро* как языковая объективация этического концепта «добро» изначально имеет значение ‘личное имущество, пожитки’ [Большой современный толковый словарь русского языка. Дата обращения: 24.03.2020], которое выражено в таких устойчивых сочетаниях, как *такого добра нам и даром не надо* и пр. Лексема *добро* в древнерусском языке еще соотносится с понятиями *дебелый, доблесть, крепкий и храбрый* [Крылов 2005: 115], которые не отражают этических представлений.

В отличие от лексем *добро* слово *зло* как языковая объективация этического концепта «зло» изначально имеет значение ‘отрицательные ценности и поведение, отклоняющееся от нравственных норм’, которое напрямую соотносено с моральным сознанием народа. Точнее, в древнерусском языке лексема *зло* связана с признаком кривизны, отклонения от правильного пути, от нормы, и, следовательно, со значениями ‘обман, ложь, заблуждение’ [Борисова 2014: 88-100]. В современном русском языке со злом также соотносено понятие «вред».

Приведем в доказательство утверждение Ключевского *Добрый человек не тот, кто умеет делать добро, а тот, кто не умеет делать зла* [Ключевский 1993: 43], в котором использованы устойчивые образные обороты *делать добро* и *делать зло*, где отображены модели концептуальных метафор «добро и зло есть реальный предмет».

Для понимания этической категории «добродетель и порок» нужно рассмотреть этимологию соответствующих лексем. Моральный концепт «добродетель» вербализируется в языке не только лексической единицей *добродетель*, но и теперь устаревшими, однокоренными с ней лексемами *добродѣлатель, добродѣтелие, добродѣтельникъ* [Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Том II (възалкати – добродѣтельникъ), 1989: 484-485], *добродѣтельство, добродѣтельство, добродѣть и добродѣяние* [Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Том III (добродѣтельно – изжечиса), 1990: 7]. Ныне в русском языке существует лишь лексема *добродетель*, заимствованная из старославянского языка, в котором образована методом

кальки с греческого *uergetis*: сложением *добро* и *детель* (производного от *дѣть* – ‘дело’) [Крылов 2005: 115]. В словарях древнерусского языка Аванесова хорошо видно, что лексема *добродетель* имеет значение ‘следование правилам христианской веры и нравственности’ [Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв). Том II (възалкати – добродѣтельикъ), 1989: 484], воплощающее как религиозные верования русского народа, так и его моральные ценности — делать добро и избегать зла. В этом значении это слово сохраняется до сих пор — лексема *добродетель* толкуется как ‘положительное нравственное качество и высокая нравственность’ [Толковый словарь Ожегова. Дата обращения: 27.03.2020].

Слово *добродетель* имеет сходие со словом *добро* модели переноса: так, в древнерусском языке лексема *добродетель* еще имеет значение ‘драгоценность, украшение’, что дает нам возможность говорить об этическом концепте «добродетель» как о конкретном и исчисляемом предмете. Это прежде всего выражено в паремии *избавишься от порока – вырастут десять добродетелей*. Логично, что значение лексемы *добродетель* в древнерусском языке ‘тот, кто делает добро’ тоже дает нам возможность говорить об одушевлении этического концепта «добродетель» как человека с нравственным сознанием, которое выражается в фразеологизмах и паремиях: *ходячая добродетель, добродетель преодолевает силу, добродетель доброму не вредит*.

Лексическая единица *порок* как языковая вербализация этического концепта «порок» этимологически означало ‘то, что достойно порицания’ [Крылов 2005: 308-309]. Это значение сохраняется в русском языке до сих пор, на основе чего это слово еще может означать ‘предосудительный недостаток кого-либо, достойный осуждение в нравственном плане’ [Толковый словарь великорусского языка Владимира Даля. Дата обращения: 29.03.2020]. В отличие от пары *добродетель* — *добро*, лексемы *зло* и *порок* не связаны словообразовательными отношениями, поэтому значение слова *порок* не может быть деривационно унаследовано значением слова *зло*. Но в когнитивном плане эти понятия все же находятся в очевидной смысловой связи. Дру-

гими словами, концепт «порок» по своей сути является результатом дальнейшего абстрагирования концепта «зло», но одновременно соотнесено и с другими концептами типа «грех», «ложь», «преступление» и пр., что отражено, например, в пословицах *намеки да попреки – семейные пороки, нет пророка без порока, сколько достоинств у человека, столько и пороков* и пр.

Как было сказано ранее, концепты «добро» и «зло» связаны с этическим концептом «совесть». Лексическая единица *совесть* как языковая объективация концепта «совесть» заимствована из старославянского языка и является калькой с греческого *syneidesis* [Крылов 2005: 379], что означает 'совместное знание'. Но в этом слове еще отражено соотношение между головой и сердцем, т.е. разум и дух сошлись в одном слове, чтобы человек мог отличить доброе от злого [Лаврова 2013: 123-127]. Из этого ясно, что совесть как представление о нравственном чувстве, отвечающем за чистоту помыслов и поступков и свидетельствующем о достаточной степени приобщенности личности к высшим, универсальным ценностям [Муфазалова 2011: 352-357], в этическом плане всегда побуждает человека к добру и отвращает его от зла. Это отражено и в поговорках *злая совесть может загрызть, добрая совесть не боится клевет*, в которых понятию «совесть» приписаны свойства живых существ, что, как мы покажем далее, свойственно и анализируемым в работе концептам «добро» и «зло».

1.3.3. Фразеология и паремиология как область языковой объективации этических концептов

В современном понимании фразеологизм рассматривается не только самостоятельная номинативная языковая единица, обладающая синтаксически членимой формой и исполняющая во фразе цельную синтаксическую функцию [Верещагин, Костомаров 1990: 65], но и как особое средство языко-

вого воплощения образных представлений о мире народа, в которых отображается обиходно-эмпирический, духовный или исторический опыт народа [Полищук, 2011: 351-353]. Фразеологизмы, как и обычные слова языка, соотносятся с форматами знаний о мире, но отличаются от слов особым, образным характером семантики, эмоциональностью и экспрессивностью. Именно это делает фразеологический фонд языка значимой областью функционирования культурных концептов, в частности, этических концептов.

Паремии, в отличие от фразеологизмов, являются формами выражения законченной мысли, суждениями. В связи с этим существенная разница между фразеологизмами и паремиями заключается в их денотатах на концептуальном уровне. Так, фразеологизмы обозначают отдельные фрагменты знания о мире — объекты, существа, признаки, свойства, процессы, действия и пр., которые являются фундаментальными элементами для создания когнитивной модели события (КМС). Сама же когнитивная модель события, языковым воплощением которой является языковая форма предложения-высказывания, отражена в пословицах, которые представляют собой своего рода «языковые слепки знания», представленные «отжившими фольклорными стереотипами» [Мокиенко 2010: 6-20]. В этом отношении можно сказать, что паремии на концептуальном уровне обладают ситуативностью. Это, таким образом, служит свидетельством связи между паремиями и фразеологизмами в языковом и когнитивном планах (ср. паремия *заварил кашу сам и расхлебывай* и два от нее образованных фразеологизма *заварить кашу* и *расхлебывать кашу*) и делает значимой областью функционирования культурных концептов, в частности, этических концептов, также и паремиологический фонд языка.

Так, например, этический концепт «зло» может метафорически одушевляться как волк в фразеологизме *волк в овечьей шкуре*. Это можно иллюстрировать следующим образом: фразеологическое значение — ‘лицемер скрывает злые намерения под маской добродетели’; когнитивная стратегия — концептуальная метафора «зло есть волк»; исходный домен — конкретное

живое существо, т.е. концепт «волк»; целевой домен — абстрактный этический концепт «зло»; направление метафорического проецирования — от концепта «волк» на концепт «зло».

Таким образом, наблюдаемые носителями языка признаки концепта «волк» ('вредить человеку', 'губить его домашних животных' и пр.) посредством метафоры «зло есть волк» используются для выражения этического концепта «зло», а именно — злого человека (лицемера), который скрывает не только дурные и злые намерения, но и собственную жестокость, под маской мягкости и доброты. Таким образом, концепт «зло» воплощен в русской языковой картине мира через призму метафоры «зло есть волк», т.е. метафорического представления зла как волка, которое не только сохраняется в русском сознании и памяти, но и дает носителям других языков возможность образно представить этот концепт в их сознании.

В рамках модели представления зла как реального одушевленного (живого) существа имеется еще одна модель концептуальной метафоризации «зло есть собака», находящаяся на базовом уровне категоризации и воплощенная в фразеологизме *злой (зол) как собака*. Это можно быть показано следующим образом: фразеологическое значение — 'вредный, злобный'; когнитивная стратегия — концептуальная метафора «зло есть собака»; исходный домен — реальное живое (одушевленное) существо, т.е. концепт «собака»; целевой домен — этический концепт «зло»; направление метафорического проецирования — от концепта «собаки» на концепт «зло». Таким образом, через признаки концепта «собака» посредством метафоры «зло есть собака» понимается и фиксируется концепт «зло». Другими словами, в языковом сознании этноса образ собаки можно использовать для описания характеристики злых, ожесточенных людей [Мокиенко, Фелицына 1990: 124]. Также зло может быть метафоризировано через модель представления зла как змеи, выраженную в фразеологизме *змея подколодная* и др.

В русской языковой картине мира концепт «зло» представлен не только когнитивными моделями одушевления. Так, например, в фразеологизмах ти-

па *взять (держать, схватить) за горло* этический концепт «зло» выражается в ярких образах и даже в ситуациях, где он конкретизируется как злой поступок человека. Тот эмпирический факт, что горло является жизненно важным органом для человека, позволяет нам говорить об угрозе горлу как об угрозе жизни. В связи с этим фразеологизм *держать за горло* имеет смысл, что злой человек заставляет других делать что-л. нежелательное, даже подчиняет их своей воле. Нельзя не отметить, что конкретизация зла как действия, образно выраженная еще в других фразеологизмах, как *вить веревки, спустить шкуры / спустить семь шкур, драть три шкуры (семь шкур, шкуру)* и пр., дает нам возможность говорить о действии этого типа как о национальном стереотипе русского народа, отражающем нравственное измерение — зло.

1.3.4. Отражение национальной специфики языковой картины мира в фразеологии и паремиологии: сопоставительный аспект

Под языковой картиной мира обычно понимается совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире [Попова, Стернин 2017: 38]. Тот факт, что концепты являются наивными народными представлениями о мире, приводит нас к выводу, что изучение национальной языковой картины мира по сути своей есть изучение народно-культурных концептов, выраженных и зафиксированных в национальных языковых единицах. В целом национальная языковая картина мира представляет собой совокупность результатов языковой концептуализации мира. Слова и выражения, в которых закреплены присущие народу национальные и культурные особенности, являются лингвоспецифичными единицами языка.

Языковая картина мира рассматривается как продукт культурной реакции этноса на окружающую среду, в результате которой в языке воплощается система моральных ценностей; именно язык в этом случае служит средством трансляции базовых ценностей для представителей данной культуры, а также дает носителям других языков возможный путь к глубокому пониманию русской национальной культуры, ее определенного способа восприятия и устройства мира, который имплицитно воплощен в естественном языке [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 11]. Это позволяет поставить вопрос о сопоставительном изучении отражения культуры в фактах языка.

Фразеология и паремиология любого языка выступает как естественная среда для формирования культурно значимой информации о мире в языке, потому что фразеологизмы и поговорки выступают как способы означивания культурных ценностей этноса и изучаются в качестве способа означивания языка и культуры [Гаврилова 2015: 11]. Прежде чем приступить к сопоставительному исследованию фразеологической и паремиологической репрезентации этических концептов «добро» и «зло» в русской и китайской лингвокультурах, рассмотрим особенности слов с семантикой 'добро' и 'зло' в русском и китайском языках.

Лексема *добро* является базовым языковым репрезентантом этического концепта «добро» с точки зрения теории прототипов. Однако данная лексема выражает и другие значения, не обязательно связанные с моральными ценностями. В исследовании У Мэна указано, что в словарную статью *добро* включены, помимо этического значения «добро», противоположного злу, еще такие значения: 1) имущество; 2) хорошее, доброе дело; поступок, приносящий пользу; 3) о чем-л. плохом, негодном, ненужном; 4) ладно, хорошо (частица); 5) *добро бы (б)* пускай бы еще; допустим, что...но (с оттенком неодобрения) (союз, частица) [У Мэн 2017: 158-161]. Но при этом базовым, основным выступает именно этическое значение, отражение которого имеется в фразеологизмах и поговорках с компонентом *добро*.

Лексема *добро* в китайской языковой картине мира также является прототипическим репрезентантом для этического концепта «добро», который и в китайском языке может быть выражен в других лексических единицах. В толковом словаре китайского языка эта лексема в себя включает, кроме морального значения «добро», противоположного злу, еще такие значения: 1) хорошее, доброе дело; поступок, приносящий пользу; 2) благо; 3) доброта; 4) ладно, хорошо (частица), символизирующее согласие; 5) осторожно; 6) квалифицированное; 7) знакомое; 8) легко (наречие); 9) быть хорош в чем-л., преуспевать в чем-л. (глагол). [现代汉语字典 2016: 1139-1140]. Так, по лексикографическому представлению лексемы *добро* в китайском языке мы можем получить сведения об определенной духовной эволюции представлений о добре в китайской языковой картине мира. При этом в китайском языке, как и в русском, базовым, основным выступает именно этическое значение, отражение которого имеется в фразеологизмах и поговорках с компонентом *добро*.

Сопоставление указанных единиц в русской и китайской языковых картинах мира дает ряд универсальных когнитивных признаков, общих для русской и китайской лингвокультуры: 1) этический концепт «добро» является прототипическим для всех других концептов, стоящих за лексемой *добро*; 2) слово *добро* может обозначать хорошее поведение, приносящее пользу себе и окружающим людям; 3) лексема *добро* имеет значение ‘дать согласие на что-л.’. Эти же общие смысловые параметры отображены и в русских и китайских фразеологизмах и поговорках с компонентом *добро*. Так, например, в русском фразеологизме *дать добро* воплощен третий общий когнитивный признак, который вообще не имеет моральной оценки, в нем лишь переносным образом обозначается согласие адресата на что-л., или его одобрение чего-л. Короче говоря, компонент *добро* в этом фразеологизме является языковым выражением согласия и одобрения. При этом можно полагать, что между концептами «добро» и «согласие» есть какая-то метафорическая цепочка, посредством которой слово *добро* может обозначать согласие и которая дает

нам возможную когнитивную модель, играющую немаловажную роль в образовании значения фразеологизма *дать добро*.

Что касается второго универсального когнитивного признака, то и он выражается в фразеологизмах со словом *добро*. Так, например, в китайском фразеологизме 从善如流 (цун шань жу лю), переводимом как ‘следить за добром, как за водой, текущей вниз’ и обозначающим ‘быстрое принятие хороших идей / советов от других’, отражено обобщенное языковое представление о хорошести, которое со всей очевидностью не касается моральной оценки и является, по природе, абстрактным понятием. С точки зрения теории концептуальной метафоры абстрактные концепты узнаются и понимаются обычно в терминах конкретных концептов, поэтому в этом фразеологизме вполне возможно создание модели концептуальной метафоризации «принять хорошие советы есть плыть вниз по течению», которая дает нам возможный подход к пониманию культурных знаний о фрагменте китайской языковой картины мира и в которой абстрактный концепт «хорошесть» в сознании человека рассматривается как правильное направление течения (вниз), с помощью которого люди могут быстро избежать трудностей и стремиться к хорошему и благу. Здесь нелишне будет указать, что данная модель тоже выражается в русской пословице *от добра добра не ищут*, но в которой компонент *добро* воплощает уже непосредственно нравственный аспект содержания этического концепта «добро».

Имеется еще один общий когнитивный признак, отображаемый в русских и китайских фразеологизмах. Это, например, видим в китайском фразеологизме 从善如登, 从恶如崩 (цун шань жу дэн, цун э жу бэн), переводимом как ‘выбрать добро и быть добрым — это подниматься на гору с трудом, а выбрать зло и быть злым — это спускаться с горы с легкостью’ и обозначающим ‘гораздо легче быть злым, чем быть добрым’. Нетрудно видеть, что в этом фразеологизме выражена концептуальная метафора, посредством которой человеческий опыт, полученный при подъеме на гору и спуске с горы, применяется к описанию трудности и легкости при выборе добра и зла в

жизни. Когнитивные модели подобного типа могут находить свое соответствие не в русской фразеологии, а в русской паремиологии с компонентами *добро* и *зло*. Так, например, в русской пословице: *Следовать добру – взбираться на гору, следовать злу – скользить в пропасть*, мы видим идею ‘следовать добру – это взбираться на гору’, за которой стоит концептуальная метафора «добро есть гора». Это заставляет нас думать, что в русских и китайских языках можно не только найти языковые выражения с лексемами *добро* и *зло* как языковое воплощение этических концептов «добро» и «зло», но и увидеть когнитивные модели, которые выраженные в них и являются универсальными.

Сопоставительный анализ лексемы *зло* дал следующие результаты. В русском языке слово *зло* имеет, помимо прямого, этического значения «зло», противоположного *добру*, еще такие значения: 1) беда, несчастье, неприятность; 2) досада, злость; 3) усердно, прилежно, со рвением (нареч.); 4) сильно, крепко; очень, весьма (нареч.) [Словарь русских народных говоров. Выпуск одиннадцатый. Зароситься – Зубренка. 1976: 288]. То есть в русской лексеме *зло* выражены несколько концептов, главным из которых является этическое понятие «зло». Это выражено и в фразеологизмах и поговорках с компонентом *зло*.

Так, например, в русском фразеологизме *употреблять во зло*, обозначающем *воспользоваться чем-л. с дурной целью, чтобы навредить кому-л.* [Словарь многих выражений, 2014. Дата обращения: 28.12.2020], компонент *зло* является языковым репрезентантом концептов «дурность» и «злость». В этом фразеологическом выражении воплощена одна концептуальная метафора «зло есть вместилище», которая находится на базовом уровне категоризации в рамках другой когнитивной модели, т.е. универсальной концептуальной метафоры «концепты абстрактного характера есть вместилища». Именно эта модель дает нам возможность говорить о когнитивном действии «употреблять ч.-л. во зло» как о конкретном когнитивном действии «поставить ч.-

л. вместилище 'зло'», т.е. использовании ч.-л. с злой целью для повреждения другим.

В китайском языке слово *зло* имеет, помимо этического значения «зло», противоположного добру, еще такие значения: 1) ошибка, вина (оригинальное значение); 2) плохое дело, поступок, причиненный ущерб и/или вред; 3) свирепость и злобность. Мы видим, что и в китайской лексеме *зло* выражены несколько концептов, главным из которых является этическое понятие «зло». Это также выражено и в китайских фразеологизмах и поговорках с компонентом *зло*.

Так, например, в фразеологизме 恶恶从短 (*э э чун дуань*), переводимом как 'критика и исправление ошибок других людей должны осуществляться не жестоко, а быстро' и обозначающем 'люди должны быть добрыми по отношению к другим людям при критике их ошибок'. В этом фразеологизме письменным знаком лексемы *зло* являются два первых иероглифа, первый из которых, выступающий в роли глагола, обозначает действие 'критиковать' и второй из которых, выступающий в роли существительного, обозначает явление 'ошибка'.

Также отметим, что в китайском языке слово *зло* имеет несколько вариантов произношения, каждый из которых является языковым представлением нескольких связанных друг с другом концептов. В целом сопоставление лексической единицы *зло* в русской и китайской языковых картинах мира дает нам возможность говорить не только об их общих, но и об их уникальных когнитивных признаках.

В целях нашего исследования важно, что основное прототипическое моральное содержание антонимических концептов «добро» и «зло» в русском и китайском языках в целом совпадает, что свидетельствует об универсальности противопоставления добра и зла в человеческой цивилизации.

Выводы по содержанию первой главы

На основе анализа научной литературы по проблематике исследования в главе показано, что научное понятие «концепт» является одним из главных предметов изучения как в когнитивной лингвистике в свете исследования разного рода когнитивных стратегий (способов, методов, механизмов), так и в лингвокультурологии в контексте анализа национально-обусловленных единиц «языка культуры».

Также в главе были рассмотрены важнейшие когнитивные процессы концептуализации и категоризации в качестве источника для образования концептов и категорий. Было показано, что применение научного инструментария категорий существенно расширяет наши представления об устройстве и функциях концептов в концептуальной системе этноса и личности.

Концепты, являющиеся минимальными ментальными единицами долговременной памяти носителей этнокультуры, имеют как психологическую репрезентацию, так и языковое воплощение. Словарные значения в этом случае рассматриваются как идентификаторы совокупного концептуального содержания концептов, но не исчерпывают его, потому что в содержание концепта входят и культурные, нравственные, эстетические и другие экстралингвистического характера.

Исследование концептов как многомерных ментальных образований требует разных методов концептуального анализа, среди которых следует отметить анализ полевой организации концепта, когнитивной категоризации, прототипических эффектов, имидж-схематический анализ, анализ моделей концептуальных метафор и метонимий и пр.

Одним из наиболее репрезентативных источников знаний о культуре этноса, воплощенной в фактах языка, является фразеология и паремиология, в которых не только запечатлена народная мудрость, отражены реалии быта и приметы обычаев и нравов, но и выражены ценностные ориентиры этноса,

его шкала нравственных ценностей, его представления о мире и пр. И за всем вышеуказанным стоят различные когнитивные модели концептуальных метафор и метонимий, которые используются в качестве познавательных инструментов для понимания человеком окружающей среды и самого себя.

Также в главе было дано историко-научное и научно-теоретическое освещение научного понятия «метафора», охарактеризованы основные подходы к изучению метафоры: сравнительно-сопоставительный (аристотелевский) подход, когнитивный подход, субститутивный подход и интеграционный подход. Показано, что именно когнитивный подход позволяет осуществить исследование моделей концептуальных метафор как базовых когнитивных стратегий, суть которых состоит в метафорическом проецировании с исходного домена на целевой домен. Также в главе была исследована связь когнитивной метафоры и метонимии. Доказано, что метафора и метонимия являются совершенно разными познавательными стратегиями, отличающимися направлением процесса переноса, функцией переноса и характером связи исходного и целевого доменов.

Метафоры и метонимии как когнитивные модели не только запечатлены в сознании человека, но и зафиксированы в разных единицах языка, в том числе в фразеологизмах и поговорках, рассматриваемых как устойчивые воспроизводимые в дискурсе единицы языка, несущие культурно-значимую информацию. Наше исследование показало, что значения и особенности функционирования фразеологизмов и поговорок допустимо рассматривать в качестве идеализированных когнитивных моделей инвариантного типа, включающих в себя ряд вариантных когнитивных моделей. Порождение инварианта и вариантных КМ опирается на 4 типа когнитивных механизмов: пропозициональная структура, имидж-схематическая структура, метафорическое проецирование и метонимическое проецирование.

Все вышесказанное справедливо и для лингвокогнитивного анализа фразеологической и поговорок репрезентации русских этических концептов «добро» и «зло», которые являются прототипическими членами

метакатегории «этика». Это потребовало от нас осуществить анализ «языков этики» в современном гуманитарном знании, прежде всего с опорой на идеи и положения «аналитической философии» Дж. Э. Мура.

В результате была обоснована концепция настоящего исследования, в которой этические концепты «добро» и «зло» рассматриваются как концепты базового уровня категоризации в иерархии этики, и на этой основе выявляется структура концептуального представления о добре и зле в русской языковой картине мира этноса.

Изучение основных этических концептов этноса, с одной стороны, позволяет самим носителям языка глубже понять ментальность и систему ценностей своего народа, а с другой — такое изучение дает путь к пониманию духовного мира русского народа носителям других языков, представителям других культур. Эти соображения потребовали привлечь к исследованию научный инструментарий сопоставительной лингвистики. Национальная и культурная специфика представлений о добре и зле в русской культуре по данным фразеологии и паремиологии наиболее выпукло проявляется при сопоставлении ее с китайской лингвокультурой.

Сопоставительное исследование выявило общие когнитивные компоненты в представлении о добре и зле в русской и китайской картинах мира, которые как раз заключаются в этической антиномии добра и зла. При этом для русской и китайской фразеологии и паремиологии характерно наличие не совпадающих, различных когнитивно-метафорических и когнитивно-метонимических моделей представления этого общего содержания, что связано с различными культурными и ценностными приоритетами русского и китайского народов.

В целом основное прототипическое моральное содержание антонимических концептов «добро» и «зло» в русском и китайском языках совпадает, что свидетельствует об универсальности противопоставления добра и зла в человеческой цивилизации.

Глава II. ЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ «ДОБРО» И «ЗЛО» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

В когнитивных процессах концептуальной метафоризации и метонимизации большую роль играют ключевые концепты национальной культуры как этнически обусловленные ментальные репрезентации.

Познание и понимание сложных и абстрактных понятий в операционной среде языка происходит в терминах простых и конкретных представлений, что вполне соответствует когнитивным механизмам концептуальной метафоры. Также познание и понимание неочевидных и скрытых концептов в операционной среде языка происходит в терминах наглядно воспринимаемых сущностей, которые представляют разные аспекты одного и того же явления (атрибуты, свойства, пространственно-временные характеристики и пр.), что вполне соответствует механизмам действия концептуальной метонимии. Иными словами, в языковой картине мира этноса обязательному овеществлению или одушевлению по моделям концептуальной метафоризации и метонимизации подлежат любые абстрактные безобразные концепты, в том числе и этические концепты, прототипами (наилучшими примерами, эталонными членами категорий) которых, как уже было сказано, являются понятия «добро» и «зло».

Данная глава состоит из двух разделов, в которых последовательно представлено когнитивное моделирование этического концепта «добро» в русской языковой картине мира и когнитивное моделирование этического концепта «зло» в русской языковой картине мира (соответственно, разделы 2.1 и 2.2 настоящей работы).

2.1. Когнитивное моделирование этического концепта «добро» в русской языковой картине мира

Выше уже было сказано, что когнитивными стратегиями (способами, механизмами, методами), служащими в качестве конкретного воплощения когнитивного моделирования добра в языковом сознании носителей языка, являются концептуальные метафоры и метонимии. Ниже мы рассмотрим модели концептуальной метафоры добра в русской фразеологии и паремиологии (соответственно, подразделы 2.1.1 и 2.1.2).

2.1.1. Модели концептуальных метафор концепта «добро» в русской фразеологии

В русском языке слово *добро* и его родственные слова представляют собой языковую объективацию нескольких концептов, самым главным из которых является одноименный этический концепт «добро», находящийся на базовом категориальном уровне и занимающий высшую позицию в положительном сегменте нравственно-ценностной шкалы любого этноса, в том числе и русского.

В подразделе анализируется два типа фразеологических единиц, в которых репрезентирован концепт «добро»: (1) фразеологизмы, непосредственно включающие лексему *добро* и ее падежные формы, а также однокоренные слова на базе *добро*; (2) фразеологизмы, не включающие само слово *добро* и его однокоренные слова, но имеющие совокупное фразеологическое значение, которое связано с разными аспектами представления о добре.

Прежде чем перейдем к первой когнитивной модели нужно сказать несколько слов о цепочке значений (*meaning chain*) слова *добро*. Как говорилось раньше в других подразделах нашей научной работы, в древнерусском языке слово *добро* означало физическое здоровье, пышность, крепость чело-

века. Отсюда в современном русском языке имеются такие лексемы, как *сдоба* (пышный хлеб), *дебелый* (очень толстый, рыхлый человек), *удобрения* (для почвы), которые, по существу, вообще не имеют никакой связи с этикой. Так и в русских народных сказках устойчивая формула *добрый молодец* употребляется в смысле ‘*статный, сильный, крепкий, здоровый*’, а не в нравственном смысле. Также в русских говорах и в древнерусском языке у лексемы *добро* было еще одно значение ‘имущество’, которое сохранилось в современной разговорной речи в выражениях типа *он накопил много добра, добра не нажил, у него много всякого добра*.

Первая когнитивная модель, попавшая в сферу нашего исследовательского внимания, — это концептуально-метафорическая модель овеществления абстракции (реификации) этического концепта «добро», т.е. модель представления добра как реальной конкретной сущности (объекта, предмета, существа, вещи), которая реализована в русских фразеологизмах со словом *добро*. Абстрактные концепты типа «добро», являясь этическими концептами, сами по себе не могут быть восприняты сенсомоторными органами человека, потому что они не относятся к категории концептов, в основу формирования которых лежит непосредственно эмпирический опыт телесного взаимодействия со средой, возникающий в процессе интеракции между окружающей средой и человеком. В любой языковой картине мира, в том числе и в русской национальной языковой картине мира любой абстрактный концепт познается и запечатлевается в концептуальной системе человека в основном в терминах конкретного концепта, поэтому когнитивная модель представления добра как реальной конкретной сущности (объекта, предмета, вещи, существа) отражает тот факт, что люди проецируют полученное из опыта знание о реальных вещах и предметах на абстрактный этический концепт «добро», чтобы легче представить себе суть этого понятия.

Хорошо известно, что в реальной действительности люди могут выполнять разного рода конкретные действия с настоящими объектами. Согласно вышеуказанной модели концептуальной метафоры этического кон-

цепта «добро», содержательные особенности концепта «реальные сущности» применяются именно к описанию этического концепта «добро», т.е. посредством этой модели концептуальной метафоризации, отраженной в фразеологизмах *вспоминать добром, добром (не) кончится, добром не кончить, не к добру, понимать/помянуть добром, подобру-поздорову (уйти, убраться)* и пр., концепт «добро» входит в языковую картину мира как конкретно-чувственное представление. При этом на основе данной когнитивной модели носители языка могут не только понимать категорию «добро», воплощенную в перечисляемых выше фразеологизмах, но и руководствоваться этим пониманием в своей повседневной жизни, в практическом поведении.

Здесь нельзя не отметить, что первая когнитивная модель относится к такой разновидности «концептуальных метафор», предложенных Дж. Лаккоффом и М. Джонсоном в работе «Метафоры, которыми мы живем», как «онтологическая метафора», которая по сути своей является первичной и выступает как источник развития других, более сложных моделей концептуальных метафор, например, «структурных метафор». Свидетельством этого могут служить модели когнитивных метафор этического концепта «добро», сформированные на основе первой когнитивной модели, которую при этом можно назвать либо универсальной (общей) метафорой, либо метафорой родового уровня (*generic-level metaphor*) [Кульчицкая, 2012: 40-50].

Рассмотрим некоторые особенности воплощения первой когнитивной модели, т.е. концептуальной метафоры «добро есть конкретная реальная сущность», в русской речи, где употребляются соответствующие фразеологические единицы, значение которых непосредственно связано с этикой. В качестве примера мы возьмем фразеологизм *добром не кончить*.

Так, в примере: «*Только запомни, никто из твоих предков добром не кончил*» [Курников А.А. Наемники. Дождливая осень. 2016]¹— фразеологизм *добром не кончить* совместно с другими членами предложения создает когнитивную ситуацию «никакой твой предок не кончил добром». Другими

¹ Здесь и далее примеры приводятся по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

словами, в этой ситуации понятие «никакой твой предок», обозначенное словами *никто из твоих предков*, может рассматриваться как когнитивный агент, выполняющий когнитивное действие «не кончить добром». Концептуальная метафора «добро есть конкретная реальная сущность» здесь сама выступает не как фигура (figure), а как фон (background) для понимания содержания целого предложения.

Вторая когнитивная модель этического концепта «добро» — это субмодель первой когнитивной модели, т.е. модель представления добра как реального предмета со специфическими функциями (признаками, характеристиками, атрибутами). Первая когнитивная модель показывает, что конструкция этического концепта «добро», рассматриваемого как конкретная реальная сущность (субстанция), переосмысливается по линии обобщения, в связи с чем эта реальная сущность может быть рассмотрена не как концепт базового уровня, а как концепт вышестоящего уровня. В отличие от первой когнитивной модели вторая когнитивная модель, напротив, конкретизирует денотат, обозначенный языковой единицей (словом) *добро*.

Вторая когнитивная модель представления добра как предела, которая отображена в русских идиомах: *не доводить до добра, добром не кончится* и пр. Здесь нужно сразу отметить, что в первой идиоме идея предела реализована в пространственном плане, а во второй идиоме идея предела реализуется во временном плане. Но напомним, что как концепт абстрактного характера понятие «время» познается и конструируется в концептуальной системе человека в основном через призму конкретных и простых концептов пространственного характера [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff, Turner 1987; Kovecses 2010], потому что они естественным образом бросаются в глаза в процессе эксплуатации внешнего мира. В связи с этим в модели концептуальной метафоризации «добро есть предел» исходным доменом является пространственный предел с позитивным знаком, к которому надо стремиться, но которого обычно довольно трудно достичь на основе того, что можно свернуть с пути. С учетом идеи предела, отображенной в идиоме *добром не*

кончится и выражаемой во временном плане, необходимо указать, что в этой идиоме воплощена идея о желательном итоге чего-л., которого человек также может не достичь.

Вторая когнитивная модель, т.е. концептуальная метафора «добро есть предел», выраженная в соответствующих фразеологизмах, тоже является важным звеном когнитивной ситуации, созданной и зафиксированной в предложениях с этими фразеологизмами. Для доказательства этого могут служить предложения, где используются фразеологизмы с компонентом *добро*. Так, в примере: «*И я понимал, что все это наверняка добром не кончится*» [Тарасов А. Миллионер. 2004] можно видеть, что в придаточном предложении выражается когнитивная ситуация «все добром не кончится», посвященная выражению понятия «все», которое обозначено языковыми единицами *все это*. В этом предложении слова *все это* выступают в роли подлежащего, а фразеологизм *добром не кончится* — в роли сказуемого, точнее, слово *добро* в творительном падеже служит в качестве обстоятельства в синтаксическом плане. Таким образом, в когнитивной ситуации, закрепленной в этом придаточном предложении, понятие «все» представляют собой агенс, который выполняет познавательное действие «кончиться» образом «не добром». Модель концептуальной метафоры «добро есть предел», выраженная в фразеологизме *не добром кончиться*, по сути своей является необходимой частью когнитивной ситуации, а этический концепт «добро» служит фоном для этой ситуации.

Третья модель концептуальной метафоры концепта «добро» — это концептуально-метафорическая модель одушевления концепта «добро», т.е. модель представления добра как живого существа, в том числе как существа человеческого, которая реализована в русских фразеологизмах с компонентом 'добро'. Добру в этом случае могут быть приписаны свойства (характеристики, атрибуты, функции), в норме присущие живому, целенаправленно действующему существу, чаще всего — человеку. Так, например, человеку как существу социальному присущи многие характеристики, например, та-

кая, как возможность защищать свои права, отстаивать свою позицию. Прототипическая ситуация отстаивания своих прав может осмысляться в понятиях «борьба», «драка», поэтому и фразеологизм *добро должно быть с кулаками* отражает модель подобного представления — добро, как человек, защищает кулаками свои права от зла.

Также из опыта этнического восприятия действительности известно, что человек может иметь ряд негативных свойств, связанных с болезнями, с отсутствием физического здоровья, например — со слепотой. Прилагательные, обозначающие подобные свойства человека, также могут быть приписаны в фразеологизмах абстрактному концепту «добро». Это мы видим, например, в фразеологизме *слепая доброта*, который метафорически, через идею отсутствия зрения, т.е. возможности видеть, выражает значение ‘бездумное доброе отношение к кому-либо или к чему-либо, способное привести к негативным результатам’ — как отсутствие возможности видеть в ментальном плане, т.е. думать, правильно понимать окружающие ситуации. Данная когнитивная модель, т.е. концептуальная метафора «добро есть человек», по сути своей относится к категории «структурная метафора», потому что часть структурных отношений, применяемых к описанию человека, была проецирована на понимание этического концепта «добро», отображенного в фразеологизмах типа *слепая доброта*.

Нет сомнения, что рассмотрение этического концепта «добро» как живого существа, выражаемое в русских фразеологических единицах типа *слепая доброта*, является необходимой частью когнитивной ситуации, воплощенной в речи. Однако прежде чем перейти к конкретному анализу данной когнитивной ситуации в русской речи, необходимо здесь указать, что фразеологизм *слепая доброта* выступает, как правило, как подлежащее в синтаксическом плане, и что этический концепт «добро», выраженный в слове *доброта*, является самой важной и необходимой частью смысла предложения, в котором используется выше указанный фразеологизм, в концептуальном плане. Другими словами, этический концепт «добро» в данном случае пред-

ставляется фигурой, а другие члены предложения — фоном. Так, в примере: «Служи ему силой таланта, бескорыстно и беззаветно, не давая властвовать над собой злобе, зависти и жадности, но помни, что **слепая доброта** может причинить немало плохого» [Ефремов И.А. Лезвие бритвы (1959-1963)] — показывается возможность речевой реализации когнитивной модели «слепое добро причиняет ущерб и вред». В этой модели концепт «добро» представляется как когнитивный агенс, который через идею отсутствия зрения причиняет ущерб и / или даже вред пациенсу, который, в свою очередь, выражается в неявном виде в данном предложении — в роли фона.

Здесь необходимо указать, что идиома *слепая доброта* иногда употребляется в таких предложениях типа ЭТО МОЙ ДОМ, которые в русском языке являются двусоставными: подлежащее – указательное местоимение ЭТО, а сказуемое ДОМ (ЕСТЬ ДОМ ср. БЫЛ ДОМ, БУДЕТ ДОМ). Таким образом, изображена не ситуация, а отношение указательного типа — пропозиция ЭТО ЕСТЬ ДОМ (в когнитивном анализе предложения пропозиция выступает как средство номинации ситуации в реальной жизни или средство номинации отношения в ментальном пространстве). Таким образом, *слепая доброта* (в фигуре парцелляции, т.е. оформления части предложения как самостоятельного предложения в стилистических целях) является предикатом, информационным центром, коммуникативным сказуемым — или фигурой, как, например, в предложении: «*Это доброта, милующая тарантула, кусающего ребенка. Безумная, вредная, слепая доброта!*» [Гроссман В. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)].

Четвертая когнитивная модель — это пространственно ориентированная концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как правильного направления, по которому все люди должны двигаться и от которого люди не должны отходить. Структурные отношения или признаки, в норме применяемые к описанию пространственно ориентированного концепта «правильное направление», проецируются на описание этического концепта «добро», выраженное и закрепленное в фразеологиче-

ских единицах. Иначе говоря, когнитивные признаки пространственно ориентированного концепта «правильное направление» успешно переносятся на этический концепт «добро» через призму концептуально-метафорической модели «добро есть правильное направление», реализованной в русских фразеологизмах со словом *добро*: *добром не кончится / кончить, (не) доводить до добра, не к добру и подобию-здоровью (уйти, убраться)*. Концепт «добро» здесь рассматривается как правильное направление, ведущее людей к месту положительного этического назначения.

В фразеологизме *добром не кончится / кончить*, на самом деле, в неявном виде отображен такой эмпирический факт, что движение субъекта производится по неправильному направлению, которое не ведет его к положительному результату. Несомненно, что на основе опыта повседневной жизни человека, полученного им во взаимодействии с окружающей средой, присущая человеку способность стремиться к лучшему по правильному направлению подсознательно проникла и в переосмысление абстрактных концептов типа добра.

Рассмотрим специфику речевой реализации концептуальной метафоры «добро есть правильное направление». Так, например, в предложении: «*Не к добру, не к добру эти белые мыши. - говорит, - Я это чувствую всей шкуркой!*» [Искандер Фазиль. Чик чтит обычаи (167)] — этический концепт «добро» представляется как фон, а понятие «мыши» выступает как фигура, которая почему-то тревожит говорящего. А в другом примере с этой идиомой: «*Отчего-то кажется, что они не к добру такие большие, что, возможно, в них сокрыто что-то неправильное, страшное, свирепое*» [Андреева Ю.И. Многоточие сборки (2009)] хорошо видно, что фразеологизм *не к добру*, являясь обстоятельственным наречием при БОЛЬШИЕ, служит в качестве необходимой части когнитивной ситуации «крупные мужчины не к добру такие большие» в концептуальном плане. Другими словами, когнитивный агент «крупные мужчины», обозначенный местоимением *они*, представляет собой фигуру, а когнитивная модель метафоризации «добро есть правильное

направление», выраженная в фразеологизме *не к добру*, — фон. Таким образом, агенс как фигура не приближается к добру как фону.

Пятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель канализации этического концепта «добро», т.е. модель представления добра как канала связи, которая реализована в русском фразеологизме *вспоминать / помянуть добром*. Мы знаем, что термин «метафора канала связи» (*conduit metaphor*) указывает на тот факт, что любая единица языка, активно принимающая участие в нашем повседневном общении, сама по себе представляет собой вместилище, в которое помещается содержимое — значения, идеи; данное вместилище вместе с содержимым буквально, в физическом смысле передает один субъект другому; в целом так метафорически представляется коммуникация [Reddy 1979: 285-324]. В идиоме *вспомнить / помянуть добром* не только отражена идея ‘хорошо говорить о ком-л., сделавшем добро’, но и в неявном виде запечатлено одно метонимическое сужение «добро → доброе слово». Все это в высшей степени характерно для пятой когнитивной модели, т.е. концептуальной метафоры «добро есть канал связи», посредством которой идея ‘добрые слово’ может передаваться с человека к человеку (в данном случае — с говорящего к слушающему).

Таким образом, метафора канала связи по сути своей определяется как примитивная метафора, находящаяся на вышестоящем уровне категоризации, а метафора «добро есть канал связи», по природе, рассматривается как конкретный член предыдущей метафоры и находится на базовом уровне категоризации. Здесь нелишне будет указать, что пятая когнитивная модель еще называется семантической или информационной по мнению Дж. Лакоффа [Lakoff, Johnson 1980].

Вышеперечисленные модели концептуальных метафор этического концепта «добро» воплощаются в основном в русской фразеологии с компонентом *добро*. Далее мы рассмотрим фразеологизмы с другими компонентами, не имеющими в своем составе лексем с корнем *добр-*, но соответствующими

щие представлению о добре, которое отражено в общем фразеологическом значении.

Шестая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель одушевления этического концепта «добро», т.е. модель представления добра как божества, которая отображена и закреплена в русских фразеологизмах со значением «добро». Добру в этом случае приписаны свойства (характеристики, атрибуты, признаки, функции), в норме присущие сверхъестественным существам, чаще всего — божеству. Здесь следует отметить, что в теории концептуальной метафоры абстрактные концепты обычно понимаются в терминах конкретных концептов, которым есть соответствие в действительности и в сознании человека: понятие «божество» по сути своей является концептом, которому вообще нет соответствия в действительности и который существует лишь в сознании человека. Однако в религиозной жизни есть достаточно много действий, событий, обычаев и пр., которые посвящены воплощению божества в действительности человека, поэтому понятие «божество» уже давно представляет собой довольно знакомый людям концепт, имеющий вполне очевидный денотат, целостный и конкретный гештальт (имидж-схематическую структуру) в их сознании. Данную модель можно увидеть в фразеологизмах: *ангел-хранитель*, *ангел во плоти*, *ангельское терпение*, *Бог в/на помощь (помочь)* и *Бога нет (в ком)*. Данные фразеологизмы отражают значимость в русской ЯКМ религиозных представлений, без участия которых многие типы повседневной деятельности в народном сознании вообще не могут осуществляться.

В отмеченной когнитивной модели можно еще выделить две субмодели, основанные на концептуально-метафорическом представлении добра как божества — это модель представления добра как ангела-хранителя и модель представления добра как Бога. Предыдущая модель чаще всего воплощается в фразеологизмах с компонентом *ангел*, а последняя модель выражается в фразеологизмах с компонентом *Бог*. В православной религии самой важной задачи ангела-хранителя и Бога в качестве покровителей и защитников чело-

века является опека, сбережение человека, поэтому когнитивно-семантические признаки и отношения, которые применяются к описанию ангела-хранителя и Бога, проецируются на понимание добра и отображаются в семантике отмеченных выше фразеологизмов. Так, например, помощь, поддержка, полученные метафорически от ангела-хранителя и Бога, по природе своей представляют собой конкретные воплощения этического концепта «добро». Концептуальная метафора «добро есть божество» находится на вышестоящем уровне категоризации – с одной стороны, с другой – ее субмодели, т.е. концептуальные метафоры «добро есть ангел-хранитель» и «добро есть Бог», находятся на базовом категориальном уровне.

Покажем, как данная когнитивная модель реализуется в русской речи на примере фразеологизма *ангельское терпение*: «*Наконец, его молчание стало тягостным, и я воскликнула: У вас **ангельское терпение**, вы сидите так тихо!*» [Гуль Р.Б. Дзержинский (Начало террора) (1974)]. В этом примере концепт «ангельское терпение», закрепленный за фразеологизмом *ангельское терпение*, представляется не фоном, а фигурой. Это можно объяснить тем, что содержание, выраженное в языковых единицах *у вас*, рассматривается как фон – с одной стороны, с другой – человек, обозначенный местоимением *вы*, по сути своей может считаться как агенс и пациенс целой ситуации «у вас имеется ангельское терпение», которое скрывается в этом предложении. Таким образом, концептуальная метафора «добро есть ангел-хранитель» непосредственно является необходимым звеном этой ситуации, потому что одна важнейшая характеристика ангела, т.е. терпеливость, применяется к описанию концепта «человек», обозначенного местоимением *вы*.

В примере «*Она же на огороде: Вам **Бог в помощь** не нужен?*» [Рязанова И. Отит // «Здоровье», 1999.03.15] можно видеть, что слово *Бог* является необходимым членом этого предложения как подлежащее – с одной стороны, с другой – концепт «Бог», обозначенный словом *Бог*, выступает в роли фигуры. Пример интересен тем, что в нем происходит дефразеологизация, буквализация исходного фразеологизма, при которой каждый компонент исполь-

зуется в роли самостоятельного предложения. Реально же фразеологизм *Бог в помощь* употребляется в роли этикетной формулы пожелания успеха, т.е. в роли нечленимой вводной конструкции — служебного слова. Укажем также, что в данном контексте этот фразеологизм употребляется в трансформированном виде (тип аномальности — разновидность аномальной актуализации внутренней формы фразеологизма [Радбиль 2012: 218]).

Седьмая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как жидкого вещества (субстанции), а именно — как чистой воды, которая реализована в фразеологизме *чистая душа*. Она может быть отнесена к категории онтологической метафоры. Данная когнитивная модель, по сути, основывается на третьей когнитивной модели, т.е. на модели представления добра как живого существа — человека, потому что в русской языковой картине мира душа рассматривается как внетелесная часть человеческой ипостаси: так, в мире русских моральных представлений человеком вообще невозможно называться, если нет души. Поэтому можно сказать, что данная концептуальная метафора «добро есть чистая вода» по сути своей является интегрированной когнитивной моделью на базе нескольких когнитивных моделей: модель представления добра как человека, модель обозначения человека через его душу и модель представления души как воды. Эти модели, таким образом, создают когнитивно-метафорическую цепочку этического концепта «добро».

Нам известно, что вода является необходимым условием для существования человека в мире, поскольку чистая вода дает людям гарантию, что они могут жить спокойно и быть здоровыми, а нечистая (грязная) вода вредит здоровью человека и не может гарантировать его существования в мире. В связи с этим признаки чистой воды были метафорически переноситься на обозначение наивного, открытого и нравственно чистого, доброго человека.

Фразеологизм *чистая душа* активно реализуется в русской речи: «*Вадим Борисов. Дима, Димка, один из лучших людей России, умница, чистая душа, щедрое сердце, рыцарь чести, хранитель духа*» [Алейников В.Д.

Тадзимас (2002)]. Мы видим, что фразеологизм *чистая душа* является сказуемым этого предложения в синтаксическом плане – с одной стороны, с другой – добро, выраженное в этом фразеологизме, служит важной характеристикой Димы в смысловом плане. В связи с этим можно сказать, что концепт «добро», отображенный в фразеологизме *чистая душа*, совместно с другими концептами, обозначенными другими членами этого предложения, по природе, выступает в роли фигуры, а человек Дима — в роли фона. Другими словами, концептуальная метафора «добро есть чистая вода» в данном случае представляется необходимым звеном когнитивной ситуации «Дима есть один из лучших людей России по многим параметрам». Добавим, что фразеологизм *чистая душа* в этом предложении является источником метонимии «чистая душа = Дима», которая, в свою очередь, относится к категории самой распространенной модели метонимии (синекдохи) «часть вместо целого».

Восьмая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как конкретного когнитивного действия, воплощающая добро не только в языковом плане, но и в денотативном плане. Все концепты, как уже было сказано выше, по сути своей представляют собой кванты (единицы, фрагменты) энциклопедических знаний о мире. Поэтому в категории этического концепта «добро» представлены когнитивно-семантические признаки, особенности языкового воплощения, субъективные ассоциации, соотношения между составляющими элементами и пр., самыми простыми из которых являются разного рода конкретные действия, особым образом репрезентирующие концепт «добро» в повседневной жизни и реализованные при этом в фразеологизмах типа *принимать (принять) с распростертыми объятьями, рубашку с плеч отдать*. Иначе говоря, понятие «доброе дело» обозначено через внешние физические действия, получающие семиотический (знаковый) смысл, т.е. через когнитивную схему «объятье» и через фрейм «отдать последнюю рубашку». Данная концептуальная метафора, таким образом, является когнитивной моделью, нахо-

дящейся на вышестоящем уровне категоризации и включающей в себя еще ряд когнитивных моделей базового уровня, о которых речь идет ниже.

Девятая когнитивная модель, основанная на восьмой когнитивной модели, — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как конкретного действия «распростертое объятье», отображенная и зафиксированная в русском фразеологизме (*принимать/принять*) *с распростертыми объятьями*. Нет сомнения, что одним из конкретных кинетических воплощений добра в действительности являются распростертые объятья, которые могут не только дать другим людям поддержку, но и принести им психологическое удовлетворение. В этой связи «распростертые объятья» выступает в качестве прототипического образа для обозначения концепта «добро».

Рассмотрим примеры с этим фразеологизмом в русской речи: *«Не было уверенности, что семья отца примет меня с распростертыми объятьями»* [Ханга Е. Про все (2000)]. Здесь этический концепт «добро», выраженный в русском фразеологизме *с распростертыми объятьями*, выступает в роли фона ситуации «семья примет меня с распростертыми объятьями», которая, на самом деле, является источником другой когнитивной ситуации «семья доброжелательно относится ко мне». Таким образом, концептуальная метафора «распростертые объятья есть символическое воплощение добра» обозначает не столько концепт «добро» как категорию базового уровня, сколько его составляющую нижестоящего уровня — «доброе отношение».

Десятая когнитивная модель, тоже основанная на восьмой когнитивной модели, — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как конкретного действия «отдать рубашку с плеч», которая реализована в русском фразеологизме *рубашку с плеч отдать*. Данная модель обычно реализуется с позиции постороннего наблюдателя, тогда как вышеперечисленные модели реализуют свою этическую направленность с позиции либо адресата, либо адресанта. Иными словами, в русской национальной языковой картине мира конкретное действие «отдать рубашку с

плеч» символически выражает положительное отношение носителей языка к очень доброму человеку.

Одиннадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель рассмотрения добра как дружбы, которая выражена в русской идиоме *не в службу, а в дружбу*. Тот факт, что концепт «дружба» является фундаментальным понятием в русской национальной языковой картине мира, дает нам возможность говорить о данной когнитивной модели. Дружба вообще является одним из самых распространенных и общеупотребительных концептов для русского народа, воплощаясь в самых разных языковых единицах, особенно в поговорках: *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Верному другу цены нет*. Возможность рассмотрения добра как дружбы связана с семантикой идиомы *не в службу, а в дружбу*, которая употребляется, когда просят оказать услугу, исходя из добрых чувств по отношению к просителю. Здесь лишне не будет указать, что в основе лежит другая когнитивная модель этического концепта «добро», т.е. концептуальная метонимия «добрые отношения вместо добра», которая находится на базовом уровне категоризации и относится к другой более общей модели «часть вместо целого».

Особенности речевой реализации фразеологизма *не в службу, а в дружбу* покажем на примере: *«После трудового дня ломит спину, я сажусь на корточки перед Лоттой и прошу не в службу, а в дружбу помять мне плечи»* [Верясова Д.Е. Муляка // «Волга», 2012]. Здесь этот фразеологизм в синтаксическом плане указывает на образ действия, его мотивацию. В концептуальном плане он является фоном по отношению к основному действию «помять спину». Когнитивная модель, отображенная в фразеологизме *не в службу, а в дружбу*, выступает в качестве необходимой и важной части когнитивной ситуации «(агенса) по моей просьбе помнет мне плечи в знак добрых отношений ко мне».

Далее мы перейдем к рассмотрению когнитивных моделей концептуально-метонимического представления этического концепта «добро», отображенных в русских фразеологизмах.

Прежде всего это выражения с прилагательным *добрый*. *Добрый* в качестве признакового прилагательного изначально используется для описания нравственных характеристик внутреннего мира человека. При этом в прототипической когнитивной модели концепта «человек» содержатся положительные и отрицательные признаки, являющиеся аксиологически маркированными ментальными единицами, а также дескриптивные признаки (параметрические, гендерные, возрастные и пр.), которые находятся вне поля оценочности. Напомним, что *добрый*, как и *добро*, тоже является языковым воплощением нескольких концептов: этического концепта «добро», концепта «крепость», концепта «хорошесть», концепта «успех» и пр.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель атрибуции концепта «человек» посредством перифрастического описания по схеме «прилагательное + существительное», где прилагательным выступает *добрый*, а существительным — часть человека или его стандартная субституция (характеризующая номинация — типа *малый*, *гений* и пр.). Таким образом, в качестве субконцепта для концепта «человек» выступает представление «добрый человек», которое реализовано в позитивно-оценочных фразеологизмах: *доброе сердце*, *добрый гений*, *люди доброй воли*, *добрая душа*, *от доброго сердца*.

Рассмотрим особенности воплощения первой когнитивной модели, т.е. концептуальной метонимии «часть человека вместо человека», в русской речи. Так, например, в предложении «*Люда, я не хочу, чтобы ты была молода и красива, а одного хочу, чтобы у тебя было **доброе сердце** не только к кошкам и собакам*» [Гроссман В. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)] — фразеологизм *доброе сердце* обозначает «быть добрым человеком». Если с когнитивной точки зрения рассматривается модель ситуации «быть добрым человеком по отношению ко всем», которая отображена в вышеуказанном предложении, то

фразеологизм *доброе сердце* выступает в роли фигуры, которая в явном виде воплощается в целой ситуации, а Люда в данном случае служит в качестве фона. Таким образом, концептуальная метонимия «доброе сердце = добрый человек» по сути своей является необходимой частью когнитивной модели отношения «быть добрым человеком ко всем».

Здесь следует отметить, что фразеологизмы типа *доброе сердце* в русской речи могут выступать в роли агенса, пациенса и пр.: «Сия драгоценная вера может чудесным образом успокоить **доброе сердце**, возмущенное страшными феноменами на театре мира» [Карамзин Н.М. Филалет к Мелодору (1795)]. Здесь человек, обозначенный фразеологизмом *доброе сердце*, выступает как в роли пациенса, потому что данный фразеологизм в предложении представляется прямым дополнением, так и в роли экспериенцера, который испытывает чувство возмущения. В связи с этим этот человек в целой ситуации служит в качестве и фона, и фигуры.

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель атрибуции внешней среды (пространственных и временных характеристик) посредством привнесения в данную концептуальную схему этической характеристики. Т.е. в русской языковой картине мира не только человек, но и пространство и время могут быть добрыми — благополучными, удачными, успешными с позиции человека. Так, например, определенный временной период для человека может быть расценен как *добрый*, если в это время человек добился каких-либо достижений, успехов. Таким образом, в когнитивной модели ситуации успеха элементы, обозначающие время (*час*), эксплицитно репрезентируют положительный итог для этой ситуации с учетом интерактивных характеристик, воплощенных в прилагательных с корнем *добр(о)*. Это видим в фразеологизме типа *в добрый час*.

Третья когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель атрибуции понятия «основа / основание» абстрактного типа через призму привнесения в данную концептуальную схему этического признака. Другими словами, в русской ЯКМ основа (основание), как и пространство и вре-

мя, может быть добрым — надежным, успешным и хорошим с позиции человека. К данной модели примыкает близкая по смыслу модель «добро есть основа / основание всего», потому что добро в абсолютном большинстве случаев приносит не только другим, но и себе удовольствие, счастье и также хорошесть. Таким образом, в когнитивной модели ситуации победы компоненты, которые обозначают идею 'надежная основа', в явном виде выражают позитивные результаты для данной модели с учетом интерактивных признаков, которые запечатлены в русских прилагательных с корнем *добр(о)*. Это можем увидеть в русском фразеологизме *доброе начало*, которое служит в качестве залогов победы.

Приведем ряд примеров речевой реализации этих моделей. Так, например, в предложении: «*Главное, чтобы они несли **доброе начало**, а не разрушительное*» [Пермяков А. Разговоры с Андреем Пермяковым // «Волга», 2008] — понятие «правильная основа», выраженное в фразеологизме *доброе начало*, в концептуальном плане является пациенсом ситуации «они несут созидание, а не разрушение». В этом случае данное понятие по сути своей выступает в роли фигуры, а не фона. Однако в другом примере: «*Но именно из этого следует необходимость укреплять в себе **доброе начало**, доводя стремление творить добро до автоматизма*» [Алексеев А. Особенности национальной педагогики // «Спецназ России», 2003.05.15.] — это понятие служит в качестве фона, а не фигуры. Отметим также, что когнитивная ситуация, выраженная в последнем примере, на самом деле, является интегрированной и включает в себя, кроме метонимии «доброе начало = основа, основание», еще несколько когнитивных метафорических моделей типа «добро есть конкретный реальный предмет» (в контексте с глаголом *укреплять*).

Четвертая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель атрибуции концепта «божество» посредством перифрастического описания по схеме «прилагательное + существительное», где прилагательным выступает *добрый*, а существительным — подкатегория (типичный член) концепта «божество», т.е. *дух*. При этом можно сказать, что данная мо-

дель по сути своей базируется на вышеуказанной когнитивной модели, т.е. модели концептуально-метафорического представления добра как божества. Ведь к категории «божество» отнесены не только высшие сущности А, которые оказывают людям помощь в той или иной ситуации и даже приносят им пользу и удовольствие, но и высшие сущности Б, которые наносят людям материальный и психологический ущерб, физический и ментальный вред. В этой связи в рамках божества высшие сущности А именуется как добрые духи, а высшие сущности Б — злые духи. Интересующая нас здесь когнитивная модель воплощается в фразеологизме *добрый дух*, в котором также содержится еще и другая когнитивная модель — модель концептуально-метафорического представления доброго духа как конкретного носителя светлого, положительного начала, противостоящего злему духу, черту. Это опять дает нам основание сказать, что в сознании человека концептуальные метафоры и метонимии всегда взаимопроникаемы и дополняют друг друга.

В примерах речевой реализации фразеологизма: *«Добрый дух стучит палкой в дверь того дома, где люди умрут от чумы, столько раз, сколько человек умрет [Иванов А. Комьюнити (2012)]* — фразеологизм *добрый дух* является подлежащим в синтаксическом плане – с одной стороны, с другой – понятие «Бог», обозначенное этим фразеологизмом, выступает в роли агенса в когнитивной ситуации «Бог стучит в дверь палкой» в концептуальном плане. Кроме этого, понятие «Бог» служит фигурой, а другие понятия, выраженные в этом предложении, являются фоном. В целом концептуальная метонимия «добрый дух = Бог» представляет собой необходимое звено ситуации.

Далее опишем модели концептуальных метонимий, которые репрезентированы в русских фразеологизмах со значением 'добро', не включающих в свой состав слово *добро* или однокоренные слова.

Пятая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения целого (доброго человека) по его части (большого сердца), которая одновременно основана на первой когнитивной модели, т.е. модели

концептуально-метонимической атрибуции концепта «человек», и реализована в русском фразеологизме *большое сердце (у кого)*. Поэтому данная модель может рассматриваться как субмодель первой когнитивной модели. В русской ЯКМ тот факт, что голова ассоциируется с рациональностью, а сердце имеет теснейшую связь с эмоциональностью, дает нам возможность сказать о человеке, у кого есть большое сердце, как о благородном, великодушном и добром человеке. Тот, у кого имеется большое сердце, оказывается заботливым и добрым человеком, приносящий другим радость.

В примерах речевой реализации этого фразеологизма: *«И маленький человек оставил в себе большое сердце»* [Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской). Апокалипсис мелкого греха (1967)] — этот фразеологизм может выступать в роли, например, прямого дополнения в этом предложении с синтаксической точки зрения – с одной стороны, а с другой – понятие «добрый человек», обозначенное этим фразеологизмом, выступает в роли пациенса и является фигурой целой ситуации «маленький человек оказывается добрым человеком».

Отметим также, что в русском фразеологизме *большое сердце* выражается не только концептуальная метонимия «большое сердце = добрый человек», но и концептуальная метафора контейнера «добро находится в большом сердце». Так, в примере: *«Видимо, в момент смерти, когда его большое сердце разрывалось, ему было очень больно»* [Вертинская Л. Синяя птица любви (2004)] можем увидеть, что нравственное свойство «добро» в данном случае выступает в роли экспериенцера и является фигурой.

Шестая когнитивная модель — это обратная пятой концептуально-метонимическая модель обозначения прототипа (части) посредством целого. Мы уже хорошо знаем, что в когнитивной категории «совесть» прототипами (представительными, эталонными, типичными членами) являются этические концепты «добро» и «зло», поэтому категория «совесть» представляет собой метакатегорию для них и способна замещать их не только в познавательной системе человека, но и в языковом воплощении. В этом отношении данная

концептуальная метонимия выглядит как «совесть = добро» и реализуется именно в русских фразеологизмах с компонентом 'совесть' типа *пора (надо) и совесть знать, не за страх, а за совесть*.

В примерах речевой реализации фразеологизмов с компонентом *совесть*: «*Как человек, который полностью отдается делу своей жизни и служит ему не за страх, а за совет*» [Щукин М. «Белый фартук, белый бант...» // «Сибирские огни», 2013] — фразеологизм *не за страх, а за совесть* в концептуальном плане служит в качестве фона ситуации «человек служит делу за совесть».

В целом отметим, что в ходе описания когнитивных моделей концептуальной метафоризации и метонимизации этического концепта «добро» в русских фразеологизмах мы получаем возможность говорить о национальной специфике некоторых представлений о добре. Это прежде всего метафорические модели овеществленного представления добра как реального предмета (объекта, вещи, сущности, существа), в том числе специфицированного предмета с конкретными функциями, одушевленного представления добра как живого существа, пространственно ориентированного представления добра как правильного направления, пространственного представления добра как предела, конкретизированного представления добра как реальных действий «распростертое объятье» и «отдать последнюю рубашку», одушевленного представления добра как божества и представления добра как дружбу.

В метонимических моделях концепт «добро» представлен в виде качественного атрибута *добрый*, который распространяется на характеристику как внутреннего мира человека, так и внешней среды его обитания (пространства, времени и пр.), в виде надежной основы (основания), в виде большого сердца, которым заменяется добрый человек в целом и которое воплощает общую концептуальную метонимию «части вместо целого». Все это представляет собой необходимые составляющие этического концепта «добро» и символически обозначает его в сознании человека.

Таким образом, в фразеологизмах, воплощающих концепт «добро», отражаются определенные форматы знания о мире, модели языковой ментальности, способы видения абстрактных понятий через конкретно-чувственный опыт их переосмысления.

2.1.2. Модели концептуальных метафор концепта «добро» в русской паремиологии

Паремии, в которых содержится значение «добро», как и охарактеризованные выше фразеологизмы, можно разделить на две категории: (1) паремии с компонентом *добро* или однокоренными словами; (2) паремии с другим словом, которое имеют общее целостное значение ‘что-то доброе’.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель овеществления абстракции (реификации) этического концепта «добро», т.е. модель представления добра как реальной конкретной сущности (объекта, предмета, вещи, существа), которая реализована в русских паремиях с компонентом *добро* как существительным. В данном случае этический концепт «добро» рассматривается как реальный предмет, который существует в действительности и которым человек может оперировать посредством конкретных действий. В этой связи можно сказать, что когнитивная модель представления добра как реальной конкретной сущности отражает тот факт, что в концептуализации и категоризации мира люди подсознательно и даже бессознательно применяют знания о реальных вещах (предметах), полученные из эмпирического опыта, для описания и понимания абстрактного этического концепта «добро», чтобы легче представить себе суть этого понятия.

Итак, через призму данной когнитивной модели для выражения этического концепта «добро» используются «конкретные сущности», что можно увидеть в паремиях:

*Дано добро и нажить и прожить;
Бог не гуляет, а добро перемеряет;
Дей добро и жди добра;
Делай добро – делай до конца;
Добро желаешь – добро и делай;
Кто добро творит, тому Бог оплатит;
От добра добра не ищут;
Сердце вещун: чует добро и худо;
Чужое добро впрок нейдет / не идет;
И на добра коня спотычка живет (бывает);
Авось да как-нибудь до добра не доведут;
Авось да небось к добру не доведут;
Много спать – добра не видать;
Свое добро сею, вею, чужое – жну, пожинаю;
Сделав добро, не попрекай, а от добра и впредь не отставай;
Сделав другу добро, себе жди того же;
Кто, сделав добро, попрекает, тот цену ему умаляет;
Сделав добро, не кайся — и пр.*

Таким образом, посредством данной когнитивной модели, т.е. концептуальной метафоры «добро есть конкретные сущности», абстрактное понятие добра входит в русскую национальную языковую картину мира в виде конкретно-чувственного представления. При этом носители русского языка на основе первой когнитивной модели могут не только понимать понятие «добро», но и еще руководствоваться этим пониманием в своей повседневной жизни и даже в практическом поведении.

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель базового уровня, основанная на первой когнитивной модели, т.е. модель представления добра как реального предмета со специфическими функциями (атрибутами, характеристиками, признаками). В данном случае добро представляется как драгоценное вещество типа *клада* или *ресурс* потому, что сло-

во *добро* в древнерусском языке означило имущество (это значение сохранилось в современной разговорной речи в выражениях: *Бережь общественное добро; Такого добра нам и даром не надо* и пр.). Для понимания некоторых признаков добра люди иногда используют образ драгоценного вещества. У многих людей имеется сильное желание искать, копить и использовать драгоценное вещество. Но нет сомнения, что драгоценное вещество в нашей жизни не всегда приносит положительный результат: часто именно из-за него люди совершают такие преступления, как разбой, кража, убийство.

В традиционной русской культуре имеется устойчивое представление о том, что если имущества нажито достаточно и хватит на жизнь, то вообще ненужно и даже нельзя искать чужие драгоценные вещества лишь для своего удовлетворения. Это сразу видим в русских поговорках с компонентом *добро* как существительным, в которых отображаются присущие концепту «имущество, достаток» признаки, проецированные на концепт «добро» посредством концептуально-метафорической модели «добро есть много имущества, достаток»:

Добра ищи, а худо само придет;

Добра, что клада, ищут, а худо под рукой;

От добра добра не ищут;

Чужое добро впрок нейдет / не идет;

Авось да как-нибудь до добра не доведут;

Много спать – добра не видать;

Кто добро творит, тому Бог отплатит.

Некоторые из отмеченных выше поговорок, на первый взгляд, вообще не имеют никакой связи с этикой и поэтому не могут быть языковым материалом для анализа моделей концептуальной метафоризации этического концепта «добро». Однако мы уже говорили, что слово *добро* является языковым воплощением нескольких концептов, самыми яркими из которых являются этический концепт «добро» и материальный концепт «имущество». В данной модели добро понимается и конструируется именно через призму имуще-

ства, так что имеет место когнитивно-ассоциативная связь, которая соединяет значения «добро» и «имущество» посредством разных когнитивных стратегий, в том числе и концептуальных метафор.

Тот факт, что в поговорках содержатся прототипические (типичные, представительные, эталонные) стереотипы повседневной деятельности, посвященные описанию разных народных представлений и их объяснению, дает нам возможность создать модель концептуальной метафоризации этического концепта «добро», которая отображена в этих поговорках. Так, например, хотя слово *добро* в поговорке *Много спать — добра не видать* рассматривается как лингвистическая репрезентация концепта «имущество», но оно может, на самом деле, метафорически обозначать несколько абстрактных концептов типа *успех, счастье, польза, удовольствие, удовлетворение*. В связи с этим есть полное основание рассматривать поговорки типа *Много спать — добра не видать* как подходящий языковой материал для исследования когнитивных моделей этического концепта «добро».

Однако необходимо указать, что данная поговорка является периферийным языковым материалом для исследования второй концептуальной метафоры. Так, например, в предложении: *«Вставай, вставай, ребяташки...много спать — добра не видать!»* [Мельников-Печерский П.И. В лесах. Книга первая (1871-1874)] — эта поговорка связана с выражением идеи успеха, пользы, счастья и пр., что не имеет непосредственной связи с этикой.

Третья когнитивная модель — это субмодель первой когнитивной модели, т.е. концептуально-метафорическая модель представления добра как товара, выраженная и зафиксированная именно в русских поговорках со словом *добро*. Вторая когнитивная модель метафорического рассмотрения добра как драгоценного вещества уже в неявном виде указывает на тот общепринятый эмпирический факт, что в повседневной жизни имеется место торговля, т.е. обмен вещами, покупка и продажа товаров и пр. Такое понимание товара подсознательно проецируется на этический концепт «добро», поэтому вполне естественно рассмотреть добро как товар, который можно купить и продать.

Третья когнитивная модель, т.е. концептуальная метафора «добро есть товар», таким образом, может быть создана и выражена в русских пословицах:

Кто добро творит, тому Бог отплатит;

За добро платят злом;

За добро жди добра, за худо худа;

За добро не жди добра;

За добро добром и платят, а за худо – худом;

За добро плати добром.

Эта модель, воплощенная в пословицах, имеет активную реализацию в русской речи. Так, в предложении: «*Говорят: какой же расчет делать добро людям, когда **они за добро платят злом?***» [Толстой Л.Н. Путь жизни (1910)] пословица *за добро платят злом* является придаточным предложением условия в синтаксическом плане – с одной стороны, с другой – концептуальная метафора «добро есть товар», которая отображена в этой пословице, по сути своей представляет собой необходимое и важное звено целой ситуации «люди платят злом за добро», выраженного в этом предложении.

Напомним, что с учетом синтаксической специфики пословиц их совокупное содержание можно рассматривать как ситуацию. Так, например, пословица *за добро платят злом* отражает когнитивную ситуацию «платить злом за добро», важной частью которой является концептуальная метафора «добро есть товар». Таким образом, ситуация, отображенная в пословице, выступает в роли фона для других когнитивных моделей, которые тоже отображены в этой пословице, будучи при этом фигурой в концептуальном плане.

Четвертая когнитивная модель — это субмодель первой когнитивной модели, т.е. концептуально-метафорическая модель представления добра как денег, которая реализована в русских пословицах:

За добро добром и платят, а за худо – худом;

За добро плати добром.

Возможность метафорического рассмотрения добра как денег в основном заключается в глаголе *платить*, так как это слово, являясь языковым ре-

презентантом аспектов когнитивного фрейма «торговая деятельность», чаще всего в русском языке используется для описания процесса обмена товаров в общественной деятельности. Из нашего эмпирического опыта хорошо известно, что понятие «деньги» представляет собой настолько довольно простой концепт, что люди не нуждаются в его определении для его понимания, так что осмысление добра в терминах денег полностью соответствует механизму концептуальной метафоры. Поэтому, чтобы получить добро от других, мы для начала должны дать им свое добро.

Пятая когнитивная модель — это субдомель первой когнитивной модели, т.е. концептуально-метафорическая модель представления добра как подарка, которая в явном виде запечатлена в русских поговорках:

Хорошо тому добро дать, кто помнит;

Хорошо тому добро делать, кто помнит.

В этих поговорках этическому концепту «добро» приписаны когнитивные признаки концепта «подарок». Как было показано выше, любую поговорку можно рассматривать в качестве единицы постоянного контекста [Азимова 2015: 154-159; Телия 1996: 85], где отображена не только культурно значимые особенности ментальности того или иного народа, но и когнитивные модели метафоризации и / или метонимизации, постоянно воспроизводимые в речевой практике. Таким образом, в этих поговорках добро метафорически представляется как подарок, которого мы все желаем и одновременно хотим получить от других. Хотя понятие «подарок» представляет собой концепт обобщенного характера, оно по сути своей находится на базовом уровне категоризации, потому что в сознании человека мы можем не только дарить и получить подарки, но и воспринимать эти действия с помощью наших сенсомоторных органов. Здесь воплощена следующая когнитивная ситуация: тот, кто дарит подарки другим, должен это продолжать до конца жизни на основе того, что добро признается таковым по сути своей, а не относительно того или другого человека [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 353-354].

Шестая когнитивная модель — это также субмодель первой когнитивной модели, т.е. концептуально-метафорическая модель представления добра как продукта духовного творчества, которая тоже отображена именно в русских паремиях с компонентом *добро* как существительным. Данная когнитивная модель, основанная на первой когнитивной модели, находится на базовом уровне категоризации, так что рассмотрение добра как продукта духовного творчества непосредственно связано с нашим опытом творчества, полученным из художественной деятельности. Таким образом, в русской паремиологии существуют следующие паремии со словом *добро*, в которых отображаются когнитивно-семантические признаки, приписанные в норме концепту «продукт духовного творчества» и проецированные на этический концепт «добро» посредством нашей четвертой когнитивной модели, т.е. концептуальной метафоры «добро есть продукт духовного творчества»:

Кто добро творит, тому Бог оплатит;

Добро творить – себя веселить;

Добро сотворить – себя увеселить;

Плохо тому, кто добра не творит никому;

Дей добро и жди добра;

Добро желаешь, добро и делай;

Сделав добро, не кайся.

Эти паремии конструируют когнитивную модель ситуации по схеме «делать добро как некое изделие, продукт созидательной деятельности». Вообще в повседневной жизни если кто-то хочет получить добро в нравственном смысле от других людей, то ему в любом случае нужно первым совершить добрые поступки для других, и при этом не ожидать обратного добра от реципиентов (получателей добра), потому что добро, созданное творящим добро, обязательно будет измерено Богом, который, в свою очередь, оплатит творящему добро с целью принесения ему психологического удовлетворения. Кроме этого, в паремии *Дей добро и жди добра* понятно, что творящие добро (адресанты, отправитель добра) в конце концов получают адекватное

добро от тех людей, которые являются адресатами сотворенного ими добра. Таким образом, концептуально-метафорическое представление добра как продуктов духовного творчества уже глубоко укоренилось в русской национальной языковой картине мира.

Седьмая когнитивная модель — это субмодель первой когнитивной модели, находящаяся на базовом уровне категоризации, т.е. концептуально-метафорическая модель представления добра как конкретного предмета со специальным запахом, реализованная в русской паремии:

Сердце вещун: чует добро и худо.

Хотя эта паремия в целом посвящена описанию способности вещуна (предсказателя, прорицателя) отличать добро и худо (зло), но в ней, на самом деле, тоже в явном виде отображается наша пятая когнитивная модель, т.е. концептуальная метафора «добро есть предмет со специальным запахом».

Причина метафорического рассмотрения добра как предмета со специальным запахом в основном заключается в том, что в процессе эксплуатации внешнего и внутреннего миров в абсолютном большинстве случаев служит нормой, ориентиром и стандартом именно человек. Иначе говоря, человек познает окружающую вокруг него среду и самого себя в основном через призму сенсомоторных органов, самыми главными и необходимыми из которых являются обоняние, зрение, слух, вкус и осязание. В этой связи совсем неудивительно, что человек подсознательно и бессознательно использует знания, полученные из повседневной действительности посредством обоняния и зрения, для понимания и познания абстрактных концептов типа добра.

Таким образом, в русской паремиологии существуют следующая паремия с компонентом *добро* как существительным, в которой отображается присущие концепту «предмет со специальным запахом» признаки, проецированные на этический концепт «добро» посредством концептуально-метафорической модели «добро есть предмет со специальным запахом»: *Сердце вещун: чует добро и худо*. На фоне этой паремии образуется другая, антиномическая данной когнитивная модель, т.е. модель концептуально-

метафорического представления зла как реального предмета со специальным запахом: слово 'худо' в этой паремии служит языковым воплощением этического концепта «зло», который является прототипом в отрицательной части нравственно-ценностной шкалы.

Выше уже было сказано, что сенсомоторные органы действительно играют немаловажную роль в понимании и конструировании абстрактных концептов в сознании человека. Поэтому абстрактные концепты типа добра могут попасть в поле зрения, что эксплицитно выражено именно в русской паремии: *Много спать – добра не видать*.

Восьмая когнитивная модель — это субмодель первой когнитивной модели, т.е. модель представления этического концепта «добро» как простого понятия «вещи легче воздуха», которая реализована в русской паремии: *Добро кверху, а худо ко дну*. Этическому концепту «добро» в этом случае приписаны собственные и базовые признаки понятия «вещи легче воздуха», в связи с чем добро в сознании русского народа имеет способность подниматься кверху, которая, с большой вероятностью, представляется универсальной познавательной характеристикой во всем мире. И в китайской ЯКМ положительные нравственные атрибуты типа добра всегда поднимаются кверху, а негативные моральные сущности типа зла всегда тянет ко дну как тяжелый предмет. В этом отношении нельзя не отметить, что в этой паремии: *Добро кверху, а худо ко дну*, этический концепт «зло», противоположный добру, концептуально-метафорически представляется как тяжелый предмет, имеющий вес и тянущий ко дну.

Стоит отметить, что в этой паремии воплощена также концептуально-метафорическая модель представления нравственно-ценностной шкалы как конкретного вертикального предмета, в которой добро в качестве прототипа нравственно-ценностной шкалы всегда находится на высоте этого вертикального предмета. Здесь нелишне будет указать, что модель рассмотрения нравственно-ценностной шкалы как конкретного вертикального предмета, на самом деле, теснейшим образом связана с парой универсальных концепту-

альных метафор «больше есть вверх» и «хорошо есть вверх», которые были исследованы Дж. Лакоффом [Lakoff, Johnson 1980: 17-18].

В дополнение укажем на наличие взаимообусловленной связи между этическими концептами «добро» и «зло»: нет одного предмета без другого предмета, что выражается в русской поговорке *нет худа без добра*. Выше уже было многократно показано, что понятия «добро» и «зло», составляющие антонимическую пару «добро – зло», всегда находятся на противоположных полюсах оценочной шкалы, но при этом они чаще всего возникают вместе и обуславливают друг друга. Данная связь имеет определенную национально-культурную специфику в русской ЯКМ, например, в сравнении с ЯКМ китайской: в китайском языке есть фразеологизм *福祸相依 (Фу Хуо Сян И)*, который обозначает ‘близкие отношения между добром и злом’: они всегда подходят к людям вдвоем.

Девятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как удобрения, которая отражена в русской поговорке: *Не от добра дерево листья роняет*.

Выше уже было сказано, что корень *добр-* в слове *добро* также присутствует и в производном слове *удобрения*. Из нашего эмпирического опыта всем хорошо известно, что удобрения предоставляют растениям один или несколько дефицитных химических компонентов, необходимых для их нормального роста и развития. Это в некоторой степени соответствует и пониманию этического концепта «добро», который приносит другим помощь, поддержку, удовольствие и пр.

Десятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как ярма, которая в явном виде отображена в русской поговорке:

До добра, как до ярма, до зла, как до меду.

В данном случае добро рассматривается как предмет с негативной оценкой — ярмо, под которым понимается деревянный хомут для рабочего рогатого скота и который является первостепенным значением одноименного

слова *ярмо*. Представление добра как ярма совместно с рассмотрением его как горы свидетельствует об идее 'быть добрым всегда тяжело'. Отметим, что метафора «добро есть ярмо» по сути своей относится к категории образных метафор, потому что в этом случае только образ (имидж) ярма был процирован на концепт «добро» – с одной стороны, с другой – в этой пословице мы еще видим модель концептуальной метафоризации «зло есть мед», посредством которой этическому концепту «зло» приписаны когнитивные признаки концепта «мед», что свидетельствует о наличии в представлении о зле идеи 'довольно легко быть злым'.

Одиннадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель одушевления этического концепта «добро», т.е. модель представления добра как живого существа, которая реализована в русских паремиях со словами *добро* и *доброта*. В процессе взаимодействия человека с окружающим миром или с самим собой живые существа совместно с неодушевленными конкретными существами выступают в качестве источников народных представлений, которые выражаются в зафиксированных единицах языка. Проще говоря, концепты подобных существ в концептуальной системе человека являются базовыми конструктами и дают человеку основание осмыслить все абстрактные концепты, в том числе и этические концепты типа «добро». Метафорическое рассмотрение добра как одушевленной сущности глубоко укоренено в эмпирическом опыте человека:

Добру расти, худу по норам ползти;

Добро не лихо: бродит по миру тихо;

Добро не умрет, а зло пропадет;

Сей добро и жди добра;

Стоит добро, в добре добро;

Свое добро сею, вею, чужое – жну, пожинаю — и др.

Концептуальная метафора «добро есть живое существо» по сути своей является когнитивной моделью, находящейся на вышестоящем уровне категоризации, потому что на основе этой модели вполне возможно создание но-

вых моделей концептуальной метафоризации этического концепта «добро», находящихся на базовом уровне категоризации и тоже выраженных в русской паремиологии с компонентом *добро* как существительным. Это можно объяснить тем, что в этих новых когнитивных моделях, находящихся на базовом категориальном уровне, конкретные концепты, в терминах которых познается абстрактный этический концепт «добро», соответствуют, на самом деле, всем критериям определения концептов базового уровня категоризации: 1) целостность в чувственном опыте; 2) легкая выделяемость на психологическом уровне; 3) приоритетность; 4) типичная реакция на стимулы; 5) частая употребляемость в речевом общении; 6) ключевая значимость; 7) ведущая роль в организации знаний и опыта [Wang Yin 2005: 129-130]. Поэтому дальше исследование когнитивных моделей, т.е. концептуальных метафор этического концепта «добро», находящихся на базовом уровне категоризации, будет осуществляться именно по перечисленным выше критериям.

Двенадцатая когнитивная модель — это субмодель предыдущей когнитивной модели, т.е. концептуально-метафорическая модель представления добра как матери, которая зафиксирована именно в русской паремии с компонентом *добро* как существительным:

Добра, добра, да не мать родна;

Добра мать до своих детей, а земля — до всех людей.

Концептуальная метафора «добро есть мать» является имидж-метафорой (образной метафорой), потому что в этой паремии хорошо видно, что целостный образ-гештальт концепта «мать» был проецирован на этический концепт «добро». В сознании каждого человека есть имидж-концепт «мать», точнее, целостный образ (гештальт) этого концепта, в связи с чем этот концепт становится довольно легко выделяемым на психологическом уровне. Кроме этого, в качестве универсального концепта понятие «мать» вызывает у всех людей, независимых от своей национальности, одинаковую реакцию, например, любовь и уважение, поэтому оно довольно часто употребляется в речевом общении и играет важнейшую роль в организации

наших знаний и опыта. При этом вполне естественно использование в опыте представления о матери для понимания и осмысления абстрактных концептов типа добра и даже незнакомых людям концептов.

Итак, в русской национальной языковой картине мира данная когнитивная модель, т.е. концептуальная метафора «добро есть мать», посредством которой образ матери успешно применяется к описанию этического концепта «добро» в сознании человека, выражается и запечатлевается в русской паремии *Добра, добра, да не мать родна*. Также в этой паремии отображается когнитивная модель «не родная мать», которая совместно с другими когнитивными моделями концепта «мать» типа *родной матери, приемной матери, мачеха* составляет идеализированную когнитивную модель матери.

Тринадцатая когнитивная модель — это субмодель одиннадцатой когнитивной модели, т.е. концептуально-метафорическая модель представления добра как одушевленного существа типа человека, которая выражена в русской паремии с компонентом *добро* и *доброта* как существительным:

Доброго чти, а злого не жалеи;

Доброта без разума пуста;

Доброта спасет мир;

Все любят добро, да не всяк любит оно;

То и добро, что до нас дошло — и пр.

Часто обобщенное понятие одушевленного существа в языковой картине мира конкретизируется по образу человека. Тот эмпирический факт, что именно человек является естественным критерием, мерилем всех вещей, ориентиром (стандартом, нормой) для всего во всем мире, дает нам возможность проецировать знания о самом человеке на понимание абстрактных концептов типа добро. Так, например, в пословице *То и добро, что до нас дошло* именно слово *дойти*, означающее ‘достичь кого-, чего-л., подойти к кому-, чему-л. по порядку, по очереди’ [Кузнецов 1998: 268-269] и используемое обычно для обозначения движения человека к определенному пределу, позволяет нам сказать о добре как о человеке, т.е. применять знания о

последнем к пониманию и конструированию предыдущего через призму концептуальной метафоры «добро есть человек». Данная пословица в основном выражает идею бережливости и расточительности, т.е. слово *добро* в этой пословице означает имущество. Паремия *То и добро, что до нас дошло* может употребляться для описания добра в нравственном смысле, но относится в периферию этого концепта.

Здесь нельзя не отметить, что, хотя концептуально-метафорическая модель представления добра как человека, по существу дела, находится на базовом уровне категоризации в рамках представления добра как одушевленного существа, из концепта «человек» можно выделить разные субконцепты по разным классификационным критериям (возраст, гендер, профессия, нравственные признаки и пр.), которые находятся на нижестоящем уровне категоризации и принадлежат к этому концепту. Другими словами, в рамках представления добра как человека есть полное основание выделить и другие когнитивные модели этического концепта «добро», выраженные и закреплённые в русских паремиях.

Четырнадцатая когнитивная модель — это субмодель тринадцатой когнитивной модели, т.е. концептуально-метафорическая модель представления добра как человека с высокими нравственными качествами.

Добро поощряй, а зло порицай;

Доброго чти, а злого не жалеи;

С добрым жить хорошо.

В сознании русского народа человек с высокой нравственностью всегда думают не о себе, а о других – с одной стороны, а с другой – он всегда приносит другим удовольствие, либо физическое, либо психологическое. В связи с этим нужно его не только поощрять, но и чтить. Именно эти слова *поощрять* и *чтить*, являясь языковыми репрезентантами когнитивных действий ‘отнесись к к.-л. с одобрением и поддержкой’ и ‘чувствовать и проявлять уважение к к.-л.’, дают нам возможность говорить о добре как о человеке с высоким нравственным качеством.

В дополнение отметим, что в этих пословицах также отражена когнитивная модель этического концепта «зло», противоположного добру на нравственно-ценностной шкале, т.е. имеется концептуальная метафора «зло есть безнравственный человек», в которой исходный домен «безнравственный человек» — тот, кто только о себе думает и всегда другим наносит ущерб, вред, либо физический, либо ментальный, а себе — дискомфорт. Мы видим, что не только этические концепты «добро» и «зло», но и их исходные домены находятся в антонимических отношениях как в языковом плане, так и в познавательном плане.

Пятнадцатая когнитивная модель — это субмодель тринадцатой когнитивной модели, т.е. концептуально-метафорическая модель представления добра как разумного человека, которая эксплицитно реализована именно в русской паремии: *Доброта без разума пуста*.

Данная метафора по классификационным критериям Дж. Лакоффа [Lakoff, Johnson 1980: 48] относится к категории имидж-схематических (образных) метафор, потому что в этой паремии мы не видим никаких структурных отношений, проецированных из исходного домена «разумный человек» на целевой домен «добро» — с одной стороны, с другой — только имидж (образ) «непустой человек с разумом» приписывается этическому концепту «добро» через призму данной когнитивной модели. Вполне понятно, что в сознании русского народа идея «слепое добро», отображенная в русском фразеологизме *слепая доброта*, и идея «доброта без разума», выраженная в русской паремии *Доброта без разума пуста*, в абсолютном большинстве случаев могут принести другим только неприятность и даже вред, либо физический, либо психологический. Поэтому можно с уверенностью полагать, что понятие «доброта без разума» по сути своей является вариантом этического концепта «зло», что дает нам основание создать когнитивную модель этого концепта, т.е. концептуальную метафору «зло есть неразумный человек», отображенную в русской паремии *Доброта без разума пуста* и являющуюся образной метафорой.

Шестнадцатая когнитивная модель — это тоже субмодель одиннадцатой когнитивной модели, т.е. концептуально-метафорическая модель представления добра как растения, которая реализована в русских поговорках со словом *добро*. Вообще говоря, концептуально-метафорическое рассмотрение добра как дерева, выступающего в качестве прототипа (наилучшего образца, эталонного и представительного члена) растения, которое находится на вышестоящем уровне категоризации, уже глубоко укоренилось в ментальном сознании русского народа, потому что модель концептуальной метафоры «добро и зло есть яблоко» в явном виде отображена в русском фразеологизме *дерево познания добра и зла*, который по происхождению из Библии. Поэтому совсем неудивительно, что в русском сознании вполне возможно воплощение когнитивной модели концептуально-метафорического представления добра как растения, выраженной и запечатленной в русской поговорочности со словом *добро*:

Добру расти, худу по норам ползти;

Сей добро, и жди добра;

Делай добро и жди добра;

Свое добро сею, вею, чужое – жну, пожинаю.

Семнадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как хорошей репутации, которая отображена именно в русских поговорках:

Добрым быть – добрым и слыть;

Не хвались серебром, а хвались добром.

Хотя понятие «хорошая репутация» представляет собой концепт абстрактного типа, необходимо указать, что рассмотрение добра как хорошей репутации по сути своей соответствует механизму метафоры, потому что, согласно теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980], осмысление одного концепта осуществляется в терминах другого концепта [Kovecses 2010: 7]. Кроме этого, возможность представления добра как хорошей репутации кроется не только в слове *слыть*, которое является языковым репре-

зентантом когнитивного действия «быть известным в качестве к.-, ч.-л.», но и в самом определении этого концепта, потому что добро рассматривается как крайний положительный полюс на ценностной шкале «хорошо — плохо», отражающей моральный тип ценностей.

Восемнадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как мозоли, которая закреплена в русской паремии: *Жалость – со слезами, а доброта – с мозолями.*

Как было показано выше, любое паремиологическое значение можно рассматривать как идеализированную когнитивную модель, ситуацию. В паремии *Жалость – со слезами, а доброта – с мозолями* мы видим следующую ситуацию: если человек жалеет о ч.-, к.-л., то он просто показывает свое сочувствие при помощи слез и слов, а доброту — с помощью труда и дела. Таким образом, понятие «мозоль» является символом труда и дела, которые, в свою очередь, служат возможной причиной становления мозолей в бытовой жизни. Другими словами, слово *мозоль* дает нам возможность говорить о понятии «мозоль» как об исходном домене концептуальной метафоры «добро есть мозоль», отображенной в этой пословице.

Девятнадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель пространственного представления этического концепта «добро» как горы, которая эксплицитно выражена в русской паремии: *Следовать добру – взбираться на гору, следовать злу – скользить в пропасть.*

Посредством данной когнитивной модели, которая уже была показана выше при сопоставлении русской и китайской ЯКМ, повседневный опыт, получаемый людьми при подъеме на гору, используется для осмысления трудностей на пути следования добру. Напомним, что подобную модель можно видеть и в китайской идиоме 从善如登, 从恶如崩 (цун шань жу дэн, цун э жу бэн), переводимой как ‘выбрать добро и быть добрым — это подниматься на гору с трудом, а выбрать зло и быть злым — это спускаться с горы с лег-

костью», которая обозначает «гораздо легче быть злым, чем быть добрым». Это можно объяснить тем, что в мире для людей горы представляют собой настолько обычные предметы, что заданы как прототипы, логически не определяемы. Но при этом опыт, полученный при подъеме на гору, подсознательно и также бессознательно проецируется на понимание и конструирование других абстрактных концептов типа добра.

Далее охарактеризуем концептуальные метафоры, которые запечатлены в русских пословицах с семантикой «добро», не включающих слово *добро* и однокоренные слова.

Двадцатая когнитивная модель — это модель концептуально-метафорического рассмотрения добра как долга, которая выражена в русских пословицах:

Долг платежом красен;

Делай, что должен – и будь, что будет.

Значение пословицы *Долг платежом красен* позволяет говорить о связи добра и долга: «какой бы долг не был, его нужно и придется платить, на добро или зло отвечают тем же» [Жуков 1991: 106]. Рассмотрение добра как долга вообще глубоко укоренено в языковом сознании русского народа. Поэтому посредством данной когнитивной модели структурные отношения концепта «долг» естественно проецируются на описание концепта «добро»: *Платить добром за зло; На добро или зло отвечают тем же* и пр. Таким образом, данная концептуальная метафора «добро есть долг», по природе, является структурной метафорой по критериям Дж. Лакоффа [Lakoff, Johnson 1980: 48]. Данная когнитивная модель относится к приядерной зоне в рамках концепта «добро», так как пословица *долг платежом красен*, выступающая в качестве языкового воплощения концепта «долг», в большинстве случаев используется для выражения именно этого концепта.

Двадцать первая когнитивная модель — концептуально-метафорическая модель представления добра как света, которая в неявном виде отражена в русской пословице: *Светлый человек не делает темных дел.*

В этой пословице реализована метонимия «добрый человек вместо добра», о которой речь пойдет позже. Из нашего эмпирического опыта мы хорошо знаем, что в качестве лучистой энергии свет может не только восприниматься глазом человека, но и делать окружающий мир доступным зрению, видимым. Поэтому за словом *свет* стоят несколько концептов типа *истины, счастья, свободы, любимого и дорогого существа*, которые приносят людям подобные физические и психологические ощущения, как и концепт «свет». Это в какой-то степени дает нам возможность рассмотреть добро как свет, потому что добро людям тоже приносит такие же ощущения. Суть представления добра как света еще кроется в фразеологизме *темное дело*. Это можно объяснить тем, что добро и зло, как уже многократно говорилось ранее, находятся в антонимических отношениях – с одной стороны, с другой – в этом фразеологизме указывается конкретное воплощение зла в реальности (в данном случае — это *махинация*). Таким образом, в паремии *Светлый человек не делает темных дел* мы видим концептуальную метафору «добро есть свет» и еще одну метафору «светлый человек есть добрый человек», которая полностью основывается на предыдущей.

На следующем этапе, согласно принятой концепции исследования, перейдем к рассмотрению моделей концептуальной метонимизации концепта «добро» в русских паремиях.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «доброе дело», которая в явном виде отображена в русских паремиях:

Доброе дело без награды не остается;

Доброе дело два века живет;

Доброе дело скрытности не любит;

Добрые дела и после смерти живут;

Добрым делом не кори;

Жизнь дана на добрые дела;

Торопись на доброе дело, а худое само приспееет — и др.

В качестве сложной и многоаспектной ментальной конструкции понятие «добро» этического характера включает в себя достаточно много языковых и когнитивных свойств: *добрые поступки, адресат (получатель добра), адресант (отправитель добра / творитель добра), доброе дело* и пр. Согласно механизму концептуальной метонимии, составляющие концепта «добро» имеют способность замещать целый концепт в мышлении, что отражается и в речи. В соответствии с этим в вышеуказанных поговорках мы видим концептуальную метонимию «доброе дело вместо добра», которая лежит в основе другой когнитивной модели, запечатленной в этих единицах языка, — это концептуальная метафора «добро есть одушевленное существо», поскольку в словах *жить, любить* и *смерть* выражаются когнитивные признаки, которыми обладает только одушевленное существо. Это отражается в поговорках: *Добрые дела и после смерти живут; Доброе дело два века живет*. Также предикат *любить* является языковым репрезентантом атрибута человека. Таким образом, на основе модели представления добра как одушевленного существа порождается другая когнитивная модель — концептуальная метафора «добро есть человек», находящейся на базовом уровне категоризации и отраженной в русской поговорке: *Доброе дело скрытности не любит*.

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрый человек», которая эксплицитно выражается в русских поговорках с прилагательным *добрый*:

Доброго чти, а злого не жалей;

Добродетель доброму не вредит;

Доброму Бог помогает;

Доброму и сухарь не здоровье, а злomu и мясное не впрок;

Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу;

Добрый человек в добре проживет век;

Добрый человек плачет от радости, а злой – от зависти;

Добрый скорее дело сделает, чем сердитый;

Мир не без добрых людей;
На добрый привет – добрый и ответ;
Из рук у доброго возьмешь ты горький плод, как сладость;
Рожь да пшеница годом родится, а добрый человек всегда пригодится;
Добрый человек лучше каменного моста;
Добрый и честный человек – сила нашего сердца;
Свет не без добрых людей;
С добрым жить хорошо — и пр.

В коллективном языковом сознании носителей русского языка прилагательное *добрый* в субстантивном употреблении способно замещать человека и означать 'тот, кто творит добро и несет его другим'. Это позволяет представить этический концепт «добро» через призму доброго человека (творителя добра и/или отправителя добра) в концептуальной системе русского народа. Поскольку в сознании говорящих по-русски концепт «добро» может метафорически представляться как человек, модели концептуальной метафоризации и модели концептуальной метонимизации понятия «добро» могут проникать друг в друга, что и отражено в выше отмеченных русских поговорках. Таким образом, в основе данной когнитивной модели, т.е. концептуальной метонимии «добрый человек вместо добра», лежит концептуальная метафора «добро есть человек». Укажем также, что понятие «добрый человек», являясь концептом нижестоящего уровня, принадлежит к понятию «человек» как его видовой аспект.

Третья когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрые слова», которая в явном виде отображена в русских поговорках:

Добрые слова дороже богатств;
От лихого не услышишь доброго слова;
Доброе слово сказать – посошок в руке дать.

В абсолютном большинстве случаев абстрактные концепты типа добра всегда репрезентируются в их конкретных составляющих (в нашем случае —

это *добрые слова*), что является основанием создания данной когнитивной модели, т.е. концептуальной метонимии «добрые слова вместо добра», суть которой заключается в том, что исходная часть этой метонимизации, т.е. добрые слова, имеет довольно много импликаций: *улучшение настроения других, оказание поддержки другим в сложный момент, создание воли к победе, желание двигаться вперед* и пр., которые, в свою очередь, приносят адресатам (получателям добра) удовольствие, либо физическое, либо ментальное. Сказанное выше полностью соответствует пониманию добра, возникающему в коллективном языковом сознании носителей русского языка в рамках ключевых идей русской ЯКМ ‘нюансы человеческих отношений’ [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 11].

Также отметим, что в паремии *Добрые слова дороже богатств* закреплена и другая когнитивная модель этического концепта «добро», а именно — концептуальная метафора «добро есть предмет с большой ценностью». В этой метафоре возможность представления добра как предмета с большой ценностью заключается в сравнении, которое выражено в этой паремии (здесь напомним, что в научной парадигме когнитивной лингвистики сравнение само по себе служит в качестве особой формы выражения концептуальной метафоры в языке).

Четвертая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрые чувства», которая реализована в русской паремии: *Добрые чувства – соседи любви*.

Несмотря на тот факт, что данная пословица в основном посвящена выражению идеи ‘любовь’, необходимо указать на ее теснейшую связь с идеей ‘добро’, потому что любовь представляет собой основу добрых чувств человека. Это не вызывает никакого сомнения с учетом близких отношений идей ‘любовь’ и ‘добро’ в рамках этической философии. Таким образом, в этой паремии вы можем выделить модель концептуальной метонимизации «добрые чувства вместо добра». Кроме этого, слово *сосед*, являясь языковым

репрезентантом идеи ‘человек, живущий вблизи, рядом с к.-л. или занимающий ближайшее к к.-л. место и сидящий рядом’, дает нам основание говорить и о другой когнитивной модели этического концепта «добро», т.е. концептуальной метафоре «добро есть сосед». Исходный домен этой метафоры, т.е. понятие «сосед», полностью относится к понятию «человек» как особая ролевая разновидность последнего, поэтому является концептом нижестоящего уровня с точки зрения теории базисных уровневых категорий (the theory of basic-level categories) [Ungerer, Schmid 2001: 60]. Здесь отметим, что в ряде случаев разграничение концептуальной метафоры и метонимии представляет некоторые трудности, потому что, как уже было сказано выше, в концептуальной системе человека концептуальные метафоры и метонимии того или иного концепта могут проникать друг в друга.

Пятая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрый характер», которая в явном виде отражена в русской поговорке: *Волосы имеем – косы плетем; добрый характер – слезы льем.*

Как уже говорилось ранее, этический концепт «добро», являясь довольно сложной, комплексной ментальной репрезентацией, включает в себя достаточно много компонентов, в числе которых выступают связанные с человеком добрые признаки. Напомним также, что человек служит в качестве прототипа в рамках этого концепта как творитель добра, отправитель добра и получатель добра. Другими словами, в основе метонимического обозначения добра через призму доброго характера лежит и другая когнитивная модель, т.е. концептуальная метафора «добро есть человек». Таким образом, в сознании русского народа понятие «добрый характер» имеет способность замещать самый концепт «добро».

Здесь стоит отметить, что проанализированные выше модели концептуальной метонимизации этического концепта «добро», по природе, могут быть отнесены к концептуальной метонимии «части вместо целого», в связи

с чем они находятся на базовом уровне категоризации в иерархии концептуальных метонимий. То же видим и для шестой когнитивной модели.

Шестая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения компонентов этического концепта «добро» через призму самого концепта, которая отображена в русской поговорке: *Захочешь добра — посыпь серебра*.

Слово *добро*, на первый взгляд, является языковым репрезентантом концепта «имущество», поэтому оно не имеет непосредственной связи с этикой. Однако необходимо здесь отметить, что в этой поговорке можем увидеть ситуацию, когда добрые дела и также добрые отношения покупаются деньгами (в данном случае — это *серебром*). Таким образом, слово *добро* является и языковой объективацией одноименного концепта «добро», который замещает его составляющие типа *добрых дел* и *добрых отношений* не только в этой поговорке, но и вообще — в языковом сознании носителей русского языка. Напомним еще, что в этой поговорке снова мы видим связь между концептами «имущество» и «добро».

В целом в результате анализа когнитивных моделей этического концепта «добро» мы можем выявить некоторые национально обусловленные особенности представлений о добре, отраженных в русской паремиологии. Это прежде всего метафорические модели овеществленного представления добра как реального конкретного вещества (вещи, предмета, объекта), в том числе и специфицированного предмета со своими функциями (признаками, характеристиками), т.е. как имущества, товаров, денег, продуктов духовного творчества, подарка, мозоли, горы и предмета со специальным запахом, одушевленного представления добра как живого существа, т.е. как матери, разного рода людей и растения, и представления добра как долга. В метонимических моделях этический концепт «добро» может не только обозначаться через призму его составляющих: *доброе дело, добрые слова, добрые чувства, добрый характер* и пр., но и замещать эти составляющие.

Таким образом, в русских поговорках (поговорах и поговорах), в которых воплощена категоризация и/или концептуализация разного рода концептов, в том числе, и этических, отражаются не только приметы национальной духовной и материальной культуры, реалии среды обитания этноса [Маслова 2001: 7], но и прежде всего — определенные форматы знания о мире, модели языковой ментальности, способы видения абстрактных понятий через конкретно-чувственный опыт их переосмысления.

2.2. Когнитивное моделирование этического концепта «зло» в русской языковой картине мира

2.2.1. Модели концептуальных метафор концепта «зло» в русской фразеологии

Как было показано в I главе нашего исследования, добро и зло — это некие инварианты, возникающие в коллективном языковом сознании носителей языка в рамках ключевой идеи русской языковой картины мира ‘нюансы человеческих отношений’; это субъективные нравственные представления, имеющие своим источником совесть; это крайние положительный и отрицательный полюса на ценностной шкале «хорошо — плохо», отражающие моральный тип ценностей: добро приносит другому благо, либо материальное, либо психологическое, а себе — духовное удовлетворение, и зло приносит другому вред, ущерб, либо материальный, либо психологический, а себе — духовный дискомфорт. Таким образом, в русской национальной языковой картине мира концепты «добро» и «зло» находятся в антонимических отношениях не только в познавательном плане — в концептуальной системе, но и в языковом плане (слова *добро* и *зло* в русском языке являются антонимами).

Следует отметить, что языковое воплощение этического концепта «зло» представлено не только в слове *зло*, но и в его синонимах *лихо* и *худо*, в связи с чем вполне возможно включение в рассмотрение и фразеологизмов с этими словами. Кроме того, как это было отмечено выше, при анализе концепта «зло», в языковой материал для анализа следует включить и фразеологизмы, не имеющие в своем составе указанных слов, но в своем совокупном фразеологическом значении выражающие семантику зла.

Сначала рассмотрим фразеологизмы с компонентами *зло*, *лихо* и *худо*, входящие в концептуально-метафорические модели представления о зле.

Первая когнитивная модель — это модель концептуально-метафорического овеществления абстракции (реификации) этического концепта «зло», т.е. модель представления зла как реальной конкретной сущности (предмета, объекта, вещи, существа), которая в явном и неявном виде отображена в русской фразеологии с компонентом *зло*. Данная когнитивная модель относится к категории концептуальных метафор, называемых онтологическими метафорами (ontological metaphors) [Lakoff, Johnson 2003: 26].

Концепт «зло» представляет собой пример абстрактной сущности умопостигаемой природы, т.е. не воспринимаемой конкретно-чувственно, посредством сенсомоторных органов. Концепты такого типа не формируются на основе непосредственного эмпирического опыта телесного взаимодействия человека с окружающей средой в динамическом процессе познания внешнего мира. Поэтому, чтобы войти в сферу воспринимаемых явлений на уровне «наивной модели мира», лежащей в основе национальной языковой картины мира, сущности абстрактного типа подлежат обязательному овеществлению. Это как раз соответствует когнитивным механизмам онтологической метафоризации, согласно которым когнитивная модель представления зла как реальной конкретной сущности (объекта, предмета, вещи) отражает бессознательное когнитивное проецирование эмпирического знания о реальных вещах и объектах, полученного из повседневной жизни, на конструиро-

вание когнитивных характеристик и атрибутов абстрактного этического концепта «зло».

На основе эмпирического опыта конкретные действия разного рода могут быть выполнены с реальными предметами (объектами, вещами, сущностями), т.е. в синтаксическом плане глаголы, обозначающие конкретные действия, или прилагательные, означающие конкретные признаки, должны в норме сочетаться с существительными, обозначающими чувственно воспринимаемые предметы (*зло давит*). Аналогично и в моделях генитивной метафоры в роли основания для метафоризации выступают в норме конкретные существительные (*корень зла*).

Первая когнитивная модель, т.е. модель концептуальной метафоризации этического концепта «зло», в фразеологии связана с представлением о зле как о реальной сущности, конкретной вещи и объекте. Это прежде всего отражено в фразеологизмах *держат зло на к.-л.*, *держат зло про себя*, *причинить зло к.-л.*, *дерево познания добра и зла, не на лихо, зло давит (задавило)* и пр., через которые концепт «зло» входит в русскую языковую картину мира как конкретно-чувственное представление в эмпирическом опыте человека.

Кроме этого, данная когнитивная модель может быть связана с таким фундаментальным механизмом концептуальной метафоризации, как образ-схема (*image-schema metaphor*) [Kovecses 2010: 42]. Согласно З. Ковешезу, такой тип метафоризации включает в себя проекцию движения (*motion*), состоящую из инициальной точки, направления, конечной точки, этапов движения и пр. Так, например, в идиомах *держат зло на к.-л.*, *держат зло про себя* и *причинить зло к.-л.* действие направлено от начальной точки, которой соответствуют субъекты, соответственно, испытывающие злые чувства или активно творящие злые поступки к конечной точке — реципиентам (получателям) зла, в результате чего негативные последствия либо обращены на самый субъект, как в первых двух идиомах, либо направлены на других, как в последней идиоме. При этом носители языка, оперирующие данными фра-

зеологизмами, не только осознают когнитивные признаки концепта «зло», но и руководствуются этим пониманием в своей повседневной жизни и в практическом поведении.

Рассмотрим речевую реализацию этой модели, например, в предложении: «*Хороший букет не включает в себе никакой фальши и очень редко может **причинить** зло*» [Померанц Г.С. Записки гадкого утенка (1988)]. Здесь фразеологизм *причинить зло к.-л.* в синтаксическом плане является сказуемым, а в концептуальном плане представляет собой фигуру ситуации «Букет не может причинить зло». При этом адресаты в явном виде не указываются и выступают фоновым знанием. Здесь полностью воплощается выше упомянутая проекция движения мысли: этический концепт «зло» как фигура в мысленном воплощении двигается от субъекта, т.е. хорошего букета, к имплицитным реципиентам зла как конечной точки.

Укажем особенности реализации этой модели еще на другом примере: «*Зло **давит** его мрачною, непроглядною тучею, кругом бури, отвесные скалы, мрак и только где-то*» [Вересаев В.В. Да здравствует весь мир! (о Льве Толстом) (1909-1910)]. Здесь данная идиома в синтаксическом плане является грамматической основой, а в концептуальном плане этический концепт «зло», выраженный в слове зло, выступает в роли не только агенса, того, кто осуществляет давление, но и фигуры ситуации «зло осуществляет давление мрачной и непроглядной тучей».

Вторая когнитивная модель — это субмодель первой когнитивной модели, т.е. модель представления зла как реального объекта со специфическими функциями (характеристиками, признаками и атрибутами). От первой когнитивной модели, т.е. концептуальной метафоры «зло есть реальная конкретная сущность», запечатленной в фразеологизмах типа *причинить зло к.-л.* и выражающей обобщенное представление о зле как о злом поступке, вторая когнитивная модель отличается конкретизацией денотата, обозначенного языковой единицей *зло*. Так, например, в идиоме *держат зло на к.-л.* мета-

форически выражается идея телесного представления реального действия схватывания, 'удержания' конкретного предмета руками.

Рассмотрим особенности воплощения этой когнитивной модели в русской речи. Так, например, в предложении: «С великим князем жили они душа в душу, вместе устраивали пирушки, часто кончавшиеся дракой, легко мирись, никогда **не держали зла друг на друга**» [Соболева И. Великие князья Дома Романовых, 2010], — фразеологизм *держать зло на к.-л.* в синтаксическом плане является сказуемым, а в концептуальном плане выступает в качестве фигуры ситуации «они с князем не держали зла друг на друга», другие элементы которого составляют фоновые знания. В этом когнитивной ситуации субъект *они с князем* выступают в качестве не только агенса (отправителя зла), но и пациенса (получателя зла). Кроме этого, предлог *на*, указывая здесь на направление человеческих отношений, дает нам возможность создать модель концептуальной метонимизации «зло вместо злых отношений». Таким образом, вторая когнитивная модель, т.е. концептуальная метафора «зло есть реальное действие схватывания, 'удержания' конкретного предмета руками», служит необходимой частью когнитивной ситуации «они с князем не держали зла друг на друга».

Третья когнитивная модель — это субмодель первой когнитивной модели, т.е. модель концептуально-метафорического представления зла как предмета с признаком 'тяжесть', которая выражена именно в русской идиоме *волочить зло (на к.-л.)*. Данная когнитивная субмодель, находящаяся на базовом уровне категоризации, по сути своей представляет собой прототип первой когнитивной модели, потому что в данной модели зло рассматривается как предмет со специальной характеристикой, энциклопедические знания о котором показывают, что перемещение предметов или объектов подобного типа в реальности требует большой силы от человека. Слово *волочить* имеет значение 'тащить, тянуть по земле' [Толковый словарь Ожегова. Дата обращения: 08.08.2020], что дает возможность порождения модели концептуальной метафоризации «зло есть тяжелый предмет». Тем самым зло интерпрети-

руется как тяжелый и трудный процесс (поэтому оно приносит вред не только получателям (адресатам) зла, но и отправителям зла (адресантам)).

Четвертая когнитивная модель — это субмодель первой когнитивной модели, т.е. модель концептуально-метафорического представления зла как предмета с имплицитной отрицательной оценкой, приносящего людям в основном нематериальный ущерб (типа повреждения репутации). Модель реализована в русских идиомах *выкласть зло (на кого-л.)*, *изнести зло (на кого-л.)*. Метафора «предмет с отрицательной оценкой» является концептом нижестоящего категориального уровня по отношению к концепту «реальный конкретный предмет (объект, вещь, вещество, сущность)». Идиома *выкласть зло (на кого-л.)* имеет следующую семантику: *'выругать кого-л. напрасно или выместить зло на ком-л.'* [Мокиенко, Никитина 2007: 268], что также позволяет рассмотреть зло как предмет с отрицательной оценкой.

Пятая когнитивная модель — это субмодель первой когнитивной модели, а именно — модель концептуально-метафорического представления зла как плода, результата роста растения (дерева), которая эксплицитно отображена именно в русской идиоме с компонентом *зло*: *дерево познания добра и зла*, построенной по модели генитивной метафоры. Основанием метафоризации выступает конкретное существительное (*дерево* — в нашем случае), а субъектом метафоризации — абстрактное существительное (*познание*). Этот фразеологизм является библейским, т.е. в свернутой форме эксплуатирует культурный фон всех говорящих по-русски, а именно — их знания религиозно-христианского сюжета о грехопадении Адама и Евы, которая, по наущению искушителя-змея, вкусила яблоко от древа познания добра и зла. В этом фразеологическом выражении зло представлено в виде конкретного объекта — плода фруктового дерева (типа яблони). Итак, в концептуальной метафоре «добро и зло есть яблоко» понятие «зло» осмысливается как испорченное яблоко, приносящим людям вред.

Рассмотрим особенности воплощения пятой когнитивной модели, т.е. концептуальной метафоры «зло есть плод (испорченное яблоко)», в русской

речи. Так, например, в предложении: «Он знал, что евреи в толкованиях понимают **дерево познания добра и зла** как пшеницу» [Иличевский А. Перс (2009)], — идиома в синтаксическом плане является прямым дополнением, а в концептуальном плане выступает как фигура ситуации «они понимают дерево познания добра и зла как пшеницу», в котором эти понятия выступают еще в роли пациенса. Однако отметим, что данная идиома способна выступать в роли не только пациенса, но и агенса: «Бог дал человеку свободу есть «от всякого дерева в саду», но сказал, что **дерево познания добра и зла** ведет к смерти» [Вышеславцев Б.П. Миф о грехопадении // «Путь», 1932], где идиома *дерево познания добра и зла* служит агенсом и одновременно является фигурой в когнитивной ситуации «дерево ведет людей к смерти».

Шестая когнитивная модель — это тоже субмодель первой когнитивной модели, т.е. модель концептуально-метафорического представления зла как овеществленного живого существа обобщенного неопределенного типа, которая отображена в русских идиомах типа *нагонять зло*, *гнать злобу*. В когнитивной модели ситуации «гнать зло», отображенной именно в этих идиомах, отправитель зла (адресант) гонит зло в сторону получателя зла (адресата), в связи с чем последнему наносится вред, как психологический, так и физический.

Седьмая когнитивная модель — это модель концептуально-метафорического одушевления зла, т.е. модель представления зла как живого существа, чаще всего — зверя, которая реализована также в вышеупомянутых идиомах *нагонять зло* и *гнать злобу*. Концептуальная метафора «зло есть зверь» связана с эмпирическим опытом русского народа, потому что в древности когнитивная ситуация «гнать зверя» часто происходило в повседневной жизни с целью обеспечения безопасности людей. Таким образом, концепту «зверь» приписаны импликации ‘приносить людям вред’.

Восьмая когнитивная модель — это модель концептуально-метафорического представления зла как контейнера (вместилища), которая в явном виде выражена в русской фразеологии с компонентом *зло*. Как уже го-

ворилось выше, в языковом сознании русского народа познание абстрактных концептов типа зла осуществляется часто в терминах контейнера, потому что вместители какого-либо содержимого представляют собой наглядные, чувственно воспринимаемые сущности, это настолько обычное явление в повседневной жизни, что не нуждается в специальном определении и логическом осмыслении. Форматы знания об устройстве «контейнера», полученные из взаимодействия человека с этим типом предметов, подсознательно и даже бессознательно используются для познания абстрактных концептов. Контейнеры по сути своей являются трехмерной структурой с внутренним пространством, т.е. можно входить в них и выходить из них, поместить в них разные вещи. Так, в русском языке пространственные предлоги типа В и ИЗ, которые часто сочетаются с существительными, обозначающими контейнеры, дают нам возможность включить в описание и модель концептуальной метафоры «зло есть контейнер», эксплицитно воплощенную в фразеологизмах типа *употреблять / употребить во зло*.

Рассмотрим особенности воплощения этой когнитивной модели, т.е. концептуальной метафоры «зло есть контейнер», в русской речи: «*Умные статисты, дорожащие своим местом, стараются не зарываться и не употреблять во зло доверие хозяина* [Ветлугин А. Третья Россия (1922)]. Здесь фразеологизм *употреблять во зло* является сказуемым, а в концептуальном плане выступает в роли фона ситуации «не употреблять доверие хозяина во зло», где понятие «доверие хозяина» является фигурой. Основание для рассмотрения зла как фона ситуации заключается в том, что концепт «зло» в этом фразеологизме метафорически овеществляется как контейнер, который, как уже было представлено, является трехмерной структурой с внутренним пространством и при этом обладает статичностью.

Девятая когнитивная модель — это модель концептуально-метафорического овеществления этического концепта «зло», т.е. модель представления зла как жидкого вещества, жидкости, типа воды, которая отображена в русском фразеологизме со словом *лихо*: *хватить / хлебнуть ли-*

ха. Злу в этом случае могут быть приписаны свойства, атрибуты и функции, в норме присущие жидкости, чаще всего — воде, потому что она представляет собой прототип (представительный член) в концепте «жидкость». Несмотря на тот общепризнанный факт, что в повседневной жизни вода играет немаловажную роль для человека и остальных живых существ, т.е. без воды вообще не будет никакой жизни в нашей планете, необходимо указать на вредность воды для человека: если он пьет слишком много воды, в количестве значительно превышающем условную норму, ему наносится ущерб, как физический, так и психологический (ср. русский глагол *захлебнуться*).

Осмысление абстрактных концептов в терминах воды, знания о которой уже давно и глубоко укоренились в сознании человека, в когнитивной деятельности людей осуществляется подсознательно и бессознательно. Так, например, в китайской языковой картине мира есть прецедентный текст, выглядящий следующим образом: 水能载舟亦能覆舟 (шуй нэн цзай чжоу и нэн фу чжоу), и обозначающий смысл *вода может нести лодку, а может и опрокинуть ее*. Так и русский фразеологизм *хватить / хлебнуть лиха* отражает модель подобного представления зла как воды, которая приносит человеку горе, несчастье. Также отметим, что глаголы *хватить* и *хлебнуть* являются глагольными языковыми репрезентантами модели метафоризации «зло есть вода», так как они являются аспектами концептуальной модели действия *выпить* (кстати, в русском языке слово *хватить* служит еще и языковым воплощением концептуального действия *съесть*, что дает нам возможность выявить впоследствии следующую, десятую когнитивную модель).

В речевой реализации этой модели: «*Но здесь ей тоже пришлось **хлебнуть лиха***» [Сотников А. Монах-десантник, или К Богу через бесов // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.07.21], — данная идиома в синтаксическом плане является сказуемым, а в концептуальном плане выступает в роли фигуры ситуации «ей пришлось хлебнуть лиха», в котором когнитивный агент, выраженный в слове *ей*, является экспериенцером.

Десятая когнитивная модель — это модель концептуально-метафорического представления зла как испорченной еды, которая в явном виде отражена, как выше было представлено, именно в русском фразеологизме *хватить лиха*. Из опыта этнического восприятия действительности довольно хорошо известно, что еда совместно с водой и воздухом является необходимым элементом для существования человека, поэтому совершенно естественно использовать для номинации абстрактных концептов гастрономический код. Как было показано выше, зло в модели концептуальной метафоры «зло есть испорченное яблоко» уже рассматривается зло как особый тип еды, поэтому есть полное основание отнести метафору «зло есть испорченная еда» к категории вышестоящего уровня, и метафору «зло есть испорченное яблоко» к категории базового уровня, которая полностью относится к предыдущей категории. Именно это позволяет нам рассмотреть зло как испорченную еду, потому что зло, как плохая еда, приносят только вред.

Рассмотрим особенности речевой реализации этой когнитивной модели в русской речи. Так, например, в предложении: *«Машина редкая, с реставрацией потомхватишь лиха»* [Афанасьев А. Разновидности зла, 2014], — данный фразеологизм в синтаксическом плане является сказуемым, а в концептуальном плане выступают в роли фигуры целой ситуации «тыхватишь лиха», в котором агенс, обозначенный местоимением *ты*, в неявном виде выступает еще в роли экспериенцера.

ФЕ *хлебнуть лиха* представляет собой синоним к другой ФЕ (*узнать / понять*), *почем фунт лиха*. Таким образом, мы можем обнаружить еще одну когнитивную модель, т.е. концептуальную метафору этического концепта «зло», находящуюся на базовом уровне категоризации и основывающуюся на первой когнитивной модели «зло есть конкретный реальный предмет», которая находится на вышестоящем уровне категоризации. Это одиннадцатая когнитивная модель.

Одиннадцатая когнитивная модель — это модель концептуально-метафорического представления зла как товара, имеющего вес, которая реа-

лизована в русском фразеологизме (*узнать / понять,*) *почем фунт лиха*. С метафорикой товара мы уже сталкивались при анализе метафор добра. Так, например, в русском языке слова *почем* и *фунт* используются для номинации фрейма «продажа и покупка товаров» с целью описания целостного процесса обмена товаров, что позволяет нам выявить модель концептуальной метафоры «зло есть товар». Другими словами, зло получает возможность количественного измерения. Также у этой импликации есть важная импликация, согласно которой адресант (отправитель зла) в конце концов обязательно получает зло по заслугам, потому что если зло в данной модели рассматривается как товар, то его продажа и покупка всегда требует оплаты от как адресата (зло-получателя), так и адресанта (зло-отправителя).

Рассмотрим особенности реализации этой когнитивной модели в русской речи. Так, например, в предложении: «*По такому лицу сразу видно, что человек побывал в разных переделках и знает почем фунт лиха*» [Минаев Б. Детство Левы (2001)], — данная идиома в синтаксическом плане служит прямым дополнением, а в концептуальном плане выступает в роли фигуры ситуации «человек испытал много негативного опыта (зла)». Субъект «человек» в этой ситуации служит в качестве не только агенса, который выполняет когнитивное действие, выраженное в слове *знать*, но и экспериенцера (испытывающего зло), отображенное в идиоме *зачем фунт лиха*. В этом отношении модель концептуальной метафоризации «зло есть товар» представляется как необходимая часть осмысления этой ситуации.

Двенадцатая когнитивная модель — это модель пространственно-ориентированного представления зла как неправильного направления, которая отображена в русской идиоме *не на лих*. Вообще говоря, идея направления движения является одним из наиболее интуитивно ясных для людей представлением — эмпирическим феноменом. С другой стороны, отмеченное нами выше метафорическое представление добра как правильного направления дает возможность говорить о модели антиномического характера — рассмотреть зло как неправильное направление. Языковым сигналом для подоб-

ной интерпретации служит использование пространственных предлогов типа *на*. В основу данной модели положен эмпирически наблюдаемый факт, что если люди движутся по неправильному направлению, то у них в конце концов ничего хорошего не получится.

Далее рассмотрим фразеологизмы, не включающие слова *зло*, *лихо* и *худо*, но имеющие общее фразеологическое значение, связанное со злом.

Тринадцатая когнитивная модель – это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «зло» как дьявола, которая в неявном виде отражена в русском фразеологизме *нечистая сила*. Тот общепризнанный факт, что в русской религиозной картине мира мифологический образ «дьявол» — это не только верховный демон зла, который является властелином ада, но и подстрекатель людей к совершению греха, позволяет нам говорить о дьяволе как о персонифицированном абсолютном зле. Другими словами, понимание религиозного концепта «дьявол» полностью соответствует определению этического концепта «зло». Таким образом, в идиоме *нечистая сила* мы видим модель представления зла как дьявола. Также за этим фразеологизмом стоит еще и другая когнитивная модель, т.е. концептуальная метонимия «нечистая сила вместо дьявола», которая может быть отнесена к категории концептуальной метонимии «часть вместо целого».

В речевой реализации данной модели: *«Быть может, нам помогала нечистая сила, о которой впоследствии синеглазый написал знаменитый роман»* [Катаев В.П. Алмазный мой венец (1975-1977)], — фразеологизм *нечистая сила* в синтаксическом плане служит подлежащим, а в концептуальном плане выступает в роли фигуры ситуации «нечистая сила помогала нам», в котором зло еще является агенсом.

Четырнадцатая когнитивная модель — это модель концептуально-метафорического одушевления этического концепта «зло», т.е. модель представления зла как реального живого существа, которая эксплицитно отображена в русской фразеологии со смысловым значением «зло». Прежде чем перейти к конкретному анализу данной модели еще нужно указать на тот факт,

что данная когнитивная модель, т.е. концептуальная метафора «зло как реальное живое существо», сама по себе является комплексной моделью, которая находится на вышестоящем уровне категоризации в сознании человека и в себя включает несколько субмоделей, находящихся на базовом уровне категоризации.

Так, например, в фразеологизме *зверь зверем* отражается та когнитивная модель, т.е. концептуальная метафора «зло есть зверь», которая находится на вышестоящем уровне категоризации и в основе которой лежит общепринятый факт, что слово *зверь* является языковым воплощением соответствующего концепта «зверь», который в русской языковой картине мира этноса представляет собой концепт вышестоящего уровня и служит метафорическим обозначением свирепого человека. Конкретные дикие животные, которые наносят людям вред, можно рассмотреть как прототипы концепта «зверь» и его члены, находящиеся именно на базовом уровне категоризации. Именно это дает возможность порождения других моделей концептуальной метафоризации этического концепта «зло», которые находящиеся на базовом уровне категоризации и принадлежат к когнитивной модели вышестоящего уровня «зло как зверь».

Так, в фразеологизме *волк в овечьей шкуре* концепт «зло» был одушевлен как волк, который в древнее время приносил людям имущественный ущерб и даже физический и психологический вред в повседневной жизни, а также символизировал силы зла в мифологии многих народов мира. Опираясь на этот эмпирический факт, люди видят злую природу волков, крадущих домашних животных (в данном случае имеются в виду овцы и / или бараны) и приносящих тем самым материальный ущерб людям. Такая природа волков, как уже было представлено в этой когнитивной модели «зло есть волк», применяется для осмысления и метафорического описания злых людей, скрывающих свои истинные цели и собственную жестокость под маской мягкости и доброты. В реальности злые люди под маской доброты приносят другим двойной вред, особенно в психологическом плане. Посредством данной ко-

гнитивной модели одушевление этического концепта «зло» как волка не просто сохраняется в русском сознании и памяти, но и дает носителям других языков возможность образно понимать этот культурно значимый концепт.

В рамках представления зла как одушевленного существа в русской языковой картине мира, кроме модели рассмотрения зла как волка, еще существует другая когнитивная подмодель, представляющая зло как домашнее животное — собаку и воплощенная в фразеологизме *злой (зол) как собака*. В этом случае собака больше не рассматривается как наш близкий друг, причина чего, по большому счету, заключается в том, что некоторые породы собак ведут себя очень злобно, как близкие по природе к ним волки. Точнее, собаки такого рода людям вообще не помогают, не охраняют их, но приносят только вред. Это отношение переносится на описание людей в случае, если они очень злые, ожесточенные или сильно рассерженные [Мокиенко, Фелицына 1999: 124].

Также модель представления зла как одушевленного существа еще включает в себя подмодель зла как свирепого медведя, отображенная в фразеологизме *медвежья услуга*, и подмодель представления зла как ядовитой змеи, выраженная в идиоме *змея подколотная*. При этом можно сказать, что присущие зверям признаки и характеристики, которые мы довольно часто видим в повседневной жизни, не только позволяют нам проецировать их на описание злых людей, но и дают нам возможность переосмыслить человеческие поведения с образностью, эмоциональностью и обобщенностью.

Рассмотрим особенности речевой реализации концептуальной метафоры «зло есть волк». Так, например, в предложении: *«Скольких увлечет волк в овечьей шкуре, если и без этой шкуры стольких удастся ему заманивать?»* [Данилевский Н.Я. Россия и Европа (1869)], — идиома в синтаксическом плане служит подлежащим, а в концептуальном плане выступает в роли не только агенса, но и экспериенцера в описании ситуации «волк в овечьей шкуре увлечет к себе стольких людей», в котором этот концепт еще служит в качестве фигуры.

Отмеченные выше субмодели свидетельствуют о комплексном характере тринадцатой когнитивной модели, состоящей из нескольких простых моделей базового уровня, т.е. «зло есть зверь», «зло есть волк», «зло есть собака», «зло есть медведь» и «зло есть змея», последняя из которых будет подробно рассмотрена ниже.

Пятнадцатая когнитивная модель — это субмодель четырнадцатой когнитивной модели, т.е. модель концептуально-метафорического представления зла как змеи, которая выражается в русских фразеологизмах с компонентом *змея*: *змея лютая*, *змея подколодная*, *змея подкорчезная*, *змея подкустовная*, *змея подпазушная*, *змея полосатая*, *змея шелудявая*, *змея шмулястая*, *Лешева змея*, *чтоб змей в татары (кому-л.)*. Здесь необходимо указать, что данная концептуальная метафора по сути своей является образной (имидж) метафорой, а не структурной. Еще в одной идиоме *пригреть змею на груди (за пазухой)* отражен акциональный фрейм-действие со змеей.

Концепт «змея» также участвует в создании еще одной когнитивной субмодели «зло есть змей». Концепт «змей» в качестве мифологической фигуры генетически восходит к концепту «змея» на базе общего категориального признака 'пресмыкающееся' и естественным образом наследует от него негативно-оценочные этические характеристики. Эта модель эксплицирована в русских идиомах со словом *змей* — типа *змей беспутный*, *змей подколодный*, *змей рогатый*, *змей шелудявый* и *змеище тебе в руки*. Эта же модель проявляется в более конкретизированном виде с использованием мифологического фольклорного собственного имени — «Змей Горыныч как носитель, источник зла».

Рассмотрим специфику реализации данной когнитивной модели, т.е. концептуальной метафоры «зло есть змея», в русской речи с идиомами типа *змея подколодная*. Так, в примере: «Немедленно иди извинись перед Валерой! А ты, *змея подколодная*, довольна?» [Топильская Е. Помни о смерти (2007-2008) // «Знамя», 2008.], — идиома *змея подколодная* в синтаксическом плане является аппозитивным словосочетанием с оценочной характеристикой [Га-

фурова 2017: 151]. Этический концепт «зло», закрепленный за этой идиомой, в концептуальном плане выступает в роли не только качественного признака, подлежащего к агенсу, обозначенному местоимением *ты*, но и фигуры ситуации «ты как подколотная смея довольна?». Таким образом, концептуальная метафора «зло есть змея» является необходимой и важной частью этой когнитивной ситуации.

Пятнадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления абстрактного этического концепта «зло» как образа физического действия, которая эксплицитно отображена в русской фразеологии со смысловым значением 'зло'. В этой модели показано, что люди, выполняющие негативное действие, несомненно, приносят другим вред как в физическом плане, так и в психологическом плане, а себе — болезненное (нездоровое) удовлетворение. Так, например, в фразеологизме *держат за горло* концепт «зло» со всей очевидностью метафорически представляется как образ физического действия «держание за горло» по отношению к другим людям. Здесь следует отметить, что горло представляет собой жизненно важный орган, без которого люди вообще не могут жить, поэтому угроза горлу метонимически означает угрозу телесной жизни человека. Фразеологизм *держат за горло* имеет значение 'злой человек заставляет других делать что-н. нежелательное, подчиняет их своей воле' [Телия 2006. Дата обращения: 08.07.2020]. Нельзя не отметить, что метафорическое рассмотрение зла как образа физического действия, образно выраженное еще и в других фразеологизмах, таких как *вить веревки, спустить шкуры, спустить семь шкур, драть три шкуры* и пр., дает нам возможность говорить о негативно-оценочной характеристике действий этого типа как о национальном стереотипе русского народа, отражающем нравственный атрибут человека — зло.

Рассмотрим особенности языкового воплощения данной когнитивной модели в русской речи. Так, в примере: «*Вы понимаете, что с их помощью можно держать за горло руководителей империи?*» [Кожевников В. Щит и меч. Книга вторая (1968)], — фразеологизм *держат за горло* в синтаксиче-

ском плане служит сказуемым, а в концептуальном плане выступает в роли фигуры ситуации «можно держать руководителей империи за горло», в котором другие партиципанты (руководители как пациенты, любой человек как агент и пр.) выступают в качестве фона.

В целом отметим, что в результате анализа когнитивных моделей этического концепта «зло» мы можем говорить о национальных особенностях некоторых представлений о зле, отображенных именно в русской фразеологии. Это прежде всего модели овеществленного представления зла как чувственно воспринимаемого конкретного вещества (вещи, предмета, объекта), в том числе, и специфицированного предмета с собственными функциями (признаками, характеристиками), т.е. как плода (испорченного яблока), испорченной еды, контейнера, товара и пр., представления зла как жидкости (воды), представления зла как мифологического образа, одушевленного представления зла как реального живого существа, т.е. как зверя, волка, собаки, медведя и змеи, и метафорической конкретизации зла как образа физического действия.

Таким образом, в русских фразеологизмах (идиомах), отражающих особенности категоризации и/или концептуализации разного рода концептов, в том числе и этических — типа зла, отражаются не только приметы национальной духовной и материальной культуры, реалии среды обитания этноса [Маслова 2001: 1], но и прежде всего — определенные форматы знания о мире, модели языковой ментальности про этическую ценности русского народа, способы видения абстрактных понятий типа зла через конкретно-чувственный опыт их переосмысления.

2.2.2. Модели концептуальных метафор концепта «зло» в русской паремиологии

Вообще говоря, в русских пословицах и поговорках лексемы *зло*, *лихо* и *худо* являются языковыми репрезентантами не только этического концепта «зло», но и других концептов типа *гнев*, *раздражение*, *водка* и пр., которые, по сути, не имеют нравственной составляющей. Поэтому мы отобрали только паремии, отражающие именно этическую семантику. В соответствии с принятой концепцией исследования, языковой материал пословиц и поговорок также делится на два класса паремий: (1) паремии, включающие лексемы *зло*, *лихо* и *худо* и однокоренные слова; (2) паремии, не включающие эти компоненты, но имеющие общее паремиологическое значение, связанное со злом.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель овеществления абстракции (реификации) этического концепта «зло», т.е. модель представления зла как реального конкретного предмета (объекта, вещи, существа, сущности), которая реализована в русских паремиях (пословицах и поговорках) с компонентом 'зло'. Можно условно сказать, что через призму данной когнитивной модели этический концепт «зло» люди могут почувствовать своими сенсомоторными органами. Так, например, в русских паремиях:

Лихо не берет;

Без худа добра не бывает;

Благородный человек не помнит старого зла;

Во зле жить – по миру ходить;

Добра не смыслишь – так худа не делай;

Добра, что клада, ищут, а худо под рукой;

Худо тому, кто добра не делает никому;

Добро – на худо не меняют – и пр.

Метафорическое рассмотрение абстрактного этического концепта «зло» как реального конкретного предмета заключается в том, что те слова, которые в основном используются для описания конкретного предмета в языковом плане, применяются к описанию абстрактного этического концепта «зло». Проще говоря, структурные отношения первого были частично про-

ещированы на описание и конструирование последнего в ментальном плане, и это отразилось в языковой структуре выражений.

Следует отметить, что тот факт, что понятие «реальный конкретный предмет (объект, вещь, сущность, существо)» сам по себе является общим концептом, находящимся на вышестоящем уровне категоризации в классификационной системе человека, дает нам возможность рассмотреть первую когнитивную модель как модель вышестоящего уровня, лежащую в основе следующих моделей концептуальной метафоризации этического концепта «зло», находящихся на базовом уровне категоризации и воплощающих конкретные культурные особенности русского народа и его мнение о зле. При этом на основе данной модели носители русского языка могут не только осмысливать понятие зла, но и руководствоваться этим пониманием в своей повседневной жизни и даже в практическом поведении.

Вторая когнитивная модель — это субмодель первой когнитивной модели, т.е. модель концептуально-метафорического представления этического концепта «зло» как денег, которая отображена в русской паремиологии с компонентом *зло* как существительным. В первой когнитивной модели в явном виде отражено, что людям свойственно искать и беречь драгоценное вещество, потому что оно обеспечивает человеку богатую жизнь, власть, статус в обществе. Но подобная трактовка нравственно не одобряется в системе коллективных ценностей русского народа. Поэтому эта когнитивная модель, основанная на концептуальной метафоре «зло есть вещество», указывает на более точный денотат концепта «материальный ресурс» или еще более конкретно «деньги». Концептуально-метафорическое рассмотрение зла как денег поддерживается той ситуацией, что деньги являются мерилем стоимости товаров или услуг во всех обществах, но в своей современной форме могут не иметь вообще овеществленного представления (бумажные деньги, электронные деньги). Главное, что они воплощены во фрейме ‘платить кому-л. чем-л. за что-л.’. Поэтому структура представления о деньгах может быть наложена на структуру представления о зле в русских паремиях: *За добро платят злом.*

Рассмотрим особенности речевой реализации этой модели. Так, в примере: «С ними я решился не вести компании, потому что завистники и сплетники эти за **добро платят злом** и, пожалуй, оклеветают тебя самым **бессовестным образом**» [Панаев И.И. Белая горячка (1840)], — паремия за *добро платят злом* входит в состав сказуемого с другими второстепенными членами, а в концептуальном плане концепты «добро» и «зло», которые выражаются в соответствующих одноименных лексемах *добро* и *зло*, являются фигурами ситуации «завистники и сплетники платят злом за добро». В этом отношении концептуальная метафора «зло есть деньги» представляется необходимым и важным звеном в языковом представлении данной когнитивной ситуации.

Третья когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «зло» как малоценного предмета, реализованная в русской паремии: *Добра, что клада, ищут, а худо под рукой*.

Необходимо отметить, что данная модель и вторая модель находятся в антонимических отношениях. Иначе говоря, к этическому концепту «зло» применяются когнитивные атрибуты понятия «малоценный предмет» — *обычность, отсутствие ценности* и под. Суть рассмотрения зла как малоценного предмета заключается в том, что ничего не стоящий, не имеющий ценности предмет представляет собой настолько обычный объект, на который люди в бытовой жизни специально не обращают никакого внимания, который присутствует в их жизни повсеместно, в непосредственном окружении, т.е. *под рукой*. Это полностью соответствует механизму метафоры в научной парадигме когнитивной лингвистики: в концептуальной системе человека осмысление концептов абстрактного типа осуществляется в терминах конкретных концептов, простых и известных из опыта восприятия повседневной действительности человеком [Kovecses 2010: 7].

Четвертая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «зло» как товара, которая в явном виде выражается в русской паремии: *Добро – на худо не меняют*.

Как было сказано выше, этический концепт «добро» в сознании русского народа метафорически рассматривается как товар, что дает нам возможность говорить и о зле как о товаре, потому что эти концепты находятся в антонимических отношениях как в языковом плане, так и в ментальном плане. В связи с этим можно полагать, что товар А, выступающий в качестве исходного домена метафоры «добро есть товар», чаще всего ассоциируется с высоким качеством, приносящим покупателям удовольствие, а товар Б, служащий исходным доменом метафоры «зло есть товар», прежде всего связывается с плохим качеством, наносящим покупателям вред, либо физический, либо психологический. Кроме этого, возможность рассмотрения зла как товара еще заключается в семантике глагола *менять*, потому что этот глагол в русском коллективном языковом сознании может использоваться для описания когнитивной ситуации «обмен товарами».

Пятая когнитивная модель — это модель пространственного представления этического концепта «зло» как неправильного направления, которая в явном виде отражена в русских поговорках:

За недобрым пойдешь – на беду набредешь;

Злая воля заведет в неволю;

Никакое худо до добра не доводит.

В этих единицах языка отражено представление о вреде, которое выражено в словах *беда* и *неволя* и имплицировано злом. Это позволяет нам говорить о словах *недоброе* и *злая воля* как о языковых репрезентантах концепта «зло». Суть метафорического рассмотрения зла как неправильного направления заключается в том, что глаголы *пойти* и *завести* в сознании русского народа чаще всего подсознательно ассоциируются с направлением движения – с одной стороны, с другой – предлоги *в* и *за* в первоначальном значении обычно указывают на идею направленного движения. Таким образом, структурные отношения и знания о концепте «неправильное направление» через призму данной когнитивной модели применяются к описанию и пониманию

этического концепта «зло». Структура метафоризации может быть показана следующим образом:

- Исходный домен — *концепт «неправильное направление»*;
- Целевой домен — *абстрактный этический концепт «зло»*;
- Направление метафорического переноса — *от концепта «неправильное направление» на концепт «зло»*.

Добавим, что этический концепт «добро», как было показано выше, в свою очередь может метафорически рассматриваться как правильное направление, что в неявном виде также лежит в основе возможности порождения данной когнитивной модели, потому что добро и зло находятся в антонимических отношениях в языковом и в концептуальном плане.

Шестая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «зло» как гладкой поверхности типа льда, которая отражена в русской поговорке: *Следовать добру – взбираться на гору, следовать злу – скользить в пропасть*.

Из этнического эмпирического опыта исходит, что зимой чрезвычайно опасно ходить по льду потому, что людям довольно легко упасть на землю, вследствие чего им в абсолютном большинстве случаев наносится физический вред. И сам глагол *скользить*, являясь языковым воплощением когнитивного действия «плавно двигаться по гладкой поверхности», лежит в основе рассмотрения зла как гладкой поверхности типа льда. При анализе концепта «добро», выраженного в русской поговорке: *Следовать добру – взбираться на гору, следовать злу – скользить в пропасть* ранее мы уже показали, что в русской ЯКМ отражено представление о том, что быть добрым и делать добро — это как затажной подъем на гору, идти тяжело. В свою очередь, быть злым и делать зло воспринимается как плавное движение по гладкой поверхности, идти легко и непринужденно, в направлении сверху вниз. В данной антитезе также отражено представление о легкости, доступности злых дел, в сравнении с трудностями, сопряженными с добрыми делами.

Седьмая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «зло» как острого предмета, которая в явном виде реализована в русской паремии: *Ищущий добра на зло натывается.*

Здесь хорошо видно, что исходный домен «острый предмет» в классификационной системе человека находится на вышестоящем уровне, и его на базовом уровне представляют конкретные, прототипические члены данной категории — типа ножа. Из опыта познания мира известно, что нож как колющий и/или режущий инструмент обычно используется для резки, потому что у него есть полоса твердого материала (обычно металла) с лезвием на одной или нескольких сторонах. Также в древности нож и нижестоящие члены категории типа *меча* и *кинжала* часто рассматриваются и используются как прототипы холодного оружия. В связи с этим острый предмет приносит людям вред и ущерб, либо физический, либо психологический. Посредством данной когнитивной модели признаки подобного типа, принадлежащие к концепту «острый предмет», применяются к описанию и конструированию этического концепта «зло». Кроме этого, причина рассмотрения зла как острого предмета еще заключается в глаголе *натываться*, потому что в этом слове выражается когнитивное действие «наскокивать на что-л. острое». Таким образом, в русской пословице *Ищущий добра на зло натывается* метафорически представлены идеи ‘быть добрым всегда довольно сложно’ и ‘зло наносит людям лишь вред’.

Восьмая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель одушевления этического концепта «зло», т.е. модель представления зла как живого существа, которая реализована в русских паремиях:

Благородный человек не помнит старого зла;

В чернолесье не без зверя, в людях не без лиха;

Всякий, посеявший семена зла, открывает ворота своей гибели;

Добро ищи, а худо само придет;

Добро не лихо: бродит по миру тихо;

*Добро не умрет, а зло пропадет;
Доброго чти, а злого не жалеи;
Добру расти, худу по норам ползти;
За добрым делом находишься, худое само навяжется;
Зло тихо лежать не может;
Злой не верит, что есть добрые люди;
Злой плачет от зависти, а добрый от радости;
Тьма света не любит, злой доброго не терпит;
Не бывает того, чтобы хорошее дерево принесло дурные плоды;
Кто доброе творит, того зло не вредит — и др.*

Из вышеизложенных русских пословиц мы видим, что этическому концепту «зло» приписаны когнитивные признаки, которые принадлежат концепту «живое существо». Кроме того, некоторые структурные свойства живого существа проецируются на конструирование зла в концептуальной системе человека. Так, например, слова *старый, прийти, ходить, тихо лежать* и *плакать* в русском языке используются для описания и выражения когнитивных характеристик живого существа, что приводит к возможности метафорического одушевления концептов абстрактного типа в русской наивной модели мира [Апресян 1986: 5-33] — ведь в процессе познания окружающей вокруг человека среды понятия «конкретные реальные предметы» и «живые существа» являются основой для развития нашей концептуальной сферы. Отметим, что данная когнитивная модель, т.е. концептуальная метафора «зло есть живое существо» находится на вышестоящем уровне категоризации и лежит в основе следующих когнитивных моделей.

Девятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «зло» как человека, которая выражена в русских пословицах:

*Благородный человек не помнит старого зла;
Добро ищи, а худо само придет;
Добро не лихо: бродит по миру тихо;*

Доброго чти, а злого не жалеи;
Злой не верит, что есть добрые люди;
Злой плачет от зависти, а добрый от радости;
Зло тихо лежать не может;
Тьма света не любит, злой доброго не терпит.

Для понимания этического концепта «зло» в данном случае используются конкретные когнитивные признаки, которые в русском коллективном языковом сознании характерны для описания и выражения понятия «человек»: *старый, прийти, бродить, не уважать, плакать, вредить и верить*. Как было показано выше, понятие «человек» в языковом сознании играет определяющую роль в процессе познания окружающей среды и абстрактных предметов типа зла, поэтому в концептуальной сфере русского народа рассмотрение образа человека как исходного домена концептуальной метафоры осуществляется подсознательно и также бессознательно. Отметим, что и эта когнитивная модель, т.е. концептуальная метафора «зло есть человек», находится на базовом уровне категоризации, и на ее основе также порождается другая когнитивная модель, находящаяся на нижестоящем категориальном уровне. Это девятая когнитивная модель.

Десятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «зло» как проигравшего, которая выражена в русской поговорке: *Добро худо переможет*.

На самом деле, данная модель может быть отнесена к категории военных метафор, потому что глагол *перемочь* представляет собой языковой презентант некоторого аспекта когнитивного фрейма «что-л. победит над чем-л.». В этом случае этический концепт «добро» рассматривается как победитель, т.е. выигравший войну, а этический концепт «зло», противоположный добру, рассматривается как проигравший войну. Использование когнитивных характеристик концепта «война» для описания и конструирования этического концепта «зло» полностью соответствует механизму концептуальной метафоры, так как понятие «война» представляет собой настолько простой кон-

цепт, что на него люди не специально обращают никакого внимания. В связи с этим познание абстрактных концептов типа зла подсознательно осуществляется в терминах простого концепта «война», в том числе и его компонентов типа проигравшего.

Одиннадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как шумного живого существа, которая в явном виде воплощена в русских поговорках:

Добро не лихо: бродит по миру тихо;

Зло тихо лежать не может.

Злу в данном случае приписаны когнитивные характеристики понятия «шумное живое существо». В этих единицах мы еще видим другую когнитивную модель, т.е. концептуальную метафору «добро есть тихое (нешумное) живое существо», потому что добро и зло имеют антонимические отношения, так что их метафорические источники, с большой вероятностью, тоже находятся в антонимических отношениях. Из нашего опыта совершенно ясно, что шум неприятен людям и несет дискомфорт, поэтому в сознании человека такая характеристика естественным образом проецируется на понимание и конструирование этического концепта «зло».

Двенадцатая когнитивная модель — это тоже субмодель восьмой когнитивной модели, т.е. модель концептуально-метафорического представления этического концепта «зло» как растения типа подсолнечника, которая в явном виде реализована в русской поговорке: *Всякий, посеявший семена зла, открывает ворота своей гибели.*

В этом случае этическому концепту «зло» приписаны когнитивные признаки, принадлежащие к концепту «растение». Так, например, слово *семя*, выражающее в русском языке идею 'особая многоклеточная структура сложного строения, служащая для размножения и расселения семенных растений', используется для описания характеристик растения. Этот факт лежит в основе метафорического рассмотрения зла как растения, которое начинает

свою жизнь с семени. Другими словами, зло растет внутрь творящего зло, и это приводит последнего к гибели.

Тринадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «зло» как места, точки в пространстве, которая выражается в русской поговорке: *Кто зла отлучится, тот никого не боится.*

Как было показано выше, что зло может быть метафорически представлен как неправильное направление, что дает возможность осмыслить этический концепт «зло» в терминах концепта «место», потому что направление всегда устремляется в определенную сторону или точку. Кроме этого, суть метафорического рассмотрения зла как места еще составляет идея 'уйти откуда-л. куда-л. на некоторое время', выраженная в русском глаголе *отлучиться*. Отметим, что в этой метафоризации зло рассматривается не просто как место, но как дурное место, которое сильно влияет на человека, находящегося в нем. Поэтому после ухода с этого места человеку уже ничего не страшно.

Далее мы рассмотрим концептуально-метафорические модели представления зла в поговорках, которые непосредственно не включают в свой состав компоненты *зло*, *лихо* или *худо*, но имеют общую образно-метафорическую семантику, связанную со злом.

Четырнадцатая когнитивная модель — это субмодель двенадцатой когнитивной модели, т.е. концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «зло» как дурных плодов, которая эксплицитно отражена в русской поговорке: *Не бывает того, чтобы хорошее дерево принесло дурные плоды.*

Из эмпирического опыта познания мира известно, что дурные плоды всегда приносят людям физический вред, т.е. отравляют их, что полностью соответствует критериям определения этического концепта «зло»: зло приносят другим вред, ущерб, либо материальный, либо психологический. Также отметим, что в поговорке *Не бывает того, чтобы хорошее дерево принесло*

дурные плоды в неявном виде также имплицитно концептуальные метафоры «добро есть хорошие плоды» и «добрый человек есть хорошее дерево».

Пятнадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления абстрактного этического концепта «зло» как образа физического действия «ступить ногой», которая эксплицитно отражается в русской поговорке: *Где ногой ступит – трава не растет*.

Здесь этический концепт «зло» метафорически конкретизируется как физическое действие «ступить ногой». Адресант (творящий зло или приносящий зло) не эксплицитно, однако конкретный физический вред, нанесенный этим адресантом вербализуется через описание результата — *трава не растет*. Таким образом, посредством данной когнитивной модели на понимание и конструирование этического концепта «зло» проецируются когнитивные признаки понятия «образ физического действия (ступить ногой)».

Шестнадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как змеи, реализованная в русской поговорке: *Змея кусает не для сытости, а ради лихости*.

В концептуальной системе русского народа змея в абсолютном большинстве случаев представляет собой образ демона и имеет библейское происхождение. Можно вообще утверждать, что змея сама по себе является воплощением зла. Тем более в этой поговорке мы видим, что змея вредит людям лишь для лихости, т.е. злости. Отметим, что данная модель может быть отнесена к категории образных метафор, потому что в этой поговорке на восприятие зла проецируется конкретный образ кусающей змеи.

На следующем этапе, согласно принятой концепции исследования, перейдем к рассмотрению моделей концептуальной метонимизации концепта «зло» в русских поговорках.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «зло» через призму его составляющей «злой человек», которая в явном виде отражена в русских поговорках:

Доброго чти, а злого не жалей;

*Злой не верит, что есть добрые люди;
Злой плачет от зависти, а добрый от радости;
Злого любить – себя губить;
Злой человек не проживет в добре век;
Злому – смерть, а доброму – воскресение;
Тьма света не любит, злой доброго не терпит;
Иди и к злому человеку смело, когда он доброе задумал дело;
Козла спереди бойся, коня – сзади, а злого человека – со всех сторон;
От лихого не услышишь доброго слова.*

Ранее, при анализе концепта «добро», было показано, что этический концепт «добро» представляет собой сложную, комплексную ментальную единицу. Концепт «зло» также имеет комплексное устройство. Это обуславливает возможность концептуализировать зло посредством замещения общего понятия конкретным, представляющим его часть, атрибут или компонент. Так, применительно к концепту «зло» основными конкретизаторами выступают адресант зла или адресат зла — те, кто творит зло, и те, в отношении кого творится зло. Они находятся в ядерной зоне этого концепта. Поэтому есть полное основание полагать, что адресант, т.е. злой человек, может замещать целый концепт «зло» в концептуальном плане и в языковом плане. Так, например, в русском языке прилагательное *злой* прежде всего используется для описания нравственной характеристики человека и чаще всего сочетается со словами, которые являются языковыми репрезентантами концепта «человек». В этой связи словосочетание *злой человек* или субстантивированное прилагательное *злой* могут рассматриваться как языковое воплощение адресанта (творящего зло).

Также возможность порождения модели концептуальной метонимизации «злой человек вместо зла» поддерживается семантикой сочетающихся с субъектом глаголов типа *жалеть, верить, любить, проживать* и пр. Так, например, глагол *верить* в русском языке употребляется для выражения идеи ‘твердая уверенность в ч.-л.’ и в норме сочетается со словами, обозначаю-

щими человеческое существо. В пословице *Злой не верит, что есть добрые люди* мы видим, что слово *злой*, использованное для обозначения злого человека, замещает общее абстрактное представление о зле в языковом и в концептуальном плане. Поэтому на основе этой метонимии «зло есть злое существо» порождается более конкретизированная метонимическая модель «зло есть злой человек», так как в паремиях используются номинации, в норме могущие быть приписаны только человеческому существу, например, вера, любовь смерть и пр.

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «зло» через призму его атрибута «злая воля», которая воплощена в русской паремии: *Злая воля заведет в неволю*.

В данном случае зло метонимически конкретизируется как злая воля. Данная модель основывается на первой модели, потому что воля выступает как исключительно свойство человека, она является способностью человека принимать решения на основе мыслительного процесса и направлять свои мысли и действия в соответствии с принятым решением. В связи с этим в метонимизации этического концепта «зло» исходная часть «злой человек» находится на вышестоящем категориальном уровне, а исходные части типа *злая воля* и *злые поступки* — на базовом уровне категоризации. Если составляющая «злой человек» может замещать самый концепт «зло», то и дальнейшие конкретные репрезентанты злого человека тоже могут обозначать зло в целом в концептуальном плане и в языковом плане.

Третья когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения целого концепта «зло» через призму его атрибута «злое дело», которая реализована в русских паремиях:

От доброго не бегай, а худого не делай;

Торопись на доброе дело, а худое само приспееет.

В этих пословицах концепт «зло» конкретизируется как худое дело (злое дело). Данная модель тоже может быть отнесена к первой модели, потому что злое дело совершается только злыми людьми. С когнитивно-

классификационной точки зрения данная модель находится на базовом категориальном уровне. Также отметим, что в этих паремиологических единицах субстантивированное прилагательное *худой* среднего рода представляет собой языковое воплощение понятия «злое дело». На основе этой когнитивной модели также порождаются модели концептуальной метафоризации «зло есть конкретный реальный предмет» и «зло есть одушевленное существо». Это снова дает нам возможность говорить о теснейшей связи между метафорой и метонимией.

В целом отметим, что в результате проведенного анализа моделей концептуальных метафор и метонимий этического концепта «зло» мы имеем возможность говорить о национальной специфике некоторых представлений о зле, выраженных в русских паремиях, т.е. в пословицах. Это прежде всего модели овеществленного представления зла как реального конкретного предмета (объекта, вещи, существа, сущности), в частности специфицированного предмета с конкретной функцией (свойством, атрибутом, признаком, характеристикой): малоценного предмета, денег, товара, острого предмета и пр., модели одушевленного представления зла как живого существа со специфицированными признаками: человека, проигравшего, шумного живого существа, растения (дурных плодов) и змеи, модели пространственно ориентированного представления зла как неправильного направления, дурного места и гладкой поверхности, и модели представления зла как образа физического действия (ступить ногой). В моделях концептуальной метонимизации этический концепт «зло» обозначается через призму его атрибутов — злого человека, злой воли и злого дела.

Таким образом, можно утверждать, что в моделях метафорического и метонимического представления зла в терминах конкретных концептов, реализованных в паремиях со значением ‘зло’, в русской языковой картине мира выражаются определенные национально-обусловленные форматы знания о мире, модели языковой ментальности, способы видения абстрактных понятий (зла) через конкретно-чувственный опыт их переосмысления.

Выводы по содержанию второй главы

Во главе проанализированы когнитивно-метафорические и когнитивно-метонимические модели фразеологической и паремиологической репрезентации русских этических концептов «добро» и «зло», которые находятся в антонимических отношениях как в психологическом и ментальном плане, так и в языковом плане, занимая противоположные позиции на воображаемой ценностной шкале русского народа в частности и всего человечества в целом.

В результате исследования были выявлены некоторые базовые когнитивные модели представления добра в русской фразеологии и паремиологии, которые могут иметь национальную и культурную обусловленность. Это прежде всего метафорические модели овеществленного представления добра как реального конкретного предмета (объекта, вещи, сущности, вещества), в том числе и специфицированного со своими признаками (характеристиками, функциями, атрибутами): драгоценных веществ, имущества, денег, мозоли, горы, товаров, продуктов духовного творчества, и предметов со специальным запахом, одушевленного представления добра как живого существа: разного рода людей, матери, растения, пространственно ориентированного представления добра как правильного направления, пространственного представления добра как предела, конкретизированного представления добра как реальных действий «распростертое объятье» и «отдать последнюю рубашку», представления добра как дружбы и долга, и одушевленного представления добра как божества: Ангела-хранителя и Бога. Также выявлены метонимические модели, в которых концепт «добро» представлен в виде качественного атрибута *добрый*, в виде надежной основы (основания), в виде большего сердца и в которых концепт «добро» может быть обозначен через призму его атрибутов: доброго духа, доброй воли, доброго дела, добрых слов, добрых чувств, доброго характера и пр.

Базовые когнитивные модели представления зла в русской фразеологии и паремиологии ожидаемо обнаруживают известные параллели с концептуально-метафорическим представлением концепта «добро». Это также модели овеществленного представления зла как реального конкретного предмета (объекта, вещи, сущности, существа), в том числе и специфицированного предмета с конкретной характеристикой (функцией, признаком, свойством): плода (испорченного яблока), испорченной еды, контейнера, товара, малоценного предмета, денег, острого предмета, представления зла как горячей жидкости (воды), пространственно ориентированного представления зла как неправильного направления, дурного места и гладкой поверхности, одушевленного представления зла как живого существа со специфицированными признаками: зверя, волка, собаки, медведя, змеи, человека, проигравшего, растения (дурных плодов) и пр., мифологического представления зла как мифологических сверхъестественных существ: дьявола и Сатаны, и конкретизированного представления зла как образа физического действия. Также выявлены метонимические модели, в которых концепт «зло» может быть обозначен через призму его атрибутов: злого человека, злой воли и злого дела.

Когнитивные модели концептуальной метафоризации и метонимизации этических концептов «добро» и «зло», выраженных в русских фразеологизмах и поговорках с нравственной семантикой добра и зла, служат в качестве важных лингвокогнитивных механизмов отображения в порождаемых высказываниях той или иной концептуальной схемы, или когнитивной ситуации.

Проанализированный материал позволяет заключить, что в русских фразеологизмах и поговорках, репрезентирующих русский этический концепт «зло», отражаются как приметы национальной духовной и материальной культуры, реалии среды обитания этноса, так и определенные форматы знания о мире, модели языковой ментальности, представляющие собой определенные способы видения абстрактных понятий через конкретно-чувственный опыт их переосмысления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществленный в работе лингвокогнитивный анализ моделей концептуальных метафор в языковом воплощении этических концептов «добро» и «зло» в русской фразеологии и паремиологии дал следующие результаты.

Анализ многочисленных научно-теоретических источников показал, что именно лингвокогнитивный анализ моделей концептуальной метафоризации, представленных в русской фразеологии и паремиологии, с опорой на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа — М. Джонсона, способствует выявлению национально и культурно обусловленных представлений о добре и зле в русской языковой картине мира.

В современной парадигме лингвокультурологического знания исследовательское внимание акцентируется на изучении разного рода национальных культурных концептов, важнейшее место в числе которых занимают этические концепты абстрактного характера. Именно концепты «добро» и «зло» в большой степени конструируют нравственную и ценностную составляющие совокупной языковой картины мира русского народа.

Фразеология и паремиология языка в этом смысле являются неоценимыми источниками сведений, в которых не только запечатлена народная мудрость, но и выражены ценностные ориентиры этноса, его нравственность, его представления о мире и пр. Поэтому именно фразеология и паремиология выступают в качестве самой подходящей языковой среды функционирования этических концептов. Все концепты, в том числе и этические концепты, являются квантами (фрагментами, единицами, элементами) энциклопедических знаний о мире, выступающими в роли мощного когнитивного средства для выполнения разных познавательных действий типа отождествления и различия предметов, т.е. категоризации мира.

Одним из базовых когнитивных механизмов языкового воплощения культурно-значимой информации является когнитивная метафора. Новое понимание метафоры как формата знаний о мире и элемента понятийной си-

стемы человека связано прежде всего с возникновением когнитивного подхода к метафоре, которое изложено в знаменитой теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона — метафора рассматривается как элемент мышления человека, воплощающий базовые когнитивные процессы, которые теснейшим образом связаны с получением новой информации о мире и со способами представления этого нового знания в сознании. Суть этих способов заключается в осмыслении одной, более сложной сущности в терминах другой сущности, более простой, уже известной из опыта.

Важнейшими языковыми единицами, в которых воплощаются когнитивно-метафорические модели, являются устойчивые выражения языка — фразеологизмы и поговорки, которые рассматриваются как языковые репрезентанты культурных концептов этноса. Это особенно справедливо для такой важнейшей сферы фразеологии и поговоркиологии, как фразеологизмы и поговорки с семантикой добра и зла. Концепты «добро» и «зло» находятся в антонимических отношениях как в психологическом плане, так и в языковом плане. Предметом исследования стали две группы фразеологизмов и поговорок: (1) фразеологизмы и поговорки, непосредственно включающие в свой состав лексические компоненты *добро*, *зло*, *лихо*, *худо* и однокоренные слова; (2) фразеологизмы и поговорки, не включающие эти слова в свой состав, но имеющие общее значение, связанное с представлениями о добре или зле.

Сначала мы проанализировали модели концептуальной метафоризации фразеологизмов, непосредственно включающих лексему *добро* и ее падежные формы, а также однокоренные слова на базе *добро*. Всего выявлено 5 моделей.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель олицетворения абстракции (реификации) этического концепта «добро» (*добром не кончится* и под.).

Вторая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это модель представления добра как предела (*не доводить до добра* и под.).

Третья когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель одушевления этического концепта «добро» (*слепая доброта* и под.).

Четвертая когнитивная модель — это пространственно ориентированная концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как правильного направления (*добром не кончится* и под.).

Пятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель канализации этического концепта «добро» (*помянуть добром* и под.).

Далее мы проанализировали модели концептуальной метафоризации фразеологизмов с компонентами, не имеющими в своем составе лексемы с корнем *добр-*, но соответствующие представлению о добре, которое отражено в общем фразеологическом значении. Всего выявлено 6 моделей.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель одушевления этического концепта «добро» (*ангел во плоти* и под.).

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как жидкого вещества (субстанции) (*чистая душа*).

Третья когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как конкретного когнитивного действия (*принимать с распростертыми объятьями* и под.).

Четвертая когнитивная модель, которая является субмоделью третьей, — это модель представления этического концепта «добро» как конкретного действия «распростертое объятье» (*с распростертыми объятьями*).

Пятая когнитивная модель, которая является субмоделью третьей, — это модель представления этического концепта «добро» как конкретного действия «отдать рубашку с плеч» (*рубашку с плеч отдать*).

Шестая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель рассмотрения добра как дружбы (*не в службу, а в дружбу*).

Затем мы проанализировали модели концептуальной метонимизации фразеологизмов, включающих лексему *добро* и ее падежные формы, а также однокоренные слова на базе *добро*. Всего выявлено 4 модели.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель атрибуции концепта «человек» посредством перифрастического описания по схеме «прилагательное + существительное» (*доброе сердце* и под.).

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель атрибуции внешней среды (пространственных и временных характеристик) посредством привнесения в данную концептуальную схему этической характеристики (*в добрый час*).

Третья когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель атрибуции понятия «основа / основание» абстрактного типа через призму привнесения в данную концептуальную схему этического признака (*доброе начало*).

Четвертая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель атрибуции концепта «божество» посредством перифрастического описания по схеме «прилагательное + существительное» (*добрый дух*).

Потом мы проанализировали модели концептуальной метонимизации фразеологизмов с компонентами, не имеющими в своем составе лексемы с корнем *добр-*, но соответствующие представлению о добре, которое отражено в общем фразеологическом значении. Всего выявлено 3 модели.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения целого (добротного человека) по его части (большого сердца) (*большое сердце*).

Вторая когнитивная модель — это обратная первой концептуально-метонимическая модель обозначения прототипа (части) посредством целого (*пора (надо) и совесть знать* и под.).

Третья когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения целого (доброты) через призму его части (добротных отношений) (*не в службу, а в дружбу*).

Далее мы проанализировали модели концептуальной метафоризации паремий, непосредственно включающих лексему *добро* и ее падежные формы, а также однокоренные слова на базе *добро*. Всего выявлено 19 моделей.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель овеществления абстракции (реификации) этического концепта «добро» (*Делай добро и жди добра* и под.).

Вторая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это модель представления добра как реального предмета со специфицированными функциями (атрибутами, характеристиками, признаками) (*От добра добра не ищут* и под.).

Третья когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как товара (*Кто добро творит, тому Бог оплатит* и под.).

Четвертая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как денег (*За добро плати добром* и под.).

Пятая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как подарка (*Хорошо тому добро дать, кто помнит* и под.).

Шестая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как продукта духовного творчества (*Добро творить – себя веселить* и под.).

Седьмая когнитивная модель, являющаяся субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как конкретного предмета со специальным запахом (*Сердце вещун: чует добро и худо*).

Восьмая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как простого понятия «вещи легче воздуха», воплощенная в русской паремии *Добро кверху, а худо ко дну*.

Девятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как удобрения (*Не от добра дерево листья роняет*).

Десятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «добро» как ярма (*До добра, как до ярма, до зла, как до меду*).

Одиннадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель одушевления этического концепта «добро» (*Добро не лихо: бродит по миру тихо* и под.).

Двенадцатая когнитивная модель, которая является субмоделью одиннадцатой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как матери (*Добра, добра, да не мать родна* и под.).

Тринадцатая когнитивная модель, которая является субмоделью одиннадцатой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как человека (*Доброта без разума пуста* и под.).

Четырнадцатая когнитивная модель, которая является субмоделью тринадцатой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как человека с высокими нравственными качествами (*Добро поощряй, а зло порицай* и под.).

Пятнадцатая когнитивная модель, которая является субмоделью тринадцатой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как разумного человека (*Доброта без разума пуста*).

Шестнадцатая когнитивная модель, которая является субмоделью одиннадцатой, — это концептуально-метафорическая модель представления добра как растения (*Сей добро, и жди добра* и под.).

Семнадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления добра как хорошей репутации (*Не хвались серебром, а хвались добром* и под.).

Восемнадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления добра как мозоли (*Жалость – со слезами, а доброта – с мозолями*).

Девятнадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления добра как горы (*Следовать добру – взбираться на гору, следовать злу – скользить в пропасть*).

Дальше мы проанализировали модели концептуальной метафоризации паремий с другими компонентами, не имеющими в своем составе лексемы с корнем *добр-*, но соответствующие представлению о добре, которое отражено в общем паремиологическом значении. Всего выявлено 2 модели.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель рассмотрения добра как долга (*Долг платежом красен* и под.).

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления добра как света (*Светлый человек не делает темных дел*).

Затем мы проанализировали модели концептуальной метонимизации паремий, непосредственно включающих лексему *добро* и ее падежные формы, а также однокоренные слова на базе *добро*. Всего выявлено 6 моделей.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «доброе дело» (*Доброе дело без награды не остается* и под.).

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрый человек» (*Доброго чти, а злого не жалей* и под.).

Третья когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрые слова» (*Добрые слова дороже богатств* и под.).

Четвертая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрые чувства» (*Добрые чувства – соседи любви*).

Пятая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляю-

щей «добрый характер» (*Волосы имеем – косы плетем, добрый характер – слезы льем*).

Шестая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения компонентов этического концепта «добро» через призму самого концепта (*Захочешь добра – посыпь серебра*).

Что касается этического концепта «зло», то сначала мы проанализировали модели концептуальной метафоризации фразеологизмов с компонентами *зло*, *лихо* и *худо*, а также с однокоренными словами на базе этих компонентов. Всего выявлено 12 моделей.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель овеществления абстракции (реификации) этического концепта «зло», (*держат зло на к.-л. и под.*).

Вторая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как реального объекта со специфическими функциями (характеристиками, признаками и атрибутами) (*причинить зло к.-л. и под.*).

Третья когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как предмета с признаком 'тяжесть' (*волочить зло (на к.-л.)*).

Четвертая когнитивная модель, являющаяся субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как предмета с имплицитной отрицательной оценкой (*выкласть зло (на кого-л.)*).

Пятая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как плода (*древо познания добра и зла*).

Шестая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как овеществленного живого существа обобщенного неопределенного типа (*знать злобу*).

Седьмая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель одушевления зла (*нагонять зло и под.*).

Восьмая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как контейнера (вместилища) (*употреблять во зло*).

Девятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как жидкого вещества (*хлебнуть лиха*).

Десятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как испорченной еды (*хватить лиха*).

Одиннадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как товара (*почем фунт лиха*).

Двенадцатая когнитивная модель — это концептуально-концептуальная модель представления зла как неправильного направления (*не на лихо*).

Далее мы проанализировали модели концептуальной метафоризации фразеологизмов, не включающих слова *зло*, *лихо* и *худо*, но имеющих общее фразеологическое значение, связанное со злом. Всего выявлено 4 модели.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления этического концепта «зло» как дьявола (*нечистая сила*).

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как реального живого существа (*зверь зверем* и под.).

Третья когнитивная модель, которая является субмоделью второй, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как змеи (*змея лютая* и под.).

Четвертая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как образа физического действия (*держат за горло*).

Затем мы проанализировали модели концептуальной метафоризации паремий с компонентами *зло*, *лихо* и *худо*, а также с однокоренными словами на базе этих компонентов. Всего выявлено 13 моделей.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель овеществления абстракции (реификации) этического концепта «зло» (*Лихо не берет* и под.).

Вторая когнитивная модель, которая является субмоделью первой, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как денег (*За добро платят злом* и под.).

Третья когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как малоценного предмета (*Добра, что клада, ищут, а худо под рукой*).

Четвертая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как товара (*Добро на худо не меняют*).

Пятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как неправильного направления (*Никакое худо до добра не доводит* и под.).

Шестая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как гладкой поверхности (*Следовать добру – взбираться на гору, следовать злу – скользить в пропасть*).

Седьмая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как острого предмета (*Ищущий добра на зло натывается*).

Восьмая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель одушевления этического концепта «зло» (*Благородный человек не помнит старого зла* и под.).

Девятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как человека (*Добро ищи, а худо само придет*).

Десятая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как проигравшего (*Добро худо переможет*).

Одиннадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как шумного живого существа (*Добро не лихо: бродит по миру тихо* и под.).

Двенадцатая когнитивная модель, которая является субмоделью восьмой, — это концептуально-метафорическая модель представления зла как растения (*Всякий, посеявший семена зла, открывает ворота своей гибели*).

Тринадцатая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как места, точки в пространстве (*Кто зла отлучится, тот никого не боится*).

Затем мы проанализировали модели концептуальной метафоризации паремий, непосредственно не включающих в свой состав компоненты *зло*, *лихо* или *худо*, но имеющих общую образно-метафорическую семантику, связанную со злом. Всего выявлено 3 модели.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как дурных плодов (*Не бывает того, чтобы хорошее дерево принесло дурные плоды*).

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как образа физического действия «ступить ногой» (*Где ногой ступит – трава не растет*).

Третья когнитивная модель — это концептуально-метафорическая модель представления зла как змеи (*Змея кусает не для сытости, а ради лихо-сти*).

Дальше мы проанализировали модели концептуальной метонимизации паремий с компонентами *зло*, *лихо* и *худо*. Всего выявлено 3 модели.

Первая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «зло» через призму его составляющей «злой человек» (*Доброго чти, а злого не жалей* и под.).

Вторая когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «зло» через призму его атрибута «злая воля» (*Злая воля заведет в неволю*).

Третья когнитивная модель — это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «зло» через призму его атрибута «злое дело» (*От доброго не бегай, а худого не делай* и под.).

В целом полученные результаты исследования свидетельствуют, что в русских фразеологизмах и поговорках, репрезентирующих русские этические концепты «добро» и «зло», отражаются как приметы национальной духовной и материальной культуры, реалии среды обитания этноса, так и определенные форматы знания о мире, модели языковой ментальности, представляющие собой определенные способы видения абстрактных понятий через конкретно-чувственный опыт их переосмысления.

Проведенный анализ позволяет наметить дальнейшие перспективы исследования, которые связаны с расширением исследовательской базы за счет включения сопоставительного исследования фразеологической и паремиологической репрезентации этических концептов «добро» и «зло», соответственно, в русской и в китайской лингвокультурах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Научная, учебно-методическая и энциклопедическая литература:

1. Аванесов Р.И. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. / С 48 АН СССР. Ин-т рус. яз. Гл. ред. Р. И. Аванесов. Том II (възалкати – добродѣтельикъ). – М.: Русский Язык, 1989. – 494 с.
2. Аванесов Р.И. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. / С 48 АН СССР. Ин-т рус. яз. Гл. ред. Р. И. Аванесов. Том III (добродѣтельно – изжечиса). – М.: Русский Язык, 1990. – 511 с.
3. Аймагамбетова М.М. К вопросу о классификациях трансформации фразеологизмов / М. М. Аймагамбетова // Архивариус. – 2016. – № 2 (6). – С. 64-68.
4. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
5. Азимова С.Р. Фраземы как единицы постоянного контекста / С. Р. Азимова // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – № 1(42). – 2015. – С. 154-159.
6. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и Информатика. – 1986. – № 28. – С. 5-33.
7. Апресян Р.Г., Гусейнов А.А. Этика: Учебник. – М.: Гардарики, 2000. – 472 с.
8. Аристотель. Поэтика. Перевод В.Г. Апеллерота под ред. Ф.А. Петровского. – М.: Лабиринт, 2000. – 224 с.
9. Аристотель. Поэтика. Риторика. – СПб: изд-во «Азбука», 2000. – 347 с.
10. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том к. Академия наук СССР институт философии. – М.: изд-во «мысль», 1983. – 830 с.

11. Арутюнова Н.Д. Истина и этика / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М.: Наука, 1995. – 202 с.
12. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Культурные концепты. отв. ред. Арутюнова Н.Д., Янко Т.Е. – М.: Наука, 1991. – 204 с.
13. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка: языки этики / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 444 с.
14. Арутюнова Н.Д. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
16. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
17. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического писания фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6. – с. 21-34.
18. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
19. Беляевская Е.Г. Концептуальные основания семантики языковых единиц (от лексикологии к фразеологии) / Е. Г. Беляевская // Несколькословные единицы номинации в английском языке: от лексикологии к фразеологии. – Вестник МГЛУ. – Вып. 500. – М.: Изд-во МГЛУ, 2005. – С. 9-24.
20. Беседина Н.А. Морфологические категории в аспекте концептуализации мира / Н. А. Беседина; БелГУ // Res philologica: ученые записки Северодвинского филиала Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова. – 2004. – Вып.4. – С. 79-85.
21. Большой современный толковый словарь русского языка. <https://slovar.cc/rus/tolk/24743.html>. Дата обращения: 24.03.2020.

- 22.Борисова Л.В. Концептуальный анализ лексемы «зло» (русско-чувашские параллели) / Л. В. Борисова // Вестник Московского университета. – Сер. 22. Теория перевода. – 2014. – № 2. – С. 88-100.
- 23.Бороздина И.С. Изучение содержания языкового выражения пространственных отношений в рамках когнитивной лингвистики / И. С. Бороздина // Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Том 1. – № 2. – 2010. – С. 231-250.
- 24.Бочина Т.Г. Диалогичность русской поговорки // Паремология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира. Под ред. Ломакиной О. В. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 304 с.
- 25.Бочкарев А.Е. К проблеме категоризации в теории прототипов: pro et contra. // Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 249-254.
- 26.Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная теория концептуальной метафоры: американский и европейский варианты / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2. – Ч 1. – С. 10-22.
- 27.Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
- 28.Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Издательство «НАУКА», 1977. – С. 140-161.
- 29.Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И., Федоров А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Издательство «Советская Энциклопедия», 1968. – 543 с.
- 30.Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 330 с.

31. Воробьев В.В. Теоретические и прикладные аспекты современной лингвокультурологии / В. В. Воробьев // Вестник МГЛУ. – Выпуск 13 (724). – 2015. – С. 217-226.
32. Гаврилова Е.Г. Фразеологизмы с компонентом-числительным как носители культурного кода / Е. Г. Гаврилова // Фразеологические единицы как элемент языковой картины мира: сборник материалов Всероссийской научной конференции / отв. ред. Н.Б. Усачева. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – 134 с.
33. Гамкрелидзе Т.В. Об одной лингвистической парадигме / Т. В. Гамкрелидзе // Вопросы языкознания. – 2005. – №2. – С. 3-6.
34. Гафурова Г.А. Аппозитивные словосочетания с характеризующим компонентом в русском языке / Г. А. Гафурова // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2017. – № 3. – С. 151-154.
35. Горлов В.В. Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газет // Русский язык в школе. – 1992. – № 5/6. – С. 35-37.
36. Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Основы этики. – М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2005. – 224 с.
37. Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии. дис. ...канд. филол. наук.: 10.02.01 / Дагестанский государственный педагогический университет. – Махачкала. 1997. – 180 с.
38. Даль В.И. Толковый словарь Даля. 1863-1866. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/356278>. Дата обращения: 24.05.2019.
39. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том первый. А – З. – М.: Издание книгопродавца – типографа М. О. ВОЛЬФА, 1880. – 723 с.
40. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том третий. П. – СПб., М.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. – 584 с.

41. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том четвертый. Р – Ижица. – М.: Издание книгопродавца – типографа М. О. ВОЛЬФА, 1882. – 704 с.
42. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том четвертый. Р – V. – СПб., М.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. – 712 с.
43. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка Владимира Даля. <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=31172>. Дата обращения: 29.03.2020.
44. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка: Ок. 7000 словар. ст.: Свыше 35000 значений: Более 70000 иллюстрат. примеров / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1582 с.
45. Ермоленкина Л.И. Метафорическое моделирование этико-эстетической оценкой человека в русских народных говорах: дис. ...канд. филол. наук.: 10.02.01. / Томский Государственный Университет. – Томск, 2002. – 216 с.
46. Есикова М.М. Основы этики: учебное пособие. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 80 с.
47. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
48. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменны русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
49. Земляная Е.А. Представления о добродетелях и пороках в «Бхагавадгите» / Е. А. Земляная // Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Том 2. – № 3. – 2011. – С. 133-142.
50. Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка): Автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Л. Г. Золотых. – Белгород: Астрах. Гос. ун-т, 2008. – 47 с.
51. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

52. Катриона Келли. Рецензии / К. Катриона // Антропологический Форум. – № 6. – 2007. – С. 396-413.
53. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта. – М.: ПРОГРЕСС, 1983. – С. 97. – 302 с.
54. Ключевского В.О. О русской истории. – М.: Просвещение, 1993. – 576 с.
55. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. М.: Перемена, 2001. – 493 с.
56. Кравцова М.Н. Фразеологическая единица и перифраз: к проблеме соотношенности лингвистического статуса / М. Н. Кравцова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2013. – № 2 (24). – С. 236-239.
57. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 432 с.
58. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
59. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика. <https://bigenc.ru/linguistics/text/2077244>, дата обращения: 23.06.2019.
60. Кубрякова Е.С. Память и ее роль в исследовании речевой деятельности / Е. С. Кубрякова // Текст в коммуникации. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1991. – С. 4-21.
61. Кузнецова С.А. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
62. Кульчицкая Л.В. Живая или мертвая метафора: лингвистическая «верификация» современных гипотез когнитивной теории метафор / Л. В. Кульчицкая // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 1 (030). – С. 40-50.
63. Лаврова Н.Н. Вербализация концепта 'совесть' в прозе В.Г. Распутина / Н. Н. Лаврова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (2). – С. 123-127.

64. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Сер. Лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3-9.
65. Макеева Е.А. Добродетель как этическая категория / Е. А. Макеева // Вестник казанского технологического университета. – № 15 (16). – 2013. – С. 170-172.
66. Максимов Л.В. О дефинициях добра: логико-методологический анализ / Л. В. Максимов // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
67. Маслова В.А. Когнитивная Лингвистика: Учебное пособие. – М.: Тетра-Системс, 2004. – 272 с.
68. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
69. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст) / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Кострома: КГПУ, 2011. – 455 с.
70. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
71. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1026 с.
72. Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6-20.
73. Мокиенко В.М., Фелицына В.П. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 220 с.
74. Мур Дж.Э. Доказательство внешнего мира / Дж. Э. Мур // Аналитическая философия: Избранные тексты / Сост., вступит. ст. и коммент. А.Ф. Грязнова. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 66-84. – 181 с.
75. Мур Дж.Э. Принципы этики / Пер. с англ. Коноваловой Л. В. – М.: Прогресс, 1984. – 326 с.

76. Мур Дж.Э. Природа моральной философии / предисл. А.Ф. Грязнова и Л. В. Коноваловой; Пер. с англ., сост. и прим. Л. В. Коноваловой. – М.: Республика, 1999. – 351 с.
77. Муфазалова Л.С. Концепт совесть в русской языковой картине мира / Л. С. Муфазалова // Вестник ИрГТУ. – 2011. – № 11 (58). – С. 352-357.
78. Назаров В.Н. Русскоязычная лексикография порока в контексте этики Аристотеля / В. Н. Назаров // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – № 2 (199). – 2015. – С. 5-13.
79. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова. 1949-1992. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/226090>. Дата обращения: 24.05.2019.
80. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова. 1949-1992. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/49542>. Дата обращения: 27.03.2020.
81. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова. 1949-1992. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/27142>. Дата обращения: 08.08.2020.
82. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова. 1949-1992. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/43486>. Дата обращения: 08.08.2020.
83. Панкратова С.А. Когнитивно-семантические аспекты метафорического моделирования / С. А. Панкратова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 87. – С. 88-99.
84. Панкратова С.А. Когнитивно-семантическое моделирование процессов метафорического выбора / С. А. Панкратова // Вестник Санкт-петербургского университета. – Сер. 9. – 2008. – Вып. К. Ч. II. – С. 164-173.
85. Панкратова С.А. Познавательная значимость когнитивно-семантического моделирования механизмов метафорического выбора / С. А. Панкратова // Вестник российского государственного университета им. И. Канта. – № 2. – 2009. – С. 36-40.

86. Пашков В.И. Историко-теоретический анализ понятий «духовность» и «нравственность» / В. И. Пашков // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 298-302.
87. Пестова М.С. Эмотивность и оценочность как основные компоненты коннотации дисфемистичных фразеологических единиц, построенных на гиперболе, в английском и русском языках / М. С. Пестова // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2010. – Вып. 4. – С. 128-137.
88. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В. В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135-146.
89. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: издательства «Наука», 1988. – 236 с.
90. Печагина Т.В. 'Добро' и 'Зло' как Категориальные Концепты / Т. В. Печагина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 11 (226). – С. 99-101.
91. Пименова М.В. Концептуализация и объективации совести языковых картинах мира / М. В. Пименова // Сибирский филологический журнал. – № 3-4. – 2003. – С. 208-217.
92. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстет. и этич. оценки: дис. ...док. филол. наук.: 10.02.19. / МГЛУ им. Мориса Тореза. – М., 1997. – 393 с.
93. Полищук Т.И. Лексико-фразеологическая репрезентация концепта «глупость» (на материале французского языка) / Т. И. Полищук // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 7. – С. 351-353.
94. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 315 с.
95. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2017. – 250 с.
96. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2018. – 375 с.

97. Радби́ль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 328 с.
98. Радби́ль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: монография / Т. Б. Радби́ль. – М.: Флинта, 2012. – 322 с.
99. Родионов О.А. Моральные ценности: история, сущность и специфика / О. А. Родионов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: философия. Социология. Право. – 2009. – № 8 (63). – С. 42-49.
100. Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая экспликация концепта «грех» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01 / ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – Киров, 2013. – 196 с.
101. Серова И.Г. Концептуальный анализ в лингвокультурологии: методы и возможности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 1. – С. 15-22.
102. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – 2-е изд., стер. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 166 с.
103. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курсы лекций. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
104. Словарь многих выражений, 2014. https://all_words.academic.ru/99508. Дата обращения: 28.12.2020.
105. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
106. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 982 с.
107. Степанов Ю.С., Шмелев Д.Н. Семантика как наука / Ю. С. Степанов, Д. Н. Шмелев // Большая российская Энциклопедия. <https://bigenc.ru/linguistics/text/3546954>. Дата обращения: 08.02.2019.
108. Тарамова М.С. О феномене совести как этической категории / М. С. Тарамова // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 5 (61). – С. 85-87.

109. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. Ред. Ак. Б. А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.
110. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
111. Телия Е.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ-Пресс книга, 2006. – 784 с. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/articles/1403/derzhat-za-gorlo.htm>. Дата обращения: 08.07.2020.
112. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): Монографии. – Волгоград: «Перемена», 2003. – 213 с.
113. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): Монография. – Волгоград: «Перемена», 2003. – 213 с.
114. Третьякова И.Ю. Культурные смыслы фразеологических компонентов-зооморфизмов медведь и волк (к вопросу о национально-культурных особенностях русских фразеологизмов) / И. Ю. Третьякова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т 20. – № 6. – с. 192-197.
115. У Мэн. Эволюция концепта «добро» в языковой картине русского народа (на материале толковых словарей) / Мэн У // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2(68). – с. 158-161.
116. Фесенко О.П. Фразеологический каламбур в дружеских письмах первой половины XIX века / О. П. Фесенко // Сибирский филологический журнал. 2008. – № 1. – С. 114-118.
117. Филин Ф.П. Словарь русских народных говоров. Выпуск одиннадцатый. Зароситься – Зубренка. Гл. ред. Ф. П. Филин. Ленинград. Изд-во «Наука» ленинградское отделение, 1976. – 364 с.
118. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) / Р. М. Фрумкина // Научно-

- техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 1992. – № 3. – С. 1-7.
119. Хабарова О.Г. Оценочные фразеологизмы, восходящие к образам животного и растительного мира: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / О. Г. Хабарова. – Москва, 2004. – 24 с.
120. Хуа Ли. Положительная эстетическая оценка в русском языке: красота с позиции носителя китайского языка и культуры. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 112 с.
121. Худяков А.А. Концепт и значение / А. А. Худяков // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ, 1996. <http://professor-hudyakov.ru/pdf/1996-concept.pdf>. Дата обращения: 18.02.2019.
122. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая Школа, 1985. – 149 с.
123. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 584 с.
124. Шеина И.М. Единицы и способы языковой концептуализации в деловом письме: монография. – Рязань: Изд-во Ряз. Гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2011. – 340 с.
125. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцева. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990. – 682 с.
126. Andreassen L. Introduction to Cognitive Models. – Aarhus: Center for Semiotics, 2000. – 20 p.
127. Aristotle. The Nicomachean Ethics. Trans. by Ross D. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 182 p.
128. Bartsch R. Generating polysemy: Metaphor and metonymy // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. Ed. Dirven R., Porings R. – Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 2003. – 620 p.

129. Black M. *Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy*. – Ithaca, NY.: Cornell University Press, 1962. – 267 p.
130. Black M. *More about metaphor // Metaphor and Thought*. Ed. by Ortony A. 2-d ed. – Cambridge, NY.: Cambridge University Press, 1993. – P. 27-28.
131. Brugman C. *What is the Invariance Hypothesis / C. Brugman // Cognitive Linguistics*. – 1990. – Vol. 1(2). – P. 257-266.
132. Brown W.P. *Seeing the Psalms: A Theory of Metaphor*. – London: Westminster John Knox Press, 2002. – 258 p.
133. Carrión O.B. *Conceptualization of anger in English pop fiction stories / O. B. Carrión // Praxis*. – 2012. – №. 2. – P. 1-29.
134. Croft W., Cruse D.A. *Cognitive linguistics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
135. Croft W. *The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Ed. Dirven R., Porings R. – Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 2003. – 608 p.
136. Cormac M., Earl R. *A cognitive theory of metaphor*. – Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 1985. – 284 p.
137. Dahlman C., Sarwar F., Baath R., Wahlberg L., Sikstrom S. *Prototype Effect and the Persuasiveness of Generalizations / C. Dahlman, F. Sarwar, R. Baath, L. Wahlberg, S. Sikstrom // Rev Philos Psychol*. – 2016. – № 7. – P. 163-180.
138. Dirven R. *Metonymy and metaphor: different mental strategies of conceptualization / R. Dirven // Leuvense Bijdragen 82*. – 1993. – P. 1-28.
139. Donald A.S. *Generative metaphor: a perspective on problem-setting in social policy // Metaphor and Thought*. Ed. Ortony A. 2-d editon. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 684 p.
140. Espinal M.T., Mateu J. *Idioms and Phraseology // Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. – Oxford: Oxford University Press USA, 2019. – 23 p.
141. Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 851 c.

142. Evans V., Tyler A. *The Semantics of English Prepositions: Spatial scenes, embodied meaning and cognition.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 254 p.
143. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and The Mind's Hidden Complexities.* – NY.: Basic Books, 2002. – 440 p.
144. Gardenfors P. *Some tenets of cognitive semantics // Cognitive Semantics: Meaning and Cognition.* Ed. Allwood J., Gardenfors P. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. – 201 p.
145. Gentner D. *Structure-mapping: A theoretical Framework for Analogy / D. Gentner // Cognitive Science 7.* – 1983. – P. 155-170.
146. Gertrude B. *The metaphor: a study in the psychology of rhetoric.* – Des Plaines: The Inland Press, 1899. – 78 p.
147. Gibbs R.W., Bogdanovich J.M., Sykes J.R., Barr D.J. *Metaphor in Idiom Comprehension / R. W. Gibbs, J. M. Bogdanovich, J. R. Sykes, D. J. Barr // Journal of Memory and Language.* – № 37. – 1997. – P. 141-154.
148. Gibbs R.W. *Embodiment and Cognitive Science.* – Cambridge, NY.: Cambridge University Press, 2005. – 337 p.
149. Glucksberg S., Keysar B. *Understanding Metaphorical Comparisons: Beyond Similarity / S. Glucksberg, B. Keysar // Psychological Review.* – Vol. 97. – 1990. – № 1. – P. 3-18.
150. Glucksberg S. *Idiom meanings and allusional content / S. Glucksberg // Idioms: Processing, structure, and interpretation; C. Cacciari, P. Tabossi (Eds.) – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. – 348 p. P. 3-26.*
151. Glucksberg S. *Understanding figurative language: From metaphors to idioms / S. Glucksberg.* – Oxford, UK: Oxford University Press. – 2001. – 142 p.
152. Hampe B. *Image schemata in Cognitive Linguistics: Introduction // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics.* – Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 2005. – 485 p.
153. Horgan T., Timmons M. *Metaethics after Moore.* – Oxford: Clarendon Press, 2006. – 397 p.

154. Horn G. Idioms, metaphors and syntactic mobility / G. Horn // *Journal of Linguistics*. – № 39 (2). – 2003. – P. 245-273.
155. Iraide Ibarretxe-Atunano. Metaphorical mappings in the sense of smell. Ed. Gibbs Raymond W., Steen Jr. Gerard J. *Metaphor in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. – 226 p.
156. Jackendoff R. *Semantic Structures*. Current studies in linguistics sense (Tom 18). – Cambridge, Massachusetts, London: The MIT Press, 1992. – 322 p.
157. Johnson M., Lakoff G. *Metaphors We Live By*. – Chicago, London: University of Chicago Press, 2003. – 276 p.
158. Johnson M., Lakoff G. *Philosophy in the flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. – NY.: Basic Book, 1999. – 640 p.
159. Johnson M. *The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. – Chicago: Chicago University Press, 1987. – 233 p.
160. Johnson M. *The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason*. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 272 p.
161. Joseph G., Taub S., Morgan P. Primitive and Compound Metaphors. In Goldberg, Adele E. ed. *Conceptual structure, Discourse and Language*. – CA, Stanford: CSLI Publications, 1996. – P. 177-188.
162. Keil F.C., Wilson R.A. *The MTI encyclopedia of the cognitive sciences*. – Cambridge: the MTI Press, 2001. – 964 p.
163. Kertesz A. Ceclic vs. circular argumentation in Conceptual Metaphor Theory / A. Kertesz // *Cognitive Linguistics* 20-4. – 2009. – P. 703-732.
164. Klaus-Uwe Panther, Linda L. Thornburg. Metonymy // Ed. Geeraerts D., Cuyckens H. *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 1368 p.
165. Knowles M., Moon R. *Introducing Metaphor*. – London, NY.: Routledge, 2006. – 180 p.
166. Kovecses Z. Anger: Its language, conceptualization, and physiology in the light of cross-cultural evidence. // *Language and the Cognitive Construal of the World*. – Berlin: De Gruyter Mouton, 1995. – P. 181-196.

167. Kovecses Z. *Metaphor: a practical introduction*. – Oxford: Oxford university press, 2010. – 375 p.
168. Kovecses Z., Radden G. *Metonymy: Developing a cognitive linguistic view* // *Cognitive Linguistics* 9–1 (1998). – P. 37-77.
169. Kovecses Z., Szabco P. *Idioms: A View from Cognitive Semantics* / Z. Kovecses, P. Szabco // *Applied Linguistics* 17(3). – 1996. – P. 326–355.
170. Lakoff G. *The contemporary theory of metaphor* // In A. Ortony, (ed.). *Metaphor and thought* (2-d ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 696 p.
171. Lakoff G. *The Invariance Hypothesis: is abstract reason based on image-schemas?* / G. Lakoff // *Cognitive Linguistics* 1-1. – 1990. – P. 39-74.
172. Lakoff G. *The Political Mind: Why You Can't Understand 21st-Century American Politics with an 18th-Century Brain*. – NY.: Viking Adult, 2008. – 304 p.
173. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
174. Langacker R.W. *Cognitive grammar: a basic introduction*. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 562 p.
175. Langacker R.W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of grammar*. – Berlin, NY: Mouton De Gruyter, 2002. – 395 p.
176. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar vol. 1: Theoretical prerequisites*. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 540 p.
177. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar. Volume I: Theoretical Prerequisites*. – California: Stanford University Press, 1991. – 628 p.
178. Langacker R.W. *Grammar and conceptualization* // *Cognitive Linguistic Research* 14. – Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 1999. – 444 p.
179. Levorato M.C. *The Acquisition of Idioms and the Development of Figurative Competence* / M. C. Levorato // *Idioms: Processing, structure, and interpretation*; C. Cacciari, P. Tabossi (Eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. – 348 p. – P. 101-128.

180. Martin D. Idiom and Metaphor / D. Martin // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. – Vol. 83. – 1982-1983. – P. 67-85.
181. McGlone M.S. Metaphor / M. S. McGlone // Encyclopedia of Cognitive Science. Ed. Nadel L. – London: Macmillan Nature Publishing group, 2003. – 4361 p.
182. McGlone M.S. What is the explanatory value of a conceptual metaphor? / M. S. McGlone // Language & Communication. – 2007. – № 27. – P.109-126.
183. Medin D.L., Smith E.E. Categories and Concepts. – Harvard: Harvard University Press, 1981. – 203 p.
184. Melcuk I. Phrasemes in language and phraseology in linguistics // Idioms: Structural and psychological perspectives. M. Everaert, E.J. van der Linden, A. Schenk, & R. Schreuder (eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 2005. – 336 p.
185. Mervis C.B., Rosch E.H. Family resemblance: studies in the internal structure of categories // Cognitive Psychology 7, 1975. – C. 573-605.
186. Moore G.E. ETHICS. ‘The Nature of Moral Philosophy’. Ed. Shaw W.H. – Oxford: Clarendon Press, 2005. – 174 p.
187. Moore G.E. Principia Ethica. Revised edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 313 p.
188. Neisser U. Introduction: the ecological and intellectual bases of categorization // Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization (ed. Neisser U.) – Cambridge: Press Syndicate of the University of Cambridge, 1987. – P. 1-10.
189. Ortony A. beyond Literal Similarity / A. Ortony // Psychological Review. – Vol. 86. – 1979. – № 3. – P. 161-180.
190. Ortony A. Similarity in similes and metaphors // metaphor and thought. Ed. by Ortony A. 2-d ed. – Cambridge, NY.: Cambridge University Press, 1993. – 684 p.
191. Osherson D. An Invitation to Cognitive Science. Vol. 1: Language. – Cambridge, MA.: The MIT Press, 1995. – 445 p.

192. Pinker S. *The Language Instinct: The New Science of Language and Mind*. M.: Penguin books, 1995. – P. 15. – 494 p.
193. Reddy M. *The conduit metaphor // Metaphor and thought*. – 1979. – Vol. 2. – P. 285-324.
194. Reed S.K. *Pattern Recognition and Categorization // Cognitive Psychology*. – 1972. – № 3. – P. 382-407.
195. Reed S.K. *Psychological Processes in Pattern Recognition*. – NY.: Academic Press, 1973. – 244 p.
196. Richards I.A. *The Philosophy of rhetoric*. – New York: Oxford University Press, 1936. – 138 p.
197. Rohrer T. *Image schemata in the brain // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. – Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 2005. – 485 p.
198. Roman J. *The metaphoric and metonymic poles / J. Roman // Fundamentals of Language*. – 1971. – Vol. 2. – P. 90-96.
199. Rosch E.H. *On the internal structure of perceptual and semantic categories*. In T.E. Mooer (Ed.), *Cognitive development and the acquisition of language*. – NY.: Academic Press, 1973. – P. 111-144.
200. Schmid H. *Conceptual blending, relevance and novel N+N-compounds // Windows to the mind: metaphor, metonymy and conceptual blending*. Ed. By Handl S., Schmid H. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. – 323 p.
201. Schmid H.J., Ungerer F. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. – Beijing: Foreign language teaching and research press, 2001. – 315 p.
202. Sternberg R.J., Tourangeau R. *Understanding and Appreciating Metaphors / R. J. Sternberg, R. Tourangeau // Technical Report*. – 1978. – № 11. – P. 1-52.
203. Svensson M.H. *A very complex criterion of fixedness: non-compositionality / M. H. Svensson // Phraseology: An interdisciplinary perspective*. Granger S., Meunier F. (eds.) – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008. – 422 p. – P. 81–94.

204. Sweetser E. From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 174 p.
205. Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. – NY, Oxford: Clarendon Press · Oxford, 1995. – 312 p.
206. Tendahl M. A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics. – London: Palgrave Macmillan, 2009. – 282 p.
207. Ungerer F., Schmid H.J. An Introduction to Cognitive Linguistics. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2001. – 384 p.
208. Wang Yin. Cognitive Linguistics. – Shanghai: Shanghai foreign language education press, 2007. – 681 p.
209. Wang Yin. Explorations on Cognitive Linguistics. – Chongqing: Chongqing Press, 2005. – 404 p.
210. Warren B. An alternative account of the interpretation of referential metonymy and metaphor // Metaphor and metonymy in comparison and contrast. Ed. by Dirven R., Porings R. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. – 616 p.
211. Warren B. Aspects of referential metonymy // Metonymy in Language and Thought. –Hamburg: John Benjamins Publishing Company, 1999. – 410 p.
212. Weller E. Metaphor and Meaning. – Deland, Fla.: Everett & Edwards, 1966. – 166 p.
213. Wierzbicka A. Understanding Cultures Though Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. – NY., Oxford: Oxford University Press, 1997. – 317 p.
214. Wittgenstein L. Trans. by Anscombe G.E.M. Philosophical Investigations. 2-d edition. – Oxford: Basil Blackwell, 1958. – 251 p.
215. Wuthnow R. Vocabularies of Public Life: Empirical Essays in Symbolic Structure. – London, NY.: Routledge, 2003. – 270 p.
216. Wittgenstein 著. 陈嘉映 译. 哲学研究. – 上海: 上海人民出版社, 2001. – 368 p.

217. 邓文正. 细读<尼各马可伦理学>. – 北京: 生活·读书·新知三联书店, 2011. – 316 p.
218. 何宏华. 关于语言本质问题的思考 // 外语教学与研究. – 2007. – № 3. – P. 440-448.
219. 桂诗春. 认知和语言 // 外语教学与研究. – 1991. – № 3. – P. 3-9.
220. 李福印. 认知语言学概论. 北京: 北京大学出版社, 2008. – 415 p.
221. 田运. 思维词典. – 杭州: 浙江教育出版社, 1996. – 757 p.
222. 束定芳. 论隐喻产生的认知, 心理和语言原因 // 外语学刊. – 2000. – № 2. – P. 23-33.
223. 束定芳. 认知语义学. – 上海: 上海外语教育处出版社, 2008. – 265 p.
224. 束定芳. 隐喻学研究. – 上海: 上海外语教育处出版社, 2000. – 267 p.
225. 王寅. 认知语言学探索. – 重庆: 重庆出版社, 2005. – 404 p.
226. 王寅. 什么是认知语言学. – 上海: 上海外语教育处出版社, 2011. – 181 p.
227. 赵艳芳. 认知语言学概论. – 上海: 上海外语教育处出版社, 2000. – 223 p.
228. 张敏. 认知语言学与汉语名词短语. – 北京: 中国社会科学出版社, 1998. – 386 p.
229. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典. – 北京: 商务印书馆, 2016. – 1799 p.

Список использованных фразеологических и паремнологических словарей:

230. Васильев А.И. Фразеологический словарь языка В.И. Даля. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. – 202 с.
231. Даль В.И. Пословицы русского народа. Том I. – СПб., М.: Тип. М.О. Вольфа, 1879. – 756 с.
232. Даль В.И. Пословицы русского народа. Том II. – СПб., М.: Тип. М.О. Вольфа, 1879. – 660 с.

233. Жуков. В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 730 синоним. рядов / Под ред. В. П. Жукова. – М.: Рус. яз., 1987. – 448 с.
234. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1991. – 534 с.
235. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с. – (Б-ка словарей рус. яз.)
236. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. – М.: «Аделант», 2014. – 512 с.
237. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878, [2] с.
238. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. – 334, [2] с.
239. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А. Н. Тихонова / Сост.: А. Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 1. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.
240. A collection of Chinese proverbs. Tran. and arran. by Scarborough W. – Shanghai: American Presbyterian Mission Press, 1875. – 478 p.
241. 新华成语字典. 商务印书馆辞书研究中心编. – 北京: 商务印书馆, 2002. – 1016 p.